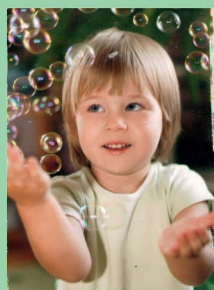
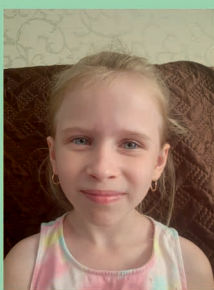

А. Г. ЗЛОТНИКОВ

**СОЦИОЛОГО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

**БЕЛКООПСОЮЗ
УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛОРУССКИЙ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ»**

А. Г. ЗЛОТНИКОВ

**СОЦИОЛОГО-
ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

Монография

Гомель 2024

УДК 314.1:316.2
ББК 60.7
3 68

Рецензенты: А. Н. Данилов, чл.-кор. НАН Беларуси, д-р социол. наук, профессор Белорусского государственного университета;
В. В. Кириенко, д-р социол. наук, профессор Гомельского государственного технического университета им. П. О. Сухого

Рекомендована к изданию научно-методическим советом учреждения образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации». Протокол № 5 от 9 апреля 2024 г.

Злотников, А. Г.

3 68 Социолого-демографические очерки : монография / А. Г. Злотников. – Гомель : учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2024. – 236 с.

ISBN 978-985-540-662-5

Книга включает ряд опубликованных автором статей за последние годы по социологии демографии. Они отражают многомерность демографических процессов во взаимосвязи с экономическим развитием, политической сферой, состоянием экологии, объективными и субъективными процессами, национальной безопасностью Беларуси, деятельностью субъектов управления на макро- и микроуровнях. Рассмотрены этнические проблемы демографических процессов страны. Обоснована озабоченность перспективами демографического развития Беларуси.

Адресована научным работникам, преподавателям учреждений высшего образования, специалистам органов государственного управления, студентам и всем тем, кого волнуют и интересуют современные демографические процессы.

Выполнена по Государственной программе научных исследований (ГПНИ) 2016–2020 и ГПНИ 2021–2025 гг.

УДК 314.1:316.2

ББК 60.7

ISBN 978-985-540-662-5

© Злотников А. Г., 2024

© Учреждение образования «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
Глава 1. Социологическое видение современных проблем демографической теории	8
Глава 2. Социологические аспекты белорусской демографической истории.....	20
Глава 3. Перепись населения 2019 г. о демографических тенденциях Республики Беларусь	32
Глава 4. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси	42
Глава 5. Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики	56
Глава 6. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси	83
Глава 7. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси	99
Глава 8. Объективные и субъективные составляющие демографических процессов Республики Беларусь.....	120
Глава 9. Положительное или отрицательное сальдо миграции имеет Беларусь?	131
Глава 10. Миграция в демографических процессах Беларуси.....	142
Глава 11. Внутренняя миграция в демографических процессах регионов Беларуси	155
Глава 12. Миграция в формировании белорусского этноса	168
Глава 13. Миграция и «лингвистическая аномальность» Беларуси ...	188
Глава 14. Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19....	196
Заключение.....	220
Список литературы	224

ПРЕДИСЛОВИЕ

Представленная читателю книга выполнена на основе статей по социологии демографии, опубликованных в последние годы в таких высокорейтинговых научных изданиях страны, как «Журнал Белорусского государственного университета. Социология», научно-практический журнал «Наука и инновации» Национальной академии наук Беларуси, демографический журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» Института социально-политических исследований Российской академии наук, а также в журнале «Потребительская кооперация» Белорусского торгово-экономического университета потребительской кооперации и других изданиях.

Читатель, наверное, обнаружит, что в некоторых главах имеются отдельные повторения. Это связано с необходимостью донести до субъектов управления, что и почему происходит в самой важнейшей социально-демографической сфере страны. Особенно это важно в современных условиях – условиях сложившегося дефицита демографической статистической информации. Сопоставляя свои суждения с теми выводами, которые были озвучены высшим руководством страны, видно, что мысли, изложенные в опубликованных статьях, доходят до тех, кто готовит материалы для выступления Президента Республики Беларусь. Понимая всю сложность ситуации на демографическом поприще, являющемся не только важнейшей проблемой современного и будущего развития страны, но и ставшей гуманитарным средством в руках оппозиционных сил, и скрывая состояние в демографической сфере, мы, по сути, даем им это мощное средство, вместо того чтобы самим его использовать.

Автор давно, еще с 80-х гг. XX в., высказывает озабоченность перспективами демографического развития Беларуси. И эта озабоченность разделяется на самом высоком уровне, на котором проблемы демографии Беларуси охарактеризованы как «вопрос будущего и нашей государственности, и нашей национальной идентичности», иначе, как заявил Глава государства: «Завтра жить в Беларуси некому будет при такой тенденции». Основные тенденции депопуляционных процессов нами были обозначены, и это также использовано на самом высоком уровне.

Приведем факты. В Послании Президента Республики Беларусь 31 марта 2023 г. к белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь отмечено, что «вопросы демографической безопасности тема не только экономических мер. Есть факторы, ко-

которые нивелируют все усилия государства по созданию благоприятных условий для роста населения». Среди этих факторов, означенных Президентом Республики Беларусь, во-первых, «западная мода на чайлдфри, а это не что иное, как попытка обезлюдить и ослабить государство», во-вторых, прослеживается опасная тенденция среди молодого поколения, чтобы «как можно дольше пожить для себя, откладывание рождение ребенка», чего «молодые люди просто не могут понять в силу своего возраста», в-третьих, это «стереотип, либо карьера, либо семья», и, в-четвертых, некоторый рост рождений третьего и последующих детей характерен для семей с низким социальным статусом, есть «тысячи фактов, когда мы для детишек деньги отдаем, а родителями пропиваются», – констатируется в Послании.

Обратимся к нашим публикациям, представленным в книге. Критикуя «финансовую диету» за ее негативные демографические последствия, выявлено, что ее механизм «направлен против рождаемости, формируя free children, что будет усугублять депопуляционные процессы» (Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 63). Наряду с этим отмечалось, что «высокую рождаемость демонстрируют женщины из неблагополучных и маргинальных семей» (Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2017. С. 65). Это же было отмечено и пятью годами позже: «третий ребенок часто появляется в семьях женщин с низким социальным статусом» (Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2022. № 2. С. 47).

В этой же статье дан социологический анализ причин низкой и поздней рождаемости у столичных женщин, среди которых ярко проявляются тенденции реализации карьерных устремлений и пожить для себя. Особенно это характерно для Минска. Столица среди регионов страны имеет наиболее высокий удельный вес женщин самого активного репродуктивного возраста, но при этом ей присущ и самый низкий уровень рождаемости. В погоне за карьерой осознание ошибочности расстановки акцентов своего выбора приходит, когда уже возникают объективные физиологические проблемы с рождением детей, т. е. откладывание на более поздний срок рождения детей вступает в противоречие с объективными репродуктивными возможностями, ибо «не все женщины приходят к старшему репродуктивному возрасту с хорошим для деторождения здоровьем» (Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2022. С. 43). Это является следствием дилеммы выбора между семьей и карьерой из-за насыщенности учреждений высшего образования в столице с большими возможностями карьеры и гендерной диспропорции.

Видно, что президентские спичрайтеры используют научные публикации в процессе подготовки материалов по актуальным социальным проблемам. А так как в последнее время из-за отсутствия демографической информации сузился круг публикаций по этим проблемам, то, с одной стороны, приятно, что наши мысли используются в процессе подготовки материалов для высшего руководства страны. С другой стороны, научное сообщество могло бы сделать больше, чему препятствует отсутствие официальной демографической статистики.

В начале третьего десятилетия нынешнего столетия постепенно стала исчезать статистическая информация о рождаемости, смертности, миграции Республики Беларусь. С 2020 г. статистические органы перестали давать открытую статистику по рождаемости и смертности, миграции, численности пенсионеров в стране, продолжительности жизни, оттоку кадров из IT-отрасли. Перестал издаваться важнейший для научного сообщества статистический сборник «Демографический ежегодник Республики Беларусь» (ранее «Население Республики Беларусь»). Прекращена публикация сначала ежемесячных, потом квартальных демографических бюллетеней. Ныне научное сообщество в демографических проблемах «сидит на голодном пайке». Единственным исключением является публикация итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г.

Из последних публикаций Белстата, в которых имеется информация по отдельным (не столь важным для аналитики) демографическим показателям – об общей численности населения и укрупненной возрастной структуре, вышли «Статистический ежегодник Республики Беларусь. 2023» и бюллетень «Численность населения на 1 января 2023 г. и среднегодовая численность населения за 2022 г. по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа». Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстата) от 24 марта 2023 г. № 14 данная ситуация по сокрытию от широкой общественности демографической статистики обосновывается тем, что «их раскрытие может причинить вред национальной безопасности, общественному порядку, нравственности, правам и законным интересам юридических и физических лиц». Но это противоречит Закону о государственной статистике в Республике Беларусь, который, чтобы «успокоить» общественное мнение, постоянно корректируется, и наносит ущерб перспективам демографического развития государства.

Демографические процессы отражают многомерность социальной жизни, что является прерогативой социологии. Недаром О. Конт из-

рек: «Демография и есть социология». Демография связана абсолютно со всеми явлениями жизни. Это демография и экономика, это демография и политика, это демография и экология, это демография и взаимоотношения людей, это демография и национальная безопасность Беларуси, это демография и прошлое и будущее страны, это демография и макро- и микроуровни, это демография и деятельность субъектов управления...

Какую бы сторону нашей многогранной жизни мы не взяли, везде присутствует и социология и демография. Эта многогранность отражена в предыдущих наших монографиях «Демографическое измерение современной Беларуси» (2006), «Демографические идеи и концепции» (2014), «Демография белорусско-российского пограничья» (2022) и «Взаимосвязь демографического развития и социальной политики Беларуси: социологический анализ» (2023). Об этой многогранности мы напоминаем в этой книге.

Глава 1. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ВИДЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ¹

В науке всегда наиболее важными вопросами были проблемы теоретического характера. В современной демографической науке существенные теоретические разработки были связаны с системным анализом демографических проблем и прежде всего – с социологическим подходом. Теоретическим исследованиям демографических проблем ученые всегда уделяют первостепенное значение, так как от тех или иных теоретических подходов зависит направленность, глубина и содержательный анализ демографических процессов. Особенно актуальной проблема теоретического осмысления демографических процессов становится в условиях глобализации и взаимодействия демографических процессов со всеми сторонами жизни современного общества.

На постсоветском пространстве это находит отражение в публикациях А. И. Антонова, В. Н. Архангельского, В. А. Борисова, А. Я. Боярского, Д. И. Валентя, А. Г. Вишневого, М. Б. Денисенко, В. В. Елизарова, В. А. Ионцева, А. Я. Кваши, М. А. Клупта, Э. М. Либановой, А. А. Ракова, Л. Л. Рыбаковского, А. Б. Синельникова, Л. П. Шахотько и др. Большинство этих публикаций уделяют внимание прежде всего анализу конкретных демографических проблем. Теоретические проблемы демографической науки среди ученых постсоветского пространства находят отражение в основном в работах А. И. Антонова, А. Г. Вишневого и М. А. Клупта, занимающих противоположные методологические позиции в отношении наиболее популярной в современной демографии концепции – теории демографического перехода.

Целью данной книги является исследование основных современных демографических концепций с институциональным и полипарадигмальным подходами. И, в частности, исследовать демографические процессы во взаимодействии с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями на основе новых социолого-демографических концепций.

В современной демографической науке существует ряд направлений: общая теория демографии, демографическая статистика, историческая демография, экономическая демография, этническая демография, социологическая демография и другие научные ветви демо-

---

¹ Злотников А. Г. Социологическое видение современных проблем демографической теории // Демографія та соц. економіка. 2014. № 2. С. 112–123.

графии. В свою очередь, экономика, социология, география, медицина и другие науки рассматривают демографические аспекты. По мнению В. А. Борисова, социологической демографии «удалось достаточно удовлетворительно объяснить причины снижения рождаемости до малодетного уровня по мере экономического развития, чего не удалось сделать экономистам по пути чисто экономических объяснений этого процесса» [1, с. 334]. Еще на заре научного становления демографии, этой «естественной и социальной истории человеческого рода» (Ашиль Гийяр), создатель социологии Огюст Конт изрек, что демография – это и есть социология.

Социологический аспект проявился и в теории демографического перехода. Так, пионерская статья по теории демографического перехода У. Томпсона «Население» была опубликована в «Американском социологическом журнале» (1929). Социологической является и теория «человеческого капитала», один из основоположников которой нобелевский лауреат по экономике Т. Шульц в сборнике статей «Продовольствие для мира» (1945) опубликовал статью Ф. Ноутстейна «Население. Взгляд издалека» (Population. The Long View), способствовавшую институционализации теории демографического перехода. Уже то, что публикации пионерских работ по теории демографического перехода появились в социологических изданиях, указывает на их социологический подтекст, что свидетельствует о позитивной роли социологического подхода в развитии демографии.

Эта концепция вписывается в известный общесоциологический подход К. Маркса, что страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране картину ее собственного будущего. Современная наука исходит из ряда методологических подходов, каждому из которых соответствует и «своя» социология, от которых отталкивается и демография. Г. Гегель и К. Маркс исходили из положения, что знание может считаться научным, если оно отражает объективные закономерности. Теоретические поиски середины 1970-х гг. возрождающейся в СССР демографии в этом плане также были связаны с проблемами формулировки закономерностей воспроизводства населения.

Огюст Конт под наукой понимал систематизированное знание, где социология представлена вершиной этой иерархической системы. И демография («это и есть социология») вписывается в его систему наук, методологию поиска закономерностей. И в контовском понимании демография является точкой пересечения интересов многих гуманитарных и естественных наук. Демографические процессы всегда оказывались в центре внимания и анализа многообразных наук. А се-

годня демографические проблемы являются центральными в системе политических, социальных и экономических отношений как глобального, так и регионального характера.

Карл Поппер исходил из того, что любая научная теория должна объяснять множество практических ситуаций, должна изучать не какой-то объект, а проблемы. Серьезность проблем, с которыми сталкивается исследователь, свидетельство научного знания и научного подхода. И современное демографическое развитие представляет самую серьезную и практическую и теоретическую «таинственную» (А. Сови) проблему, требующую адекватного решения. В свете этой попперовской методологии сформировалось несколько научных подходов в демографии.

Важным методологическим научным подходом является концепция парадигмы Томаса Куна – структуры научных революций: переход от одной парадигмы к другой представляет собой научный прогресс. И социологическое видение демографии иллюстрирует это революционное движение науки.

Еще один интересный методологический подход связан с именами М. Планка и П. Фейерабенда, связывавших развитие науки со сменой поколений ученых. М. Планк афористически утверждал, что новые идеи не побеждают: просто уходят поколения придерживавшихся прежних идей. В результате может показаться, что каждое новое поколение отрицает взгляды предшествующей когорты ученых. А у П. Фейерабенда важную роль играет и пропагандистская деятельность ученых, ориентирующихся на формирование соответствующего общественного мнения. Как здесь не вспомнить Людвига фон Мизеса, утверждавшего, что «в области социальной организации и экономической политики самые хорошие теории являются бесполезными, если не разделяются общественным мнением. Они не могут работать, если не принимаются большинством людей... Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. Оно определяет весь ход человеческой истории» [2, с. 810].

Анализ исторического развития социолого-демографических идей в целом подтверждает справедливость каждого из перечисленных подходов. Современная научная методология включает, во-первых, выявление демографических тенденций и закономерностей, во-вторых, она основывается и на понимании того, что демографические процессы и изменения носят системный, а не изолированный характер, в-третьих, в связи с этим современная научная демографическая методология исходит из возможности их приложения ко многим социальным уровням, и, в-четвертых, демографическая наука представляет

совокупность постоянно развивающихся идей, изменения (расширения, дополнения или нового видения) постоянно развивающейся социальной реальности.

В экономической науке ярким примером такого сочетания методологических подходов является анализ современных демографических проблем нобелевскими лауреатами. Так, концептуальный подход Г. Мюрдаля состоит в том, что все проблемы в жизни сложны, их нельзя рассматривать как чисто экономические, политические, социальные или психологические. Выводы о социальной действительности, исходя из одних лишь экономических концепций, являются явно непродуктивными. В своей монографии «Драма Азии. Исследование нищеты народов» в разделе «Шоры на наших глазах», начинающимся параграфом «Слово в защиту социологии познания», он формулирует свое методологическое экономико-социологическое кредо: «неоспоримо, что отдельные общественные науки оказывают друг другу содействие в исследованиях». Но только «одна наука – социология, – по его мнению, – концентрирует все внимание на совокупности общественных отношений и берет на себя особую ответственность за изучение тех сторон социальной действительности, которые менее тщательно исследуются другими дисциплинами». «Признавая, что даже экономические решения люди принимают под влиянием общего склада их мышления и в особенности той среды, в которой они живут, что ими управляют самые разнообразные мотивы, как и всеми людьми в их поступках, мы больше и больше, – указывал Г. Мюрдаль, – концентрируем внимание на взаимодействии этих сил» [3, с. 80, 81]. И демографические процессы как раз и относятся к тому спектру отношений, где и проявляется это многообразное взаимодействие.

В российской демографической науке столкнулись различные подходы. Питерский демограф М. А. Клупт в статье «Теория демографического развития: институциональная перспектива» [4] выступил с критикой концепции демографического перехода. Его оппонент А. Г. Вишневецкий, позицию которого М. А. Клупт критиковал, ответил публикацией «Это ключ от другого замка» [4]. Эти публикации касались самих популярных современных демографических и социолого-демографических проблем. Этот спор касается, во-первых, проблемы – имеются ли общие демографические закономерности, которые могли бы адекватно отразить происходящие в современном мире демографические изменения. Во-вторых, спор касается и такой фундаментальной методологической проблемы науки – может ли быть

только единственный – монистический – подход при описании демографических процессов, или необходимо расширить взгляд на демографические процессы.

В середине 1970-х гг. теорию демографического перехода и ее компонент – концепцию «демографической революции» советские демографы отвергали. По их мнению, которое выразил А. Я. Боярский, она смыкается «с теорией индустриального общества и другими конструкциями буржуазной общественной науки» и игнорирует «самое главное содержание исторического развития – смену общественных формаций» [5, с. 67]. Ранее в СССР, а ныне в России последовательным и наиболее аргументированным сторонником теории демографического перехода является А. Г. Вишнеvский. Эта концепция хотя и имеет своих сторонников на постсоветском пространстве, но нет единства в подходе к ней и приложении ее к анализу конкретной исторической демографической ситуации. Но ее позитивная роль состоит в том, что она породила многообразие точек зрения в демографической науке, что способствует углублению теоретической базы по пути междисциплинарного и системного демографического анализа. Главным выводом теории демографического перехода является доказательство того, что снижение рождаемости в основном не связано с биологической природой. Ключевая роль в этом принадлежит установкам населения, что свидетельствует о социологических аспектах тенденций в развитии демографической науки.

Наряду с социологическим подходом к демографическим проблемам значительная роль принадлежит и социолого-экономическим взглядам нобелевских лауреатов по экономике Т. Шульца и Г. Беккера. Т. Шульц высказал ряд гипотез о соотношении рождения и воспитания детей в рамках концепции человеческого капитала. Если ранее считалось, что величина издержек воспитания детей неизменна (Т. Мальтус), то в современную эпоху, по мере увеличения цены человеческого времени, затраты на воспитание детей растут, «на рождаемость влияют и цены, и доход, и накопление человеческого капитала в детях» [6, с. 37]. Этим самым он заложил основы для разработки экономической теории рождаемости Г. Беккера. Почти все супружеские пары желают иметь детей. Но при этом, по мнению Т. Шульца, «ключевым моментом, который определяет ценность детей для их родителей, является взаимодействие влияющих на семейные решения факторов спроса и предложения», но факторы, определяющие рост населения, – считает он, – остаются одной из мало исследованных сфер экономической теории [6, с. 38, 39].

С позиций теории человеческого капитала и теории демографического перехода Г. С. Беккер акцентировал внимание на экономических факторах. Эти факторы в развитии института семьи и брака рассматриваются им на процессах разделения труда между полами, действия механизмов брачного рынка, выбора между количеством детей и их «качеством», динамики разводов, альтруистического поведения и, в конечном счете, эволюции семьи в длительной исторической ретроспективе [7].

Вместе с тем существующая трактовка теории демографического перехода как «теории» недостаточно удовлетворительна. Ее трактовка исходит из простого эмпирического статистического подхода, представляя комбинации количественных показателей рождаемости и смертности, и потому справедливо подвергается критике [4, с. 139–149]. И как «теория» теория демографического перехода не отвечает на несколько важных моментов в теории перехода: если это «переход», то переход – от чего и к чему? Если это действительно «теория», то она должна иметь содержательную объяснительную трактовку. Определение же, что данная концепция применяется для объяснения смены типов воспроизводства [8, с. 108–109]: отражает переход в изменении типа воспроизводства общества от традиционного аграрного к городскому индустриальному или отражает взаимодействие между социальными изменениями и демографическими тенденциями (Ф. Ноутстейн) для формулировки содержания теории, – явно недостаточно. Подобное (для объяснения смены типов воспроизводства) можно сказать и об эйлеровской гипотезе [9] 25-летнего удвоения численности населения. Это можно сказать и о концепции народонаселения К. Маркса, что каждому способу производства соответствуют и свои законы народонаселения. Соответствие законов народонаселения и способа производства также характеризует смену типов воспроизводства.

Демографические процессы отражают ритмику долговременных социокультурных и социально-экономических процессов, механизм постепенного изменения, который сопровождается изменением установок и норм демографического поведения. В современной демографической науке ведущей и наиболее аргументированной социолого-демографической концепцией является теория демографического перехода. Она представляет такую модель исторического развития общества, которая характеризует процесс изменения типов воспроизводства населения. Эта теория отражает переход от «экстенсивного» типа воспроизводства с высокими уровнями смертности и рождаемости к «интенсивному» – с низкими уровнями смертности и рождае-

мости, или иначе – характеризует переход общества от прежнего традиционного режима воспроизводства населения с высокими уровнями рождаемости и смертности к современному – с существенно низкими их уровнями.

Однако то, что в общем плане концепция демографического перехода дает более презентабельное представление о различных типах воспроизводства, отнять у нее нельзя. Просто существующая теория демографического перехода, в соответствии с афоризмом Э. Лэнга, «использует статистику, как пьяница использует фонарный столб – для опоры, а не для освещения». Переход – от чего? Переход – к чему? Прежнее репродуктивное поведение характеризовалось большим количеством рожденных женщиной детей. Но оно одновременно сопровождалось и высокой смертностью прежде всего среди детского населения. В итоге до 15-летнего возраста доживало в большинстве случаев два-три ребенка.

Подобная тенденция с небольшой вариацией показателей отмечалась многими мыслителями. И эта ситуация держалась почти до середины XIX в. Так, Дж. Граунт отмечал, что в Англии в середине XVII в. чуть более одной трети (36%) новорожденных умирали в возрасте до 6 лет. А во Франции (по данным Ф. Кенэ) более одной трети родившихся не доживали даже до двухлетнего возраста, а, кроме этого, в возрасте от 2 до 16–17 лет умирало еще около одной четверти детей. Это также отмечали и А. Смит и М. В. Ломоносов. На заре эпохи заселения территории Беларуси до 40-летнего возраста доживал лишь один человек, а большинство умирали или гибли, не прожив и 20 лет.

Историческое сравнение тенденций в развитии смертности и перспектив дожития до определенного возраста в зависимости от типов демовоспроизводства выявляет, что численность доживающих до 15 лет при традиционной ступени такого перехода составила 48,8%, на ранней стадии перехода – 55,9, на поздней – 78,8 и на современной – 95,6%, т. е. оказывается, что итоговые количественные результаты традиционного и современного типа воспроизводства схожи.

Любая теория подвержена изменению в связи с прогрессом знаний, а социальная теория – тем более, поскольку в отличие от естественных наук изменяются и условия, характер жизнедеятельности людей. Количественные характеристики и количественные комбинации в теории демографического перехода можно сформулировать следующим образом: теория демографического перехода отражает историческую смену типов демовоспроизводства, выражающуюся в переходе от количественного репродуктивного поведения людей к качественному репродуктивному поведению. В этом плане теория

демографического перехода отражает переход – и от чего, и к чему. Она отражает и содержательный аспект теории, т. е. раскрывает то, что характеризует любую теорию – ее сущность. И это отвечает сущности теории «человеческого капитала».

Как демографическое поведение конкретного человека не вписывается в рамки какого-либо одного фактора, так и концепции, характеризующие многообразие исторических, политических, социальных условий, в которых осуществляются демовоспроизводственные процессы, многообразны и разнообразны. Исследование социолого-демографических идей представляет целостный процесс, включающий взаимодействие, проявляющееся как в противоборстве, так и во взаимовлиянии их, даже при их противоречивости. Современная демографическая ситуация Беларуси, России, Украины, которая характеризуется депопуляционными явлениями, не вписывается в теорию «перехода», ибо переход должен свидетельствовать о прогрессе, а не о регрессе. В противном же случае мы имеем дело не с переходом, а с уходом.

Анализ демографических позиций лауреатов нобелевской премии по экономике, а также современных сторонников концепции демографического перехода выявляет, что нельзя противопоставлять институциональный подход и концепцию демографического перехода. В рамках полипарадигмального подхода они не противоречат, а дополняют друг друга, расширяют масштабы социологического анализа современного демографического развития. Если концепция демографического перехода дает возможность выявить наиболее существенные характеристики современных демографических процессов, то институциональный аспект показывает роль социальных институтов в проведении необходимой демографической политики. Идея демографического перехода, выявляющего закономерности демографического развития, во взаимодействии с институционализмом позволяет вести речь о социокультурной обусловленности современных демографических процессов.

Это выявление большого ряда взаимосвязей, разнообразия и многогранности последствий взаимосвязей и, как следствие, системность важны при анализе социальных явлений и процессов. Эта системность и сложность социальных процессов отражается во многогранности взаимосвязей социальных объектов [10]. Во-первых, это видимые взаимосвязи: а) социальных сфер, б) социальных институтов, в) социальных общностей, г) личности, д) общества и е) их взаимодействие. Во-вторых, наличие и маловидимых связей тех же социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности и общества. И, в-третьих, наряду с этими взаимосвязями чело-

века и общества, общества и человека важно и взаимопроникновение их друг в друга. Это не просто отдельно общество и отдельно человек, это общество в восприятии человека и человек в социальном мире.

Отсюда вытекает, что демографические процессы разворачиваются на большом ряде уровней, в более упрощенном варианте – на микро-, мезо- и макроуровне. Это значит, что демографические процессы, функционирование которых прежде всего связано с таким социальным институтом, как брак и семья, связаны и с взаимодействием совокупности других социальных институтов. Деятельность этих институтов отражается на содержании, ходе и изменении демографических процессов и их основы – института брака и семьи. В свою очередь, демографические процессы, которые порождены семейно-брачными отношениями, сказываются на функционировании и развитии большого ряда социальных институтов. Так, развитие системы образования, по сути, переход ко всеобщему характеру высшего образования привели к тому, что будущие матери, по сравнению с минувшими эпохами, сегодня значительно позже создают семьи и обзаводятся детьми. Преобладание в учреждениях высшего образования женского контингента приводит к гендерным диспропорциям в образовании: сегодня почти треть женщин с высшим образованием не могут «найти» супруга с соответствующим уровнем образования. А в связи с разными культурными ценностями супругов это сказывается на функционировании института семьи и брака.

Аналогично мы сталкиваемся и с взаимодействием демографических процессов и функционированием социальных сфер. Экономическая, политическая, духовная и повседневно-бытовая сферы испытывают влияние протекающих демографических процессов. Но это влияние – не одностороннее: функционирование всей гаммы совокупностей социальных сфер, в свою очередь, проявляется на развитии института брака и семьи, а следовательно, и демографических процессов. Особенно ярко это проявляется во взаимодействии демографических процессов с экономической сферой, а в научном плане – во взаимодействии экономической социологии и демографии. Рождение детей, уход за ними, болезни и т. д. ведут к определенным экономическим затратам как субъектов хозяйствования, так и субъектов управления, что вызывает скрытое нежелание работодателей нести тяготы в отношении тех, кто улучшает демографическую ситуацию. Такие социальные отношения в этой экономической сфере, как свидетельствуют мониторинговые социолого-демографические исследования, проводимые нами уже в течение более 10 лет, не вызывают большого энтузиазма у женщин еще раз уходить в «декрет».

Такая же система взаимодействия характерна и в отношении демографических процессов и явлений с деятельностью социальных общностей. Здесь их отношения представляют также взаимодействие. Протекающие демографические процессы влияют на деятельность многообразных социальных общностей, функционирование которых, в свою очередь, сказывается на процессах, относящихся к демографии. Так, снижение во многих странах рождаемости среди титульного этноса ведет к изменению этнического и конфессионального состава. Ярким примером является современная этнодемографическая ситуация во многих странах Европы. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. исход славянского населения из среднеазиатских регионов бывшего Советского Союза привел к напряжению на национальных рынках труда. В частности, в среднеазиатских республиках исход (миграция) славянского населения привели к проблемам обеспечения трудовым потенциалом предприятий легкой промышленности. Женские трудовые ресурсы титульной нации не изъявляли большого желания работать в цехах на предприятиях, скажем, по переработке хлопка, и эти предприятия стали испытывать недостаток не только высококвалифицированных кадров, но и вообще – рабочей силы.

Следует отметить, что в ряде случаев эти их взаимоотношения очевидны, но большинство взаимодействий не всегда очевидно. Видимые связи характеризуют их видимые отношения, причины, следствия и т. д. Из наших рассуждений следует, что имеются и невидимые связи, последствия которых в этих взаимодействиях не сразу обнаруживаются. Здесь можно говорить как в отношении физических явлений, о темной материи и темной энергии, т. е. о более мощном влиянии этих невидимых взаимодействий. Поэтому перед наукой стоит задача (огромнейшая по своей трудоемкости и аналитическим возможностям, но прогрессивная по своему эпистемологическому потенциалу) выявлять взаимосвязи демографических процессов с социальными сферами, социальными институтами и социальными общностями, взаимосвязи, которые мы только в первом приближении набросали.

Демографические процессы протекают во взаимосвязи с другими процессами. Демографические процессы, вызывающие внутренние последующие, вторичные изменения в демографических процессах или ими самодетерминированы, в соответствии с социологической методологией Р. Мертона мы называем интрональными процессами. Те демографические процессы, которые проявляются в других социальных явлениях, или если недемографические процессы сказываются

ся на содержании демографических процессов, мы называем экстра-нальными. Этот аспект в постсоветской социологии и демографии является менее изученным, хотя любой исследователь в процессе анализа, интерпретации социальных явлений всегда в той или иной степени сталкивается с их многообразными последствиями.

Концепция интрональности и экстранальности демографических процессов [11] показывает их сложность и одновременно сложность решения демографической проблемы. Невозможно, даже используя модифицированные модели балансовых расчетов В. В. Леонтьева («затраты – выпуск») или более полные модели Г. Мюрдаля [3, с. 726], просчитать последствия изменения той или иной модели демографического развития. И то, что демографы в этой связи рассчитывают не один, а несколько вариантов демографического прогноза (в частности, в Беларуси Л. П. Шахотко представлено шесть различных сценариев демографического развития Беларуси [12]), также свидетельствует о роли экстранальности и интрональности демографических процессов. Дело в том, что при первом рассмотрении можно выявить только некоторые их ближайшие последствия, а более отдаленные не всегда просчитываются.

Таким образом, анализ современных демографических процессов выявляет: а) значительные сложности и неоднозначность современных демографических процессов, изменений в семейных отношениях и ценностях; б) необходимость поиска в изменившихся условиях новых путей проведения активной демографической политики на всех уровнях. Анализ социальных явлений и процессов требует учета их сложной взаимосвязи, которая отражает один из основных принципов познания – принцип единства, диалектической взаимосвязи явлений, процессов, социальных систем. Эта взаимосвязь (взаимодействие) внутренне присуща социальной действительности. Естественно, наука отражает эту их многомерную взаимосвязь. Указанный принцип проявляется в том, что демографическое развитие находится в теснейшей взаимосвязи и зависимости с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями, тем самым, характеризуя и отражая их органическое единство. С позиций демографического развития это их органическое единство, диалектика, взаимосвязь проявляются не только в национальных рамках, но и в глобальном масштабе, не только в самих демографических процессах, но и вне их. В результате это их органическое единство, взаимосвязь представляют собой диалектику экстранальности и интрональности.

В этой связи в научном плане анализ процессов демографического развития исходит из необходимости постоянного расширения поля исследования, взаимосвязи демографических явлений и процессов с другими социальными явлениями и последствиями – фактора глобализации социально-экономических процессов, этноконфессиональных особенностей, взаимосвязи региональных и национальных демографических проблем в деле обеспечения национальной безопасности, экономического роста, устойчивого развития общества на макросоциологическом и микросоциологическом уровнях.

Отсюда видна и системность социологической науки, выполняющей эпистемологическую роль, рассматривая развитие демографической науки в системе междисциплинарных исследований, во взаимодействии с другими отраслями научного знания. Это отражает и анализ отдельных демографических процессов (рождаемости, смертности, формирования семьи, миграции) как в общетеоретическом и методологическом уровне демографического знания, так и демографическом методическом анализе.

Таким образом, в соответствии с известной характеристикой Ф. Энгельса о наличии бесконечного количества перекрещивающихся сил, бесконечной группы параллелограммов сил, и выходит та равнодействующая, которую отражает системность анализа демографических процессов. Их сущность в отражении теории демографического перехода характеризуется полипарадигмальным подходом и прежде всего влиянием и взаимодействием различных социальных институтов и социальных сфер. В одних случаях они ими детерминированы, а в других – уже демографические процессы сказываются на самих социальных сферах, социальных институтах и социальных общностях. Взаимодействие внутренних и внешних процессов в демографическом развитии, основывающихся на этих реальных фактах, позволяет сформулировать теорему демографической экстранальности: характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами. Но их роль и значение в силу тенденций взаимосвязи социальных процессов в демографическом развитии неуклонно возрастает.

Глава 2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЛОРУССКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ²

Обращаясь к историческому прошлому Беларуси, обнаруживается, что чем дальше отстоит это время от наших дней, тем больше вопросов возникает к нашей истории. И не потому, что мы «бязродзічы» (люди, родства не помнящие), эти вопросы и проблемы существуют у каждого народа. Но у одних сохранилось больше письменных документальных источников, у других – меньше. Об одних народах писали больше, о других – меньше. Больше документальных сведений о тех народах, которые были в центре конфликтных исторических событий. Наибольшие такие события древности на европейском пространстве протекали в эпицентре средиземноморья. Про нас также писали, но не о самых древних корнях.

Что поделаешь, что мало писали про нас в древности. Даже и сегодня многие в мире не знают о существовании Беларуси. Не знают о нас? Но от этого мы не страдаем комплексом неполноценности. Это они от своего незнания должны страдать комплексом неполноценности.

Славянская составляющая белорусов

В отличие от автора одной книги из серии «Неизвестная история», утверждающего, что «не повезло литвинам-белорусам с географией» [1, с. 76], считаем, что нам в историческом плане очень повезло. Особенно нам повезло в этническом плане: колонизация (а через нее прошел весь цивилизованный и нецивилованный мир) наших земель и ассимиляция наших далеких предков началась значительно позже, чем у этих «цивилованных» народов. Это дало возможность В. М. Игнатовскому констатировать, что белорус – «представитель самого чистого этнографического типа восточно-славянского русского племени» [2, с. 25]. Не будем дискутировать, насколько и в какой пропорции белорусы более чисты этнографически, но факт более поздней колонизации территории и ассимиляции – налицо.

Хотя в отношении утверждения В. М. Игнатовского об этнической «чистоте» есть серьезные вопросы. Ярким примером генной чистоты и негативных последствий такой «чистоты» стало увядание и генные потомственные болезни семей двух императорских дворов – австрий-

---

² Злотников А. Г. Социологические основы исследования белорусской истории // Потреб. кооп. 2024. № 1. С. 53–59.

ского и российского. Именно над такой чистотой «древа» иронизировал автор знаменитой оперетты «Сильва». В утверждении одного из авторитетов белорусской исторической науки речь идет о белорусах как представителях «этнографического типа восточно-славянского русского племени». И это главное. И что важно, В. М. Игнатовский констатирует, что мы белорусы, во-первых, представители славянского племени, во-вторых, представители его восточной части и, в-третьих, представители русского племени.

В белорусской исторической науке существует ряд концепций в отношении формирования белорусского этноса. Не будем вторгаться в спор: какая из них отражает истину. Каждая из них имеет определенную толику истины. Но, будь это балтская, польская, великорусская, кривичская, «тутэйшая» или иные концепции, у каждой из них в основе формирования белорусского этноса лежит миграционный компонент. Великое ли это было переселение народов, колонизация или ассимиляция, и в каком направлении шло заселение территории нынешней Беларуси, оно связано с перемещением населения. И этот миграционный компонент не отрицает ни один из приверженцев перечисленных концепций. Это общемировая тенденция: в истории большинства государств формирование титульного этноса, «коренного» населения связано с миграцией.

Но при этом с социологических позиций возникает серьезная проблема, кого считать коренным населением? Как отмечает «зубр» советской и российской миграционистики Л. Л. Рыбаковский, «поскольку одновременно живет три, редко четыре поколения, то для решения этой задачи достаточно выделить из них первое и второе, тогда остаток составит третье и в редких случаях четвертое поколения» [3, с. 173].

Есть обстоятельства, от которых мы прежде всего должны и можем отталкиваться – это реальные факты связи современности и прошлого. Научным является такой подход, при котором учитывается современная реальность, но при этом не игнорируется и историческое прошлое. О важности такого социологического подхода исследования истории писал В. О. Ключевский: «целый ряд соображений побуждает историка при изучении местной истории быть по преимуществу социологом» [4, с. 37]. Причем социологический подход в региональной истории должен быть преобладающим. Суть социологического подхода состоит в исследовании своеобразного сочетания многообразных и изменчивых условий, а также особенностей местного, т. е. регионального исторического пути развития.

Социологический подход требует опираться на это историческое прошлое и осмысливать исторически пройденный путь. «Родильный дом» – это наша первая Родина. Так, по факту рождения на территории нынешней Беларуси Адам Мицкевич записывается в белорусы, хотя во всем мире признано, что он – величайший поэт польской нации. Что ж, в мире это не единичный случай. В свое время семь греческих городов спорили за право считаться родиной Гомера. Язык – своеобразная наша вторая Родина. У того же Мицкевича действие его классического «Пана Тадеуша», написанного на белорусском языке (но латинским шрифтом), разворачивается в белорусской социальной среде. Или деревня Достоево современного Ивановского района Брестской области, что в самом сердце белорусского Полесья, является родиной Ртищевых – предков классика русской литературы Ф. Достоевского, живших здесь в течение двух столетий вплоть до XVII в. И выдающегося нашего «песняра» Мулявина во всем мире отождествляют с Беларусью – он белорусский песняр, хотя родом из России. Таковы интересные аспекты нашего и первого и второго «родильного дома».

В отношении первого нашего «родильного дома» – это территория современной Беларуси. Она характеризуется следующими географическими координатами: на севере – возле деревни Прошки Верхне-Двинского района Витебской области (56°10' N; 28°07' E); на юге – на выходе Днепра за пределы Беларуси возле отселенной после катастрофы на Чернобыльской АЭС деревни Верхние Жары Брагинского района Гомельской области (51°16' N; 30°35' E); на западе – у реки Западный Буг возле деревни Крынки Каменецкого района Брестской области (52°17' N; 23°11' E), а также на востоке – у деревни Липовка Хотимского района Могилеской области (53°24' N; 32°47' E). Географический центр Беларуси находится в Пуховичском районе Минской области – возле деревень Антоново и Бор Новоселковского сельсовета (53°32' N; 28°03' E). Этнические границы белорусов по данным этнографов и географов проходят по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест [5].

В отличие от государственных границ Республики Беларусь этнические границы белорусов – шире, они пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В результате вдоль этих государственных границ имеется полоса одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических

белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших и проживающих совместно. Эта полоса представляет совместные этнические границы Беларуси, России, Украины, Польши, Литвы и Латвии, являющиеся результатом миграционных процессов прошлого и современности. И государственные границы Беларуси и граничащих с нею стран проходят внутри этих этнических границ.

Государственный белорусский язык – это язык населения Слуцкого уезда Минской губернии и ряда некоторых граничащих с этой территорией районов. Но в южных районах Брестской и Гомельской областей Беларуси, которые граничат с Украиной, местный белорусский язык отличается от шаблонного государственного языка, включая и смесь украинского языка. В западных приграничных с Польшей районах Брестской и Гродненской областей в местном белорусском языке много заимствований из польского языка. По аналогии, в северных районах Гродненской области, как и в отдельных районах Витебской области, граничащих с Литвой, в местном белорусском языке встречается заимствование из литовского языка. Население отдельных граничащих с Латвией районов Витебщины в местном белорусском языке использует и заимствования из латышского языка. И в граничащих с Россией многих регионах восточных (Витебской, Могилевской и Гомельской) областей местный белорусский язык полон русизмов. Те, кто ратует за «чистоту» белорусского языка – его литературную форму, или за язык Минской области, такие особенности перечисленных приграничных регионов белорусского языка называют уничижительно – трасянкой (также и современные политики Украины преобладание русского в украинском языке называют суржиком).

В статье М. Богдановича «Белорусы» (1915) отмечается, что «Границы белорусского народа сравнительно довольно отчетливы. Он сплошной массой заселяет всю Могилевскую губернию, всю Минскую, за исключением Мозырского уезда, Витебскую, кроме ее северно-западного угла, Виленскую, кроме ее западной части, и, наконец, северную половину Гродненской губ. Помимо этого, белорусы составляют большинство в смежных уездах Смоленской губ., северной части Черниговской губ., Августовском уезде Сувальской губ., Новоалександровском уезде Ковенской губ. и проч. ... Ясно обозначившей самостоятельной народностью белорусы являются уже в XII и XIII ст., т. е. в непосредственной преддверии возникновения двух наиболее крупных и своеобразных русских государственных величин: Велико-

го княжества Московского и Великого княжества Литовского. Государственная граница при этом совпадала с племенной. Великорусские земли сгруппировались вокруг Москвы, белорусские отошли к Литве» [6, с. 340]. Отметим при этом, что М. Богданович белорусский этнос относил к своеобразным русским государственным величинам.

Недаром в конце 1918 г. в Смоленске было провозглашено создание Белорусской советской республики. В 1919 г. часть территорий тогдашних Витебской и Могилевской губерний (последняя в то время включала и территорию нынешней Гомельской области) входили в состав Советской России. И до середины 1920-х гг. многие нынешние территории этих областей Беларуси входили в состав Смоленской и Брянской губерний Российской Федерации. В 1924–1926 гг. БССР в ходе территориального уточнения было возвращено 17 этнически белорусских уездов Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, а также созданной Гомельской области. Показателен и тот (малоизвестный большинству, кроме географов) факт, что на территории Беларуси в Добрушском районе Гомельской области Российской Федерации принадлежит не связанный с ее основной территорией (ныне опустевший) анклав площадью 4,5 км² Медвежье-Саньково, административно подчиненный Злынковскому району Брянской области (1,4 км от российской границы). Все это свидетельствует о значительном переплетении местной истории и исторических судеб и демографических процессах.

Напомним историю определения границы между Беларусью и Украиной после присоединения к ним западных белорусских и украинских земель. «Руководивший в то время Украиной Н. С. Хрущев ходатайствовал об установлении границ воссоединенных западных территорий между Беларусью и Украиной по реке Припять. Доказательства белорусского руководителя П. К. Пономаренко, опиравшегося на дореволюционные научные исследования о распространении белорусского языка и этноса, показали И. В. Сталину более убедительными. Как говорит молва (эту версию автор слышал в 1975 г. от Александра Александровича Чижова, заслуженного экономиста Белорусской ССР, проработавшего 34 года в должности заместителя, первого заместителя председателя Госплана БССР), Сталин сказал: «Слушай, Никита, а ведь доводы Пантелеймона крепче твоих». И, выдержав паузу, спросил: «Скажи, Никита, наверное, тебе лес нужен?» И, получив у замямлившего Хрущева утвердительный ответ, добавил: «Дадим тебе немного белорусского леса» и провел на карте

красным карандашом кривую линию, установив современную границу между западными белорусскими и украинскими землями» [7, с. 193–194].

Современный наш «родильный дом» – нынешнее территориально-административное устройство Беларуси включает шесть областей: Брестскую, Витебскую, Гомельскую, Гродненскую, Минскую со столицей и Могилевскую. И если делать акцент в деле формирования белорусского этноса на какие-то отдельные регионы, как это делают отдельные историки и политологи, абсолютизируя историю одной части страны и распространяя потом выводы на всю территорию нынешней Беларуси, то тем самым, желая или не желая этого, ими сеется сепаратизм. Но не будем, как это делает автор работы «Мифы о Беларуси», требовать заняться такими выводами силовым структурам. Так, этот автор, справедливо утверждая о конфессиональном составе белорусского этноса, что «все вместе они являют собой единую белорусскую нацию. Зачем кто-то пытается на пустом месте расчленивать политическую нацию Беларуси?», призывает обратить внимание на это силовым структурам: «Это вопрос к службам национальной безопасности государства» [1, с. 75]. Этого по отношению к тем, кто по сути дела сеет сепаратизм, мы делать не будем, – научные проблемы, особенно исторические, не должны решаться силовыми или чиновничьими структурами.

Есть и другие важные факты исторического прошлого – это данные археологии. Археологические раскопки подтверждают, что на территории современной Беларуси люди проживали издавна. Историки считают, что они здесь появились 7–5 тыс. лет до н. э. [8, с. 20] – еще до дреговичей, кривичей, радимичей, т. е. до славян. Причем по археологическим данным эти стоянки первобытных людей, возраст которых составляет около 27–25 тыс. лет, обнаружены на юго-востоке – в Гомельской области [9, с. 20].

И здесь хочется обратить внимание на этот важнейший и интереснейший факт, который в своих рассуждениях о Прародине наших предков игнорирует большинство интерпретаторов, борцов против мифов о Беларуси и создающих новые мифы о ней. Дело в том, что основная часть из полутысячи поселений в древне- и среднекаменную эпоху (мезолит), а также в эпоху неолита, обнаруженных археологами на территории современной Беларуси, находятся на ее юго-востоке. Это территории нынешней Гомельской области, части Могилевской, а также на юге (в средней ее части) Брестской области. В Припятском Полесье обнаружено более 150 стоянок древних людей, в районах Сожа – свыше 100, в Понеманском крае – свыше 100, в

верхнем устье Днепра – около 50 и 16 стоянок выявлено в районе Двины [8, с. 20]. Самые древние поселения на территории Беларуси сосредоточены в Посожье – у деревень Бердыж (Чечерский район), Светиловичи (Ветковский район), Обидовичи и Клеевичи.

Это заставляет поглубже исследовать проблему: откуда пошла земля белорусская. Одновременно это ставит вопросы по отношению справедливости утверждения о балтском, якобы единственном, субстрате формирования белорусского этноса. Как далека – несколько сот километров – эта Балтика от регионов Беларуси, где были самые древние поселения! Но даже если признать справедливым утверждение о роли балтского субстрата, то и оно является свидетельством того, что в основе исторически длительного пути формирования белорусского этноса и белорусского государства лежат миграционные процессы. И начинался этот путь не с северо-западных, а с юго-восточных земель, где выявлены стоянки возрастом около трех десятков тысяч лет. Именно этот ареал, который после окончания последнего ледникового периода 27–25 тыс. лет тому назад стали до славян заселять древнейшие наши предки, Прародина белорусов.

В отношении проблем истории государственности на нынешнем белорусском пространстве есть две крайности. Одна крайность состоит в рассмотрении Киевской Руси как о первом государственном объединении на этой территории. Вторая крайность состоит в превнесении в качестве основы нашей государственности, белорусского этноса Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского (ВКЛ). Обими этими крайностями игнорируется то обстоятельство, что на территории нынешней Беларуси в историческом прошлом были и другие государственные объединения. В этой второй крайности скрыта тенденция отрицания исторических общих древнерусских корней белорусов. Так, современные критики первой крайности, когда говорят о Полоцком периоде государственности, свое нежелание употреблять Русь в отношении Полоцкого государства маскируют это нежелание термином Полоцкое княжество. Это отличает их от позиции В. М. Игнатовского, считавшего Полоцкое государство Полоцкой Русью.

Русский след в истории Беларуси

Это же характерно и для аббревиатуры ВКЛ, когда из названия «Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных» убирается его русская составляющая. Для простоты и краткости жителей собирательного Великого княжества Литовского, Русского,

Жемойтского и иных называли литвинами. Отсюда возникает другая проблема. Во-первых, для историков Литвы это благодатная среда предъявлять свои претензии на всю историю Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных. И ряд белорусских историков, делая акцент на термине литвины, преследуют определенную цель – отрицание русскости белорусского этноса. Но значит ли это, что все литвины были предками современных белорусов? Это подобно тому, что в период господства Римской империи всех жителей и воинов (среди которых было много наемников, в том числе и варваров, к которым относятся и славяне) называли римлянами – по названию государства. Но значит ли это, что их история – только история итальянцев? Значит ли это, что история древних персов является историей только иранцев? Это – истории многих народов, живших на этих территориях прежде и позже ставших основой современных наций.

Исторический подход состоит также и в учете конкретно-исторических условий возникновения тех или иных концепций. Романтизация или идеализация нашего прошлого – результат новых исторических условий на резких поворотах эпох. Особенно негативное влияние на освещение исторического прошлого нашего народа оказали две методологические установки – это варяго-норманнская и религиозная интерпретации. Норманнская концепция представляла, что государственность для древних русско-славянских (российского, украинского и белорусского) народов привнесена извне.

Также негативное влияние на понимание истории Беларуси оказало религиозное истолкование, превозносившее роль христианства в жизни наших предков. Из взглядов церкви вытекало, что до христианства на территории древнерусских земель, в том числе и Беларуси, проживали дикие нравами и невежественные в культурном отношении народы, и что только благодаря христианству мы приобщились к мировой культуре. К Беларуси такие вопросы относятся прежде всего, так как христианизация населения, проживавшего во втором тысячелетии на этой территории, затянулась на несколько столетий и продолжалась вплоть до XIII–XIV вв.

Социологический подход связан с пониманием того, что языческие представления нашего народа отражали органическое единство людей и природы, природы, которая была важнейшим фактором и условием нашего исторического прошлого. И сегодня религиозные верования белорусов на бытовом уровне органически связаны с сохраняющимися языческими традициями, обрядами. Большинство со-

временных православных христианских праздников пронизаны природой или язычеством. Это отражено даже на государственном уровне – языческий обряд Радуницы, встреча старого Нового года в современной Беларуси признаны как государственные праздники.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи отразилось на романтизации полоцкого периода белорусской истории, как золотого века в истории Беларуси. Эта романтизация нашего прошлого проявилась и в послереволюционный период, когда основы государственности Беларуси, как в «Асновах дзяржаўнасці Беларусі» М. В. Довнар-Запольского, связывались со временем Полоцкого княжества и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных. Причем повторим, что о последних его составляющих (Русского, Жемойтского и иных) не упоминалось, оставляя только ВКЛ, т. е. Литовское, тем самым наши «свядомые», по сути дела, отбрасывали русскую составляющую. После распада Советского Союза националистически настроенные историки и политики проповедуют отсутствие связи у белорусов с русскими корнями далеких предков.

Также важен и другой методологический подход, реальный факт более близкого нам исторического прошлого – это где в истории Беларуси находился центр формирования белорусского этноса. Не будем говорить о роли центров в истории формирования этносов в государствах Западной Европы, остановимся на постсоветских славянских просторах. Киев и в древности, как мать городов русских, на некоторое время эту свою роль утратил. Так, в XVII в. по сравнению с белорусским Мстиславлем с более 30-тысячным населением Киев был большой деревней, но тем не менее является центром формирования одной из ветвей славянорусского этноса – украинского этноса. Москва после Киева являлась и ныне является центром другой ветви великорусского славянского этноса – русских. Хотя и ей пришлось в течение нескольких столетий вести борьбу с другими городами, претендовавшими на объединение русских земель.

В социологическом плане в конфликтах XIV–XVIII вв. между Литовским княжеством, с одной стороны, и Московским государством, с другой, в итоге видится борьба за русскость – борьба за объединение земель с тогдашним этнически близким русским населением. Еще раз напомним, что недаром в названии средневекового государства, куда входили земли нынешней Беларуси, это государство и Русское. И официальный язык в этом государстве в тот период был «руський», на котором были изданы книги Ф. Скорины. Значимость русского языка подтверждена четырехсотым юбилеем издания в ию-

ле 1618 г. первого средневекового в истории Беларуси русского букваря, отмеченным в 2018 г. филологической Беларусью.

Не будем вдаваться в филологические тонкости «русского» языка в Московском государстве и княжестве Литовском, главное, что он использовался населением в обоих государственных объединениях. Причем различия между ними были менее существенными, чем различия языков итальянских королевств того периода или чем различия диалектов немецких княжеств, да и современной Германии и Австрии.

Уже в сокращенном названии этого средневекового государства прослеживается нежелание видеть, что оно и русское, а В. М. Игнатовский его даже именовал как Литовско-Белорусское государство. Это он обосновывает тем, что термин «русский» в средневековую эпоху использовался для характеристики западной части восточнославянского русского племени, т. е. нынешнего белорусского, а восточное русское называлось москвитами. Исходя из этого и княжество Литовское, основная территория которого приходилась на нынешние белорусские земли, В. М. Игнатовский именует Литовско-Белорусским государством, а тогдашних русских в этом государстве он называет белорусами. Люблинская уния 1569 г. пыталась прервать эту белорусскую русскость на территории наших предков полонизацией и окатоличиванием. В результате этой унии происходило и временное отторжение кириллицы, до того времени употреблявшейся в официальных документах Литовского княжества.

На территории современной Беларуси в различные исторические эпохи в роли центра «белорускости» выступали и Полоцк, и Новогрудок, и Вильня (в польских источниках – Вильно). И только в XX в. им стал Минск, т. е. единого центра, вокруг которого происходило формирование и который притягивал к себе население, длительное время в Беларуси не было. Причем если Полоцк, Новогрудок и Вильня были в разное время и центрами тогдашних государств на землях Беларуси, то в XIX в. единого административного центра на белорусских землях не существовало. Не было его и ранее в XVIII в., во времена Речи Посполитой (не считать же Варшаву белорусским городом), в которую было включено большинство нынешних белорусских территорий.

Хотя если исходить только от употребления термина «белорусский», то корни современного (подчеркиваем – современного) ареала титульной нации, современных национальных корней Беларуси следует видеть в дореволюционном периоде – в Витебской и Могилевской губерниях, или в нынешних Витебской, Гомельской и Могилев-

ской областях. Дело в том, что после первого раздела Речи Посполитой на территориях, вошедших в состав Российской империи, были образованы Могилевская (1772) и Полоцкая (1776) губернии. Позже они были выделены в Белорусскую губернию (1778), но без официального центра. Некоторое время спустя, после третьего раздела Речи Посполитой, появился и официальный центр – Витебск. Белорусская губерния с центром в Витебске официально просуществовала всего лишь пять лет (декабрь 1796 г. – февраль 1802 г.), после чего она была разделена на Витебскую и Могилевскую губернии.

Этнический центр Беларуси социологически (принцип этнической самоидентификации) определяется демографией. В конце XIX в. по переписи 1897 г. белорусы в Могилевской губернии (нынешняя Гомельская и Могилевская области) в ее этнической структуре составляли 82,4%. Белорусов в этническом составе населения других губерний было соответственно меньше: в Минской губернии – 76,1%, Витебской – 52,5 и Гродненской – 44,0%. Более высокий, чем в Витебской и Гродненской губерниях, удельный вес этнических белорусов был в составе населения Виленской губернии – 56,1%. Этот фактор о доминировании этнических белорусов в составе белорусских губерний конца XIX в. – свидетельство преобладания исторического ареала белорусского этноса на территории нынешней Беларуси в 25-летний период конца XVIII – начала XIX вв. в лице Белорусской губернии.

Позже Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская губернии считались в Российской империи чем-то целостным с названием Северо-Западный край. Иногда эти шесть губерний именовались губерниями Белорусского генерал-губернаторства и Литовского генерал-губернаторства. Но в своей совокупности целостную административную единицу они не представляли. И по инерции значительная часть белорусских историков в период существования Речи Посполитой и в период Российской империи в культурологическом плане таким центром наделяли Вильню, которая обладала некоторым статусом управленческого, общественно-правового и социально-культурного характера. Доминирующим в ней был белорусский «дух», особенно среди интеллектуальных представителей. Удельный вес этнических белорусов в составе населения Виленской губернии составлял более половины – 56,1%, а это больше, чем в Витебской области, в которой часто видят истоки белорусской государственности в лице Полоцкого княжества, и значительно больше, чем в Гродненской области, откуда ведется другой след формирования белорусской государственности в лице Новогрудского княжества.

Возвращаясь к первому «родильному дому» белорусов, отметим, что даже не вся территория, а значит, и население нынешних Витебской, Гродненской и Минской областей в XI–XIII вв. входили в состав Полоцкого княжества, не говоря про нынешние территории Брестской, Гомельской и Могилевской областей. Значительная часть нынешней территории Беларуси периода Полоцкого княжества входила в состав Туровского, а позже Пинского княжества (именуемые и как Туровско-Пинское княжество). Ряд земель нынешних Витебской и Могилевской областей входили в состав Смоленского княжества. Многие земли нынешней Гомельской области, помимо того что они в древний период белорусской истории входили в состав Туровского княжества, были частями Киевского княжества и Черниговской земли. Как результат, первая Всероссийская перепись населения (1897) даже в губерниях, которые не вошли в XX в. в состав Беларуси, в соответствии с социологическим принципом этнической самоидентификации зафиксировала значительный удельный вес тех, которые являлись этническими белорусами. И это отражено этнической границей Беларуси.

Заключение

Таким образом, исходя из нашего «родильного дома», в разные исторические периоды в качестве центров становления белорусской государственности и белорусского этноса выступали многие и различные государственно-административные территориальные общности нынешней Беларуси: это и Брестская область с ее древнерусскими княжествами – Туровским, а позже и Пинским (или Туровско-Пинским) княжеством; и Гродненская область с Новогрудским княжеством; и Витебская область с княжеством Полоцкой Руси, а затем и Великим княжеством Литовским; и Могилевская область как Белорусская губерния конца XVIII – начала XIX вв., а также с еще более ранним Мстиславским княжеством; и территории Гомельской области с самыми древними поселениями на нынешней белорусской земле, а также входившими в состав Туровского княжества на рубеже тысячелетий белорусской истории.

С социологических подходов считать основой белорусской государственности только Полоцкое или Литовское княжество (Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных) идет скорее во вред – ведет к сепаратизму, чем на пользу белорусскости, формирования белорусского этноса. Если считать Полоцк, Новогрудок и Вильню основой белорусскости, белорусского этноса, то получается, что население других тогдашних территорий нынешней Беларуси не

имеет отношения к формированию белорусского этноса и белорусской нации. И тогда это уже не единая белорусская нация.

Историческая и филологическая науки, независимо от того, где была Прародина человечества, исходят из того, что в каждом языке чувствуется дыхание Праязыка, имеющего общий лексический базис. Лингвисты русский, белорусский и украинский языки относят к большой группе индоевропейских языков. Начавшийся в стародавнюю эпоху процесс колонизации планеты, или миграции, способствовал не только расхождению народов, но и развитию языков в направлении их «отпочкования», или дифференциации, и дальнейшей самодетерминированности, т. е. этот процесс в отношении языка наполнился полилингвистическим содержанием.

Таким образом, все территории современной Беларуси в ходе исторического развития, начиная с конца первого тысячелетия современной эры, являются крупными колосками одного золотого снопа белорусской государственности и белорусского этноса.

Глава 3. ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 2019 г. О ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЯХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ³

Перепись населения – важнейшее явление в социальной, политической, культурной и научной жизни государства, в ходе которой проводится сбор демографических, экономических и социальных данных о населении, анализируются процессы и тенденции в различных областях жизни, выявляются закономерности демографического развития общества в конкретный исторический его период. Это соответствует социологическому кредо Огюста Конта: «Знать – чтобы понимать, понимать – чтобы управлять».

Республика Беларусь – единственная страна на постсоветском пространстве, которая в соответствии с международными рекомендациями регулярно проводит переписи населения. Прошедшая в 2019 г. кампания – третья в истории суверенного государства, предыдущие были в 1999 и 2009 гг., а последняя советского времени – в 1989 г. Эта периодичность отвечает международным рекомендациям в отношении интервала и сроков их проведения – раз в 10 лет и желательно в годы, оканчивающиеся на цифры 9, 0 или 1, чтобы получить

---

³ Злотников А. Г. Что показывают первые итоги переписи населения Беларуси // Наука и инновации. 2020. № 4. С. 52–57.

сопоставимую демографическую информацию в установленной последовательности.

Но есть и множество отличий в проведении национальной переписи, и они существенные. Одно из них состоит в выборе заранее установленного времени – момента, называемого критическим, или моментом счета. Это касается месяца, в котором проходили переписи, в советское время они приходились на январь, а в суверенной истории Беларуси: в 1999 г. – на февраль, а в 2009 и 2019 гг. – на октябрь. Целесообразность выбора последнего срока аргументирована тем, что, во-первых, в этот период наиболее низка миграционная активность населения, и большинство его находится в месте своего обычного жительства, во-вторых, уменьшается влияние факторов, затрудняющих перепись в силу неблагоприятных или экстремальных погодных условий, к примеру в зимнее время.

Также изменилась и длительность срока проведения переписей: в 1999 г. он ограничивался 8 днями, в 2009 г. увеличился до 11 дней, а в 2019 г. до 27 дней, что существенно повысило качество сбора демографической информации. Конечно, эти сроки не идут ни в какое сравнение с трехмесячной протяженностью последней переписи населения в Эстонии.

Использование передовых методик и технологий, отвечающих духу цифровой экономики, является еще одной важнейшей особенностью белорусской переписи населения в 2019 г. Она проводилась в период с 4 по 30 октября тремя комбинированными методами: с помощью интернет-технологий, методом сбора данных на стационарных участках, апробированных и давших положительные результаты в ходе переписи 2009 г., и, наконец, путем традиционного обхода переписчиками населения по месту жительства. Чтобы избежать двойного счета, воспользовавшимся услугами онлайн-переписи выдавался сертификат об их участии в кампании.

Регулярное проведение переписей в Республике Беларусь – это проявление политической зрелости белорусского государства. Отметим, что в условиях суверенного развития бывших советских республик в России они прошли в 2002 и 2010 гг. (следующая планируется на 2022 г.), в Украине только одна – в 2001 г., в Литве – в 2001 и 2011 гг., в Латвии – в 2000 г. и в Эстонии – в 2000 и в 2010–2011 гг.

Первые итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. стали известны общественности 20 февраля 2020 г. Для обнародования общих результатов потребовалось на 25 дней больше, чем в 2010 г., что связано с непростыми методическими проблемами согласования информации, полученной тремя различными методами.

На брифинге, посвященном презентации предварительных данных, председателем Национального статистического комитета Республики Беларусь И. В. Медведевой были представлены только некоторые итоги переписи – общая численность населения страны в целом и по областям, его гендерная структура, а также характеристика способов проведения переписи. Но и они позволяют проанализировать и установить тенденции демографического развития страны. В частности, было заявлено, что 22% прошли перепись по интернету (2 023 989 человек), 28% – на стационарных мобильных участках, 48% – по месту жительства, 2% отказались от участия. В итоге определена численность населения Республики Беларусь – 9 413 446 человек.

При сравнении изменений в межпереписном периоде было заявлено, что согласно предыдущей переписи населения, проходившей с 14 по 24 октября 2009 г., численность жителей Беларуси составляла 9 489 тыс. человек. Правда, в изданных материалах и во всех статистических сборниках, в том числе и данных международной статистики, всегда указывалось 9 503 807 человек. Конечно, это небольшая разница – около 0,16%, что является несущественной статистической погрешностью, но по количеству – около 17 тыс. человек – больше, чем проживает в ряде отдельных районов Беларуси (6 районов Витебской области, 7 – Гомельской области, 3 – Гродненской области и 7 районов Могилевской области).

Возникает вопрос и по поводу заключения о том, что в переписи «приняло участие 95% населения страны», соответственно 5% в ней не участвовало. На презентации были представлены данные (таблица 1) о численности населения Республики Беларусь на начало критического момента переписи – 9 454 790 человек и по итогам – 9 413 446 человек, что свидетельствует об охвате переписью 99,563% населения, т. е. не прошли перепись менее 0,5% жителей, а не 5% (или 2% отказавшихся от участия в переписи).

Таблица 1 – **Динамика изменения численности населения областей и г. Минска за 2016–2019 гг., тыс. человек**

Области	2016 *	2017 *	2018 *	2019 *	2019 **	2019 ***	Отклонение	
							2019 * к 2016 *	2019 *** к 2019 *
Беларусь	9 498,4	9 504,7	9 491,8	9 475,2	9 454,8	9 413,4	–23,2	–61,8
Брестская	1 387,0	1 388,4	1 384,3	1 380,3	1 379,5	1 348,0	–6,7	–32,3
Витебская	1 193,5	1 188,0	1 180,2	1 171,8	1 164,6	1 135,0	–21,7	–36,8

Окончание таблицы 1

Области	2016 *	2017 *	2018 *	2019 *	2019 **	2019 ***	Отклонение	
							2019 * к 2016 *	2019 *** к 2019 *
Гомельская	1 422,9	1 420,7	1 415,7	1 409,9	1 405,9	1 388,0	-13,0	-21,9
Гродненская	1 050,1	1 047,4	1 943,7	1 039,3	1 036,5	1 026,0	-10,8	-13,3
Минская	1 417,4	1 423,1	1 426,5	1 428,5	1 432,5	1 471,0	11,1	42,5
Могилевская	1 067,7	1 064,3	1 058,8	1 052,9	1 049,3	1 024,0	-14,8	-28,9
Минск	1 959,8	1 974,8	1 882,4	1 992,7	1 986,6	2 018,3	32,9	25,6
* На начало года. ** На начало октября. *** По материалам переписи.								

Согласно данным текущего учета, изменения численности населения областей и г. Минска за 2016–2019 гг. носят плавный характер, а перепись за последние 10 месяцев 2019 г. выявляет резкое уменьшение количества жителей страны в большинстве областей Беларуси. В Минске и столичной области за указанный период также наблюдается существенное отклонение от предшествующих среднегодовых темпов изменения общей численности населения, но в сторону увеличения.

Принцип периодичности переписей дает возможность сопоставить полученную информацию с материалами прошедших кампаний и установить роль отдельных демографических факторов в общей демографической ситуации. Влияние миграционного процесса подтверждают и прошедшие в 1999 и 2009 гг. переписи населения, выявившие более высокие темпы сокращения численности населения. Они опровергают оценку, сложившуюся в межпереписные периоды, о положительном сальдо миграции в нашей стране.

Традиционно при его определении в расчет берутся только данные текущей национальной статистики, но их явно недостаточно, поскольку в международных миграционных процессах участвует несколько стран. До проведения переписи мы имеем сведения об определенной численности населения, которые позже в межпереписные годы постоянно корректируются. Это международная практика. О действительной величине динамики миграционного сальдо в Беларуси дают представления материалы переписей населения 1989, 1999 и 2009 гг. Его расчет в межпереписные 1989–1999 и 1999–2009 гг. отражен в таблицах 2 и 3.

Таблица 2 – Соотношение данных об общей численности и движении населения Республики Беларусь за 1989–1999 гг. по материалам текущей и скорректированной отчетности, тыс. человек

На начало года*	Нескорректированная численность – по данным текущего учета			Скорректированная численность – перерасчет после переписи		
	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), факт	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), расчет
1989	10 151,8	+50,0	+9,6	10 151,8	+50,0	–12,9
1990	10 211,4	+32,6	–19,5	10 188,9	+32,6	–31,7
1991	10 212,5	+17,4	+3,0	10 189,8	+17,4	–8,9
1992	10 232,9	+11,3	+53,6	10 198,3	+11,3	+25,0
1993	10 297,8	–11,2	+32,8	10 234,6	–11,2	+20,1
1994	10 319,4	–19,4	–3,3	10 243,5	–19,4	–13,7
1995	10 297,2	–32,6	–0,2	10 210,4	–32,6	–0,5
1996	10 264,4	–37,6	+9,4	10 177,3	–37,6	+2,2
1997	10 236,1	–47,1	+14,7	10 141,9	–47,1	–1,8
1998	10 203,8	–44,7	+20,0	10 093,0	–44,7	–3,1
1999	10 045,2			10045,2		
1989–1999		–81,3	+120,1		–81,3	–25,3
*1989 г. – по переписи на 12 января, 1999 г. – по переписи на 16 февраля.						

Таблица 3 – Соотношение данных об общей численности и движении населения Республики Беларусь за 1999–2009 гг. по материалам текущей и скорректированной отчетности, тыс. человек

На начало года*	Нескорректированная численность – по данным текущего учета			Скорректированная численность – перерасчет после переписи		
	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), факт	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), расчет
1999	10 045,2	–49,1		10 045,2	–49,1	
2000	10 019,5	–41,2	+12,1	10 002,5	–41,2	–4,6
2001	9 990,4	–48,6	+9,1	9 956,7	–48,6	–17,7
2002	9 950,9	–57,9	+5,6	9 900,4	–57,9	–11,8
2003	9 898,6	–54,7	+5,2	9 830,7	–54,7	–13,2

Окончание таблицы 3

На начало года *	Нескорректированная численность – по данным текущего учета			Скорректированная численность – перерасчет после переписи		
	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), факт	Численность населения	Естественный прирост (+; –)	Сальдо миграции (+; –), расчет
2004	9 849,1	–51,1	+2,1	9 762,8	–51,1	–14,2
2005	9 800,1	–51,3	+1,9	9 697,5	–51,3	–15,8
2006	9 750,5	–41,7	+5,6	9 630,4	–41,7	–9,2
2007	9 712,5	–29,4	+4,7	9 579,5	–29,4	–7,7
2008	9 689,8	–26,0	+8,2	9 542,4	–26,0	–2,8
2009	9 671,9	–25,9		9 513,6	–25,9	
1999–2008	–373,3		+54,5	–531,6		–97,0
*1999 г. – по переписи на 16 февраля.						

Как свидетельствуют данные таблицы 2, на начало 1998 г. (последнего предпереписного) численность населения республики по материалам текущего статистического учета составила 10 203,8 тыс. человек, а по переписи 1999 г. – 10 045,2 тыс. человек, т. е. уменьшилась за один год на 158,6 тыс. человек, что выпадает из динамики предшествующих периодов. Данные о количестве родившихся и умерших (а следовательно, и данные о сальдо естественного движения населения) за эти межпереписные годы не подлежат изменениям – это медицинский и юридический факты. Поэтому разница в результате пересчета общей численности в период между переписями сводится к корректировке показателей миграционного движения.

И это понятно, поскольку информация о численности населения противоречива: в одном случае за год до переписи разница составила порядка 48 тыс. человек, в другом, после корректировки, – сокращается примерно на 159 тыс. человек, или более чем в 3,3 раза. Это отклонение в пределах 1,2% не является существенной ошибкой, но в отношении анализа отдельных демографических показателей и их сложившихся тенденций, а также характеристики социально-экономических процессов эта величина весьма существенна.

Аналогичная ситуация была характерна и для демографических процессов в межпереписные 1999–2009 гг. Так, миграционный прирост по данным паспортных служб органов внутренних дел, отра-

женный в текущем статистическом учете миграционного движения Республики Беларусь, за этот период оценивался в 54,5 тыс. человек. Перерасчет динамики движения населения на основе материалов переписи 2009 г. выявляет иное – отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек.

На начало 2008 г. (предпереписного года) численность населения страны по материалам текущего статистического учета (см. таблицу 3), составила 9 689,8 тыс. человек, на начало 2009 г. – 9 513,6 тыс. человек, что на 176,2 тыс. меньше, что диссонирует с предшествующими тенденциями в демографических процессах.

Таким образом, переписи 1999 и 2009 гг. выявили, что в Республике Беларусь как в последнем десятилетии XX в., так и в первом десятилетии XXI в. сложилось не положительное сальдо миграции, как это прежде считалось, а постоянно растущее – отрицательное. Показатель естественной убыли населения между переписями 1989 и 1999 гг. составил 81,3 тыс. человек (при 1 162,8 тыс. родившихся и 1 244,1 тыс. умерших). А так как численность жителей за этот период снизилась на 106,6 тыс. человек, то оставшаяся убыль – 25,3 тыс. человек пришлось на миграцию. Это означает, что в структуре уменьшения численности населения за 1989–1999 гг. доля отрицательного сальдо миграции составила 23,7%. А за период 1999–2009 гг. людские потери пришлось на естественное (58,1%) и механическое (41,9%) движение жителей, т. е. за указанный межпереписной период по сравнению с предшествующим десятилетием уменьшение численности в результате естественных процессов (рождаемости и смертности) выросло в 3,8 раза. Демографические потери в этом периоде за счет миграции увеличились в 8,8 раза.

До проведения переписи 2019 г. считалось (и ныне считается), что в Беларуси сложилось положительное миграционное сальдо с наивысшим значением в 2015 г. – 18 494 человек и наименьшим в 2018 г. – 3 874 человек. Однако анализ данных последней переписи выявляет, что за три квартала прошлого года оно отрицательное. За этот период численность населения страны уменьшилась на 61,8 тыс. человек: за счет естественного движения населения – 24,8 тыс. человек (разницы на начало критического момента переписи при 65,8 тыс. родившихся и 90,6 тыс. умерших за январь – сентябрь 2019 г.), и миграционных потерь – 37,0 тыс. человек. В структуре сокращения численности населения переписного года соотношение между отрицательными сальдо естественного движения и миграции характеризуется как 40,1% к 59,9%, в то время как за период между переписями 1989 и 1999 гг. оно составляло 76,3% к 23,7%, а за 1999–2008 гг. – 58,1% к 41,9%.

Это свидетельствует о том, что наряду с резким сокращением рождаемости в стране [1] на первый план выдвигается проблема миграционных процессов. О сложности определения ее масштабов и тенденций свидетельствуют данные миграционного движения населения между Россией и Беларусью. Проиллюстрируем эту ситуацию показателями белорусской и российской статистики за 2010–2018 гг. В анализе большинства отечественных специалистов, базирующемся только на основе текущих данных Национального статистического комитета Республики Беларусь, доминирует вывод, что белорусско-российская миграция последнего десятилетия, как и в целом международная белорусская миграция постсоветского периода, характеризуется положительным сальдо, хотя и имеет постоянную тенденцию к снижению.

Действительно, такая ситуация складывалась в нашей стране до середины 1990-х гг., но позже сальдо миграции стало отрицательным. Так, по данным национального текущего статистического учета положительное сальдо белорусско-российской миграции составило соответственно: в 2010 г. – 5 031 человек, в 2011 г. – 4 713, в 2012 г. – 3 067, в 2013 г. – 4 772, в 2014 г. – 4 662, в 2015 г. – 2 700, в 2016 г. – 699, в 2018 г. – 308 человек. И только в 2017 г. по этим данным сальдо белорусско-российской миграции было отрицательным – минус 100 человек.

По информации российских миграционных служб за период 2010–2018 гг. Российская Федерация в миграционном обмене с нашей страной имеет положительное сальдо в 56 240 человек. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо в 25 652 человек (таблица 4), отклонение составляет почти 82 тыс. человек.

Таблица 4 – Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего учета в Беларуси и России за 2010–2018 гг., человек

Годы	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	16 564	6 315	10 249
2013	9 150	4 378	4 772	15 748	12 031	3 717
2014	9 131	4 669	4 462	17 878	11 156	6 722

Окончание таблицы 4

Годы	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2015	7 837	5 137	2 700	17 741	12 832	4 909
2016	6 611	5 912	699	14 590	12 463	2 127
2017	6 025	6 125	-100	21 282	9 512	11 770
2018	7 040	6 732	308	19 045	11 854	7 191
2010– 2018	73 288	47 636	25 652	137 924	81 684	56 240

Выводы многих белорусских специалистов, основанные только на материалах отечественного текущего статистического учета, о том, что в нашу страну населения прибывает больше, чем ее покидает, скрывают реальное состояние дел в этой сфере. Кроме того, и масштабы трудовой миграции, формирующие позже эмиграцию, подтверждают эти выводы. Постоянно растет численность граждан Беларуси, занятых на российском рынке труда. Так, в 2015 г. она составила 307 510 человек, в 2016 г. – 345 801, в 2017 г. – 394 440, а в 2018 г. – 452 064 человек. Если за 2016 г. белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда стало больше на 38,3 тыс. человек, то в 2017-м – на 48,6 тыс. человек, а в 2018-м – на 57,2 тыс. человек. Кроме того, по данным Евростата, за этот период примерно 300 тыс. белорусов зарегистрированы резидентами в странах Евросоюза. А это наш наиболее активный репродуктивный потенциал. В итоге все эти факторы усугубляют депопуляционные процессы в Республике Беларусь.

Косвенно о роли миграции в демографических процессах страны свидетельствует и такой итог переписи населения, как изменения в его половой структуре. По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь в нашей стране проживает 4 351 473 мужчин и 5 063 973 женщин, т. е. гендерная пропорция составляет: мужское население – 46,2% и женское – 53,8%. Для того чтобы выявить роль этого фактора, напомним динамику гендерного соотношения в Беларуси по данным послевоенных переписей [2]:

- 1959 г. – 44,5 и 55,5%;
- 1970 г. – 45,9 и 54,1%;
- 1979 г. – 46,4 и 53,6%;
- 1989 г. – 46,8 и 53,2%;

- 1999 г. – 47,0 и 53,0%;
- 2009 г. – 46,6 и 53,4%;
- 2019 г. – 46,2 и 53,8%.

Самый высокий показатель гендерной диспропорции связан с большей потерей в годы Великой Отечественной войны мужчин, сражавшихся на фронте. Затем идет процесс ее сокращения, обусловленный такой демографической особенностью репродуктивных процессов, как преобладание в численности родившихся мальчиков. Международная и национальная статистика констатирует, что в среднем их приходится от 103 до 107 на 100 родившихся девочек. И последующие переписи выявляли рост на 0,6–0,4 процентного пункта мужского населения и соответствующее уменьшение женского. Наивысший показатель в деле преодоления гендерной диспропорции пришелся на 1990 г. – 47,3 и 52,7%. В межпереписные 1989–1999 гг. это изменение было минимальным – 0,2 процентного пункта, а в последующие периоды доля мужского населения сократилась на 0,4 процентного пункта.

На гендерное соотношение влияют, во-первых, численность рожденных мальчиков и девочек, а также смертность мужского и женского населения. Показателем гендерной рождаемости на нынешние тенденции в гендерной асимметрии это не обусловлено. Так, в текущем десятилетии в среднем на 100 родившихся девочек приходится 106–107 родившихся мальчиков. Еще один демографический фактор – более высокая смертность среди мужчин. Но главным, на наш взгляд, является преобладание в миграции, и прежде всего трудовой, мужской рабочей силы, формирующей впоследствии рост эмиграции. Так, по данным единовременного учета (7 июня 2015 г.) из 553 583 граждан Республики Беларусь, находящихся на территории Российской Федерации, 57,8% – это мужчины [3].

Очевидна связь миграции с депопуляционными процессами в репродуктивной сфере. В этом плане очень важно требование Главы государства, поставившего перед парламентариями седьмого созыва задачу сосредоточить внимание на главных направлениях социально-экономического развития Беларуси, среди которых стоит необходимость «кардинального изменения ситуации в демографии» [4]. А это можно осуществить, зная реальные тенденции не только в репродуктивной сфере, но и в миграционных процессах, роль которых в уменьшении численности населения Беларуси становится более значимой.

Необходимость сокращения масштабов миграционной убыли требует повышения роли национальных демографических программ. Их

значимость в нынешнем пятилетии была снижена. Государственная программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», принятая на 2016–2020 гг., по сути дела, является ведомственной – минздравовской, и проблема миграции в ней затронута формально. Предыдущие (с 2002 г.) демографические программы назывались Национальными, были более системными, и их реализация до 2015 г. принесла в репродуктивной сфере положительный результат.

Вторым важным шагом в преодолении миграционных проблем является разработка национальной миграционной политики. Существующее в Республике Беларусь миграционное законодательство в основном сводится к компетенциям правоохранительных органов. Но развернуть маятник миграции от них не требуется, да и осуществить они не в состоянии, ибо это не входит в их функции.

Поэтому решение поставленной Президентом Республики Беларусь задачи кардинально изменить ситуацию в демографии ложится не только на плечи властных структур, но и на демографическую науку. Необходимо прежде всего выработка стратегии в этой сфере, важнейшей целью которой должно стать обеспечение преград депопуляционным процессам. В целях реализации системной политики необходимо создать такие социально-экономические условия, чтобы репродуктивный потенциал связывал свою жизнь с Беларусью, а не с другими странами. И даже первые итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. выявляют необходимость разработки и реализации миграционной политики не на ведомственном, а на национальном уровне.

Глава 4. ОТ ЗАБЛУЖДЕНИЙ «ФИНАНСОВОЙ ДИЕТЫ» К ЗАБЛУЖДЕНИЯМ «РАСКОДИРОВАНИЯ» БЕЛАРУСИ⁴

В 2017 г. в Беларуси вышла интересная работа *«Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование»* [1]. Интерес к ней вызван еще и потому, что она представляет продолжение коллективной работы «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» [2]. И идеи этих двух монографий необходимо рассматривать в системе. Но «Раскодирование» в отличие от «Финансовой диеты» привлекает еще и, на первый взгляд,

---

⁴ Злотников А. Г. От заблуждений «финансовой диеты» к заблуждениям «раскодирования» Беларуси // Вестн. РУДН. Сер. Экономика. 2018. Т. 26, № 3. С. 347–359.

горячим желанием ее главного редактора и составителя помочь Беларуси и белорусам занять более достойное место в этом сложном мире, неоднозначных процессах трансформации системы экономических, социально-политических и социокультурных отношений.

Надо бы радоваться внушительной и талантливо исполненной публикации о поведенческой экономике, но почему-то при ее прочтении возникает больше негативных эмоций, особенно в отношении тех глав, которые выполнены ее научным редактором. И хочется сказать словами, которыми режиссеры в некоторых случаях любят оценивать недостаточно искреннюю игру некоторых артистов – не верю. Наверное, это связано с моей существенной чертой – чертой белорусов, в чем и обвиняет белорусов автор «Раскодирования»: в бессознательном, иррациональном поведении, против чего и направлена «Поведенческая экономика Беларуси». Разве можно считать мою публикацию рациональным поведением при столь высоких должностях ее научного редактора? Но всегда истина – есть истина.

Начнем с того, что ее научный редактор приводит на обложках данных монографий ряд мнений специалистов и ученых об этих своих еще не изданных и ими не прочитанных книгах, но уже высоко оцененных ими. Почему-то приходит на ум аналогия из прошедших времен, когда говорили «мы ее не читали, но выскажем свое мнение». Так, в одном из мнений на «Раскодирование» отмечается: «эта книга – замечательное чтение, которое дает пищу для размышлений». И, действительно, дает, но только не в том плане, как ее рекламирует научный редактор. И это мнение не рецензия, а рассуждения по поводу сложных и неоднозначных социальных процессов трансформирующейся Беларуси. Тем более, что отдельные аспекты анализа положений последней монографии изложены в серьезной критической статье-рецензии известного белорусского социолога и философа Розалии Смирновой и социолога В. Э. Смирнова «Сон разума рождает чудовищ» в журнале «Социология» [3].

Мы не называем фамилию главного «раскодировщика» не потому, что существует какая-то боязнь, просто нет желания упоминанием этого имени повышать его индекс цитирования и индекс Хирша. В Институте экономики Российской академии наук (РАН) мне пришлось слышать историю, как один его сотрудник по совету супруги опубликовал специально глупую скандальную статью, чтобы вызвать критику и частым упоминанием его имени, что позже и сам признал, заработать высокий индекс цитирования. И она вызвала большой ряд критических публикаций, в результате чего научный индекс у него стал один из самых высоких: как же – ведь его, хоть и критикуя, но

больше всех цитировали. Именно поэтому я стараюсь реже называть (за исключением библиографии) или совсем не упоминать его.

Рассмотрим ряд существенных аспектов «Раскодирования», которые связаны с теорией поведенческой экономики. Это обусловлено тем, что, во-первых, в названии самой работы упоминается эта теория – «Поведенческая экономика Беларуси». Во-вторых, в октябре 2017 г. на Нобелевскую премию в области экономики был номинирован один из крупнейших ученых этой теории Ричард Талер – за его вклад в поведенческую экономику (for his contributions to behavioural economics) [4; 5]. Из этих двух обстоятельств возникает вопрос о том, насколько основные выводы «Поведенческой экономики Беларуси» соответствуют «Новой поведенческой экономике» Р. Талера. И, в-третьих, из известного научного положения, что практика – важнейший критерий истины, возникает и главный вопрос: каковы последствия, какова социально-экономическая эффективность внедрения идей этой серии и прежде всего работы «Финансовой диеты»? Этот вопрос возникает из роли ранее занимаемой высокой должности научного редактора «Поведенческой экономики Беларуси», определявшего экономическую политику страны и внедрившего результаты своих научных положений.

В аннотации и тексте «Поведенческой экономики Беларуси» отмечено, что «эта книга – продолжение другой коллективной монографии «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси». Но без раскодирования «Финансовая диета» ведет к денежному голоду и не спасает от стагнации экономики» [1], т. е. их следует рассматривать в системе, во взаимосвязи. Одновременно уже в этой аннотации и констатируется общая «эффективность» «Финансовой диеты», «диеты» которая при ее издании в белорусских средствах массовой информации рекламировалась не меньше, чем реклама Ксении Собчак или фильма «Смерть Сталина». В новой книге о «раскодировании», которая является продолжением первой, имеются замечательные признания о результатах внедрения его научных положений и предложений «Финансовой диеты» и оценка этих предложений, которые сам автор справедливо характеризует своими заблуждениями.

Было бы не так страшно, если бы эти заблуждения оказались только попыткой теоретизирования в духе технократического подхода. Однако эти заблуждения в силу ранее занимаемой должности научного редактора «раскодирования» и «финансовой диеты» оказались попыткой для социально-экономических процессов, так как были положены в основу реформирования государственных финансов страны. И парадигма «финансовой диеты» нанесла непоправимый вред

всей системе социально-экономических отношений Беларуси, последствия которых будут ощущаться и в далекой перспективе.

Причем в главном содержании социальных процессов (прежде всего в демографическом развитии) их последствия усугубят в перспективе депопуляционные процессы, что доказано нами в статьях «Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Республике Беларусь» [6] и «Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь» [7]. И показано влияние реализации «финансовой диеты» на резкое обострение депопуляционных процессов в стране. Один только факт об этих последствиях – о не имевшихся в демографической истории Беларуси аналогов падения рождаемости в 2017 г. по сравнению с 2016 г., когда началась реализация «финансовой диеты». Это критерий ее результативности. Итоги 2017 г. свидетельствуют, что рождаемость в стране за год упала ниже десятилетнего уровня (в 2008 г. родилось 103 626 детей), показатель рождаемости с 12,4‰ в 2016 г. упал до 10,7‰, численность родившихся (102 356 детей) оказалась на 15 423 младенца меньше, чем в 2016 г. (или на 13,1%).

Такого резкого падения рождаемости в демографической истории мирного времени Беларусь еще не имела. Это падение рождаемости чиновники пытаются объяснить, а значит, и оправдать уменьшением репродуктивной базы демографического развития. Однако за год численность женщин наиболее репродуктивного возраста снизилась на 1,14%. Сопоставив только эти две величины – 13,1 и 1,14%, видно, что логики в таком объяснении не имеется. Неутешительные итоги демографического развития последнего квартала 2016 г. и всего 2017 г. связаны с существенными изменениями в социальной политике этих лет. Эта социальная политика есть негативный результат «финансовой диеты», «обосновавшей» необходимость существенных изменений в пенсионной системе. Условием назначения пенсии стал не трудовой, а страховой стаж, т. е. при назначении пенсий женщинам время их нахождения в декретном отпуске, или их репродуктивная деятельность, перестали учитываться. Это было обосновано «Финансовой диетой» и привело к значительному уменьшению женщинам размера пенсии. И здесь, как и для любой другой сферы, справедливой является констатация Р. Талера, «что для просто Людей убытки значат больше, чем сопоставимая прибыль» [4, с. 292].

Выше в отношении «Раскодирования» мною были приведены мнения ряда специалистов о той еще не изданной монографии, но уже высоко оцененной. Подобные хвалебные оценки рекламировала и «Финансовая диета». Вот, к примеру, мнение С. Гуриева, бывшего

ректора Российской школы экономики, из Парижа: «это и отличное описание сегодняшних проблем белорусской экономики, и программа реформ, необходимых для их решений». Но спустя полутора лет ее реформатор признал свои «диетические» заблуждения. Это свидетельствует, что и тем и другим высоким оценкам – грош цена.

Эти заблуждения «Финансовой диеты» состоят в следующих признаниях ее вдохновителя [1, с. 16–17]. Это, во-первых, ему «казалось, что бюджетные ограничения создадут в белорусской экономике рациональные стимулы... Но этого не произошло... Сработали не экономические стимулы, а что-то другое – привычки, инстинкты, стереотипы». Не будем вести речь об их общеизвестной роли, о которой много писано-переписано и роли которой реформатор финансовой системы Беларуси, вероятно, не осознал. В частности, эта особенность изложена в известной работе М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», а также в публикациях лауреатов Нобелевской премии по экономике (Ф. А. Хайека, Дж. Тобина, В. В. Леонтьева и др.). В этой связи возникают только вопросы. Рациональными ли были предложения научного редактора «Финансовой диеты», т. е. первой книги? Рациональными ли являются выводы и второй книги, которая органически связана с первой? Чем существенно отличается иррациональное поведение научного редактора от бессознательности белорусов? Хорошо, что хоть поздно, но свои заблуждения им были признаны. Но людям, попавшим под пресс «финансовой диеты» от этого признания лучше не стало. «Просто Люди» (понятие, используемое Р. Талером) понесли потери. Но почему мы считаем, что это хорошо? Думается, что из этого признания о заблуждениях, которые были положены в основу реформирования финансовой системы Беларуси, «просто Люди» теперь поняли, что нет веры вымыслам чудесным. И это единственный позитивный результат теоретизирования и признания своих прежних заблуждений научного редактора «Раскодирования».

Во-вторых, о следующем заблуждении научного редактора монографии о «финансовой диете», о котором он в книге о «раскодировании» признается. Цитируем: «... казалось, что технократический подход работает... Если принять отдельные решения по конкретным проектам, не меняя «абстрактный» деловой климат, то можно избежать кризиса». Но и этого не произошло, что научный редактор признает: «Финансовая диета» ведет к денежному голоду и не спасает от стагнации экономики» [1, с. 2], тем самым усугубляя кризис. Но, признавшись в том, что его «Финансовая диета» привела к финансовым проблемам, тем не менее «раскодировщик» возникновение этих проблем списывает неизвестно на кого. Цитируем: «Примечательно, что

именно краткосрочные ухищрения в финансовой сфере продолжают сохранять видимость экономической устойчивости Беларуси» [1, с. 74]. А ведь эти ухищрения обоснованы в «Финансовой диете»! Это результат узковедомственного подхода, который характерен любому технократическому подходу. В общем, как в свое время писал о Крымской войне 1853–1855 гг. Л. Н. Толстой, «гладко было на бумаге, помешали лишь овраги...». Но и от этого признания им своих заблуждений ничего не изменилось. И, наоборот, «Поведенческая экономика Беларуси» предлагает новые заблуждения. И опять повторим – нет веры вымыслам чудесным...

И третье заблуждение научного редактора «финансовой диеты» и «раскодирования»: ему (цитируем) «казалось, время является главным фактором перемен». И дальше в духе приснопамятной явлинско-шаталинской программы «500 дней» [8] * им ставится необходимость ускорения главного фактора перемен – времени: «если раньше для этого требовались годы, то теперь – месяцы» [1, с. 15]. Наверное, «раскодировщик» считает, что предлагаемые им перемены можно быстро осуществить (нужны не годы, а месяцы). Но быстро проявляются только последствия катастроф. При этом, ратуя за необходимость быстрого раскодирования, он обвиняет национальные черты белорусов – в ориентации «на краткосрочный результат» [1, с. 98]. По поводу этого главного фактора перемен, требования ускорения хотелось бы процитировать одного из крупнейших классиков экономической теории А. Маршалла, не усвоенного раскодировщиком **: «Фактор времени, который лежит в основе главных трудностей при решении почти любой экономической проблемы, сам по себе постоянен: природе неизвестно абсолютное деление времени на долгие и короткие периоды, они незаметно переходят друг в друга, и то, что для одной проблемы выступает как краткий период, оказывается для другой долгим» [9, с. 47].

И научному редактору «жутко становится от того, что бессознательность может руководить нами» [1, с. 25]. Но самое удивительное при этом, что эти *свои* бессознательные заблуждения «Финансовой диеты» автор «Раскодирования» перекладывает на других: «виноваты

---

* Отметим, что в разработке этой программы [8] принимал участие и один белорусский специалист (Л. Козик), позже поставленный во главе белорусских профсоюзов «защищать» интересы работяг от реализации разработанных им 500-дневных мер «шоковой терапии».

** В общем, это простительно для новой поросли ученых, о чем пишет и нобелевский лауреат: «Как и большинство студентов и аспирантов, я ничего не знал о работах более ранних экономистов... Студенты и магистранты редко читают работы, написанные более тридцати лет назад» [4, с. 88]. Может быть, и «раскодировщик» этого не знал.

все» [1, с. 17]. И потому не внявшим его советам белорусам «за него надо нести ответственность» [1, с. 15]. А автор «Финансовой диеты», дескать, здесь ни при чем. И потому надо «раскодировать экономику, изменить предопределенность мышления и поведения». Но, как бы оценил такую эквилибристику Ф. Тютчев, «мысль изреченная есть ложь...».

Автору серии монографий «Раскодирования» и «Финансовой диеты» жутко становится от бессознательности, которая нами руководит, но можно ли процитированное выше – то, что ему *казалось*, считать рациональным?

Хотя, если верить классикам, этот подход для многих профессионалов – объективное состояние, что и цитирует Р. Талер: «Кейнс считал, что профессионалы склонны к иррациональному поведению, чем к его предотвращению» [4, с. 174]. Но это (о чем пишет автор «Раскодирования»), скорее типичный медицинский диагноз себе, который он приписывает белорусскому менталитету, тем более, что ее автор признается в этом: «начинаю узнавать в (своем «Введении» к новой книге. – А. З.) тексте что-то странное и знакомое. Это мои постоянные медицинские аналогии (диета, диагноз), всплывающие, вероятно, из глубины детства» [1, с. 17]. Отметим, что и упомянутая нами программа «500 дней» в свое время также характеризовалась в медицинских терминах – «шоковой терапией» и, что вероятно, всплывает к периоду детства научного редактора и автора «Раскодирования» и «Финансовой диеты».

Публикация монографии о раскодировании, судя по названию, являет попытку представить, что в Беларуси имеются люди, мышление которых соответствует модной сегодня теории новой поведенческой экономики, ведь поведенческая экономика заложена в названии работы, и обосновать этой теорией аргументированность своих выводов. Но содержание «теоретического обоснования» этой книги противоречит существу новой поведенческой экономики Р. Талера.

Рассуждая о культурной матрице белорусов, которая в «Раскодировании» представлена как элемент бессознательного, что, якобы, определяет иррациональное поведение белорусов, их историческую отсталость ходящего по кругу, и которую, по мнению научного редактора, надо раскодировать. Не будем искать «доказательства» тождественности бессознательного и иррационального, которых нет. Но в рамках талеровской и «белорусской» поведенческой экономики, представленной в книге, возникает вопрос: каково соответствие характеристики иррациональности у Р. Талера – центрального момента

новой поведенческой экономики – и «белорусских» представлениях о поведенческой экономике Беларуси?

Самое главное и существенное методологическое отличие лауреата Нобелевской премии по экономике Р. Талера и научного редактора «Раскодирования» это оценка роли иррациональности людей в теории поведенческой экономики. У Талера – это нормальное явление, которое можно и нужно использовать в социальной политике. У редактора «Раскодирования» – ее нужно изжить. У Талера, который создал мост между экономическим и психологическим анализом *индивидуальных* решений, она связана с *личными* интересами, пониманием того, что хорошо и что плохо на *индивидуальном* уровне, действия которых как и познавательные способности, самоконтроль и мотивация *разных людей* могут значительно различаться.

Автор раскодирования поведенческой экономики Беларуси белорусскую иррациональность представляет как ментальную, *коллективно* этническую характеристику белорусов. Причем, с одной стороны, «восприятие белорусами себя как цельного общества незначительно» [1, с. 112], а с другой, – с негативной оценкой белорусской ментальности – ее отсталости и «жадности» [1, с. 33], «безразличия ко всему» [1, с. 40], двоемыслия. И даже историческая память белорусов – это негатив, который нужно искоренить. Мешают белорусам и их государственные языки. Иного и быть не могло, «потому что так решили мы» – вот оно «доказательство!» У Ричарда Талера в понимании иррациональности лежат психологические основания, а в характеристике нерационального поведения белорусов в «Раскодировании» – их природа заложена в культурологической и социальной системе белорусского народа.

Идея раскодировать белорусскую нерациональность, направить социогенетический код белорусов в русло традиционных экономических постулатов и (*западной*, об этом позже) рациональности homo economicus противоречит талеровской новой поведенческой экономике. Это подтверждает понимание рациональности и иррациональности Р. Талером: «человек рациональный» – слишком ограниченная модель, чтобы объяснить решения и поступки людей. Иррациональность не случайна и не бессмысленна, напротив, она систематична и предсказуема: «человек совершает выбор вовсе не беспристрастно. В словаре экономистов, может, и нет слова «самонадеянность», но все же это неотъемлемая черта человеческой природы, а кроме нее есть еще масса других предубеждений, которые заставляют людей принимать необъективные решения» [4, с. 10]. И если бы только одним белорусам, о существовании которых Р. Талер, может быть, и не по-

дозревает, была свойственна иррациональность, то ведущие ученые мира ее бы не принимали во внимание. Почему-то после этого пасажа нобелевского лауреата ассоциативно возникает и характеристика серии монографий, как «самонадеянность».

В противовес «раскодирования» ущербности, отсталости белорусского менталитета, вине белорусской нерациональности поведенческая экономика Талера исходит из того, что «люди ведут себя как угодно, но только не так, как выдуманные существа, населяющие экономические модели». И далее будто в противовес «Поведенческой экономики Беларуси» Р. Талер пишет: «Я никогда не стремился показать, что с людьми что-то не так; все мы – просто человеческие существа, homo sapiens. Скорее я видел проблему в модели, которую используют экономисты, модели, которая подменяет homo sapiens (человека разумного) на homo economicus (человека рационального), – отмечает Р. Талер, – а это означает, что экономические модели дают ошибочные прогнозы, последствия которых могут оказаться гораздо более серьезными» [4, с. 9]. И, как очевидно, последствия раскодирования и реализации «финансовой диеты» привели к действительно более негативным и серьезным последствиям. И в противовес Р. Талеру, который не считает, «что с людьми что-то не так», в работе «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» проводится идея, что именно люди мешают проектам главного редактора упомянутой книги. Ричард Талер провозгласил свою мантру: «нужно сделать, чтобы заставить другого человека изменить свое поведение, что называется «размораживанием». Один из способов разморозить человека – убрать барьеры, которые мешают ему изменить свое поведение, какими бы незначительными эти барьеры ни были» [4, с. 281], т. е. убрать не иррациональность, а изменить его общественное бытие.

Кроме того, характерной чертой «Раскодирования» является подмена понятий, вкладывание в понятие поведенческой экономики иной смысл, чем у Р. Талера. Вначале о подмене понятий. Так, научный редактор и он же автор третьей главы констатирует: «белорусскую поведенческую экономику во многом определяют *страхи*, важно понять, чего *боятся* белорусы, какие в будущем видят *проблемы, трудности и угрозы*» [1, с. 141]; (выделено нами. – А. З.). Как видно, в этом утверждении смешались в кучу кони, люди... В рисунке, который характеризует эти проблемы, трудности и угрозы, к примеру, перечисляются: уменьшение населения из-за низкой рождаемости (эту озабоченность отметили 37,4% респондентов), утрата белорусского языка (35,8%), рост пьянства и наркомании (34,9%), труднодос-

тупность медицинской помощи (19,2%), кризис национальной культуры (16,7%), кризис системы образования (14,0%) и др. Да, такие явления представляют определенные угрозы для будущего развития Беларуси. Но можно ли эти проблемы называть страхами, боязнью или (как далее автор их именует) фобиями?

Или одно из важнейших понятий, которое извлек «раскодировщик» из талеровской концепции, это восприятие идеи подталкивания. Что означает у Талера термин «подталкивание» (nudge)? У лауреата Нобелевской премии подталкивание состоит в понимании важности иррациональности людей и возможности эту иррациональность использовать в рациональных целях. Или, как говорят в народе, использовать ее в мирных целях. Такое явление Р. Талер вначале назвал патернализмом. Но в научных кругах университета, где работал Талер, патернализм, – отмечает он, – считался ругательством – назвать коллегу патерналистом было самым большим оскорблением, обычно это считалось неким принуждением [4, с. 269]. После многих его попыток подыскать более подходящий термин (либертарианский патернализм, асимметричный патернализм, оптимальный патернализм) Талером стал использоваться термин «подталкивание», что в принципе для него – одно и то же, или они очень близки, так как они у нобелевского лауреата органически связаны. Эта небольшая история с терминами «подталкивание» или «патернализм», описывающая творческий поиск нобелевского лауреата, нам нужна для того, чтобы показать существенное различие, можно даже сказать пропасть в отношениях, во-первых, к патернализму у нобелевского лауреата и нашего «раскодировщика». У автора «Раскодирования» патернализм считается препятствием в поведении белорусов, который надо раскодировать [1, с. 75–77, 277–278] и подтолкнуть, но куда?

Национальный менталитет каждого народа и представляет ту целостную и устойчивую исторически сформировавшуюся систему экономических, идеологических и социальных отношений и предписаний, поведенческих установок и практик, называемую цивилизационным кодом [10]. Что означает, его раскодировать? Если бы это раскодирование было направлено на выявление механизмов его формирования, существования и развития, учета специфики национального менталитета, это один вопрос. Если же поставлена задача изменить мировоззренческую сущность народа, то такое раскодирование противоречит тенденциям и закономерностям его формирования. Автор раскодирования, рисуя негативными красками портрет белорусского народа, на основе характеристики его иррациональности видит путь изменения этого кода – в его насильственной ломке. И это логично: из его типично медицинского диагноза «больного» белорусского

менталитета (национальной матрицы) такое лечение требует хирургического вмешательства!

В «Поведенческой экономике Беларуси и ее раскодировании» чудно и непонятным образом переплелись два аспекта: поведенческая экономика и раскодирование. Характеристикой представленной им нерациональной поведенческой экономики белорусов сделана попытка обосновать необходимость их «раскодирования». Поведенческая экономика Р. Талера исходит из того, что, – повторим его вывод, – «иррациональность не случайна и не бессмысленна». «Раскодировщик» Беларуси ее не признает, считая помехой.

Конечно, национальный менталитет неизменным не бывает, он развивается, обновляется, но базовые национальные ценности остаются, переходя из поколения в поколение. «Национальная матрица складывается под влиянием многообразия природно-географических, исторических, культурных, религиозных, расовых, возрастных, лингвистических, политических, экономических и иных факторов», что справедливо отмечается и в «Раскодировании» [1, с. 33]. Но отсюда вытекает логическое противоречие автора «раскодирования», требующего хирургического вмешательства. Что из только этого перечисленного многообразия, к тому же ускоренно (!), можно изменить, сделать обрезание? Природно-географические условия? Окружающую социальную среду? Историческое прошлое? Культурное наследие? Религиозные и расовые отношения? Возрастную структуру? Лингвистические (даже белорусскую «трасянку») особенности? Политические и экономические факторы?

Выше мы высказали предположение, что идея раскодировать белорусскую нерациональность имеет антибелорусскую ориентацию: направить социогенетический код белорусов в русло, вероятно, западной рациональности. Такое предположение сменяется убежденностью, что это раскодирование состоит в отрицании белорусских и насаждении западных ценностей. Об этом свидетельствует не только наклейка на обложке книги «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» с эмблемами British Embassy и Belarusky narodny bank, но самое главное – выбор направлений деятельности для слома прежних ценностей: «в целом для кодирования обществу новых ценностей» [1, с. 296].

Отметим, что у коллективной монографии «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» – много авторов – главным образом социологов из Национальной академии наук Беларуси. Но конкретный качественный социологический анализ цивилизационного кода Беларуси, представленный социоло-

гами в других главах этой книги, и где меньше ощущается позиция и рука научного редактора, а также в работе «Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое изменение» [10] этих авторов не дает оснований требовать раскодирования в том направлении, которое, как «кажется» инициатору «раскодирования», надо осуществить. Белорусскими социологами раскодирование (правда, в названиях этих социологических глав книги постоянно звучит термин раскодирование, но это, вероятно, уже рука ее главного редактора и составителя) представлено в ином плане – в раскрытии специфики, необходимости учета национального менталитета (культурной матрицы, цивилизационно-культурного кода) в системном анализе многообразных социально-экономических, социально-политических и социально-культурных отношений современного белорусского общества.

У Ричарда Талера соотношение экономического поведения Людей и Рационалов состоит в сочетании иррациональности и рациональности. Его поведенческая экономика, основанная на интеграции экономики с другими дисциплинами, помогает будущим специалистам ориентироваться в этом непростом, усложняющемся мире. И проводить экономическую политику с использованием принципов новой поведенческой экономики в деле принятия оптимальных решений, учитывая и иррациональные стороны человеческой природы. И «первый шаг в направлении разрушения привычных аксиом состоит в том, чтобы посмотреть на мир вокруг себя. Увидеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким его желают видеть другие» [4, с. 296]. Если для простого большинства «иррациональность не случайна и не бессмысленна», то в отношении экономических авторов, обладающих соответствующими специализированными навыками, т. е. тех, кто готовит решения, а тем более их принимает, не помешало бы быть Рационалом. И это они должны быть Рационалами, а остальные могут не без пользы оставаться Просто Людьми.

К сожалению, выводам и идеям книги «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование» это не присуще. Почему? Ричард Талер это объясняет: «Экономическое образование, которое получают нынешние студенты, дает огромные знания в области поведения Рационалов, но при этом в жертву приносится интуитивное знание о человеческой натуре и *социальных взаимодействиях* (выделено мною, ибо в этом суть новой поведенческой экономики. – А. З.). Выпускники экономических факультетов перестали понимать, что живут в мире, заселенном просто Людьми». Их модели и поведение друг и коллега Ричарда Талера, лауреат Но-

белевской премии по экономике 2002 г. Дэни Канеман окрестил «ослеплением теорией». «Такое ослепление теорией, считает Р. Талер, поражает практически каждого, кто получает докторскую степень по экономике» [4, с. 84].

Сам «раскодиловщик» в своем заключении вспоминает школьную историю с изложением по прочитанной им в свое время книге об одной трагической странице в истории нашей страны, которое он написал с рядом грамматических ошибок. Но за которое он неожиданно для себя получил «5». Думается, что и за это сочинение, представляющее белорусов в нелицеприятном свете, определенная группа учителей, придерживающихся антибелорусских ценностей, а также и западных инвесторов (British Embassy and Belarusky narodny bank) могли бы поставить такую же высокую оценку. От этой группы ино-го и нельзя ожидать, ибо они, в отличие от большинства белорусов, прекрасно владеют английским языком, на массовое изучение которого (а также вдобавок и китайского), а не русского – одного из государственных языков, по требованию «раскодиловщика», должно быть нацелено славянское население Беларуси.

Конечно, специалисты и прежде всего экономисты и управленцы должны знать и английский и китайский языки для того, чтобы это знание использовалось в интересах Беларуси, чтобы не допускать негативных последствий, связанных, к примеру, с привлечением в Беларусь китайских кредитов. В чем негативизм привлечения в нашу страну китайских кредитов? Китайская сторона предоставляет Беларуси «связанные кредиты», во-первых, с использованием преимущественно китайских гастарбайтеров на белорусском рынке труда, во-вторых, с получением ряда налоговых льгот и, в-третьих, с внедрением китайских технологий.

Использование труда китайских гастарбайтеров на фоне значительного сокращения занятости на своем национальном рынке труда белорусским трудовым ресурсам приводит к тому, что заработки, как составную часть переменного капитала, китайские гастарбайтеры увозят (перечисляют) в Китай. А через определенный период, к примеру по стройке на основе китайских кредитов в Добруше через 13 лет, белорусская сторона будет выплачивать всю величину кредита, включая и его переменную часть, уже возвращенную в Китай?! Это одна сторона связанного кредита. Добавим к этому и уменьшение денежного оборота: если бы на этих стройках использовался труд белорусских граждан, то зарплата из переменного капитала оставалась бы здесь, в Беларуси. Предоставление ряда льгот десятитысячной численности китайских гастарбайтеров – также ущерб для Беларуси, так

как они сказываются на уменьшении отчислений в Фонд социальной защиты населения.

Китайские связанные кредиты направлены на реализацию в Беларуси китайской технологии, китайской продукции. Мы не специалисты в оценке соответствия китайской продукции передовым мировым технологиям. Но уже в отношении одного из промышленных объектов, введенных по связанным кредитам в Светлогорске, возникло много проблем. Первая из них была связана с несоответствием китайских электрических кабелей белорусским ГОСТам. А вторая связана с китайской технологией, отравляющей экологию Светлогорска и района, о чем свидетельствует постоянный поток жалоб в государственные органы и СМИ [11].

Таковы некоторые уроки китайского для Беларуси. Но несут ли ответственность специалисты белорусского посольства в Китае за такое «экономическое раскодирование», реализуя «экономические стимулы для иностранных инвесторов» (§ 2 гл. 4 «Раскодирования»)?

Кроме того, для тех, кто не согласен с ведущей ролью русского языка, ориентированного на прошлое [1 с. 142], и ратует за будущее в направлении западного рынка на основе английского языка, следует напомнить наше славянское прошлое. Как известно, один из вариантов перевода с английского, немецкого, французского и латинского языков на русский и белорусский языки нашей славянской родословной термина *slave* означает «раб», которого надо держать в узде. И которым, по признанию научного редактора «Потому что так решили мы: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование», «маловероятным видится самостоятельное раскодирование белорусской экономики» [4, с. 327]. Таков за фасадом красивых слов вывод «раскодировщика». Напомним, что в России «чикагские мальчишки» раскодирование уже проводили, итоги которого в концепции «шоковой терапии» оказались неутешительными не только для России, но и для Беларуси.

Подвести итоги перспектив «раскодирования» лучше Ричарда Талера – оппонента «чикагских мальчишек» нельзя. Нобелевский лауреат 2017 г., представляя результаты своего научного поиска, констатирует: «Как однажды сказал Марк Твен: «Ваши проблемы не от того, о чем вы не знаете. Они от того, в чем вы абсолютно уверены, тогда как на самом деле вы заблуждаетесь». Люди становятся чрезвычайно самоуверенными потому, что не тратят времени на то, чтобы проанализировать свои прошлые ошибочные прогнозы, и потом только усугубляют ситуацию, когда становятся жертвами предвзятости суждения – потому что ищут только те доказательства, которые подтверждают их заранее сформулированную интерпретацию» [4, с. 296].

Глава 5. ЭКСТРАНАЛЬНОСТЬ И ИНТРОНАЛЬНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ⁵

В свете концепции явных и латентных функций Р. Мертона обоснованы экстранальный и интрональный факторы в демографическом развитии. Интрональность отражает внутренне обусловленные тенденции демографических процессов. Экстранальность характеризует влияние демографического развития на иные социальные процессы и влияние социально-экономических, политических процессов на демографические процессы. Рассматриваются последствия взаимодействия экономики, системы образования и демографического развития. Отмечается возрастание роли миграции в депопуляционных процессах Республики Беларусь. Делается вывод, что характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами.

Вторая сторона диалектики явных и латентных функций

Характер и содержание демографических процессов многообразны и разнообразны по своим последствиям. Одни и те же демографические процессы (скажем, один и тот же уровень рождаемости) по-разному оцениваются в различных социально-экономических условиях, странах. Неодинаково и отношение к ним общественности. Так, в оценке концепции демографического перехода и содержания демографической политики в российской науке столкнулись позиции ученых Московского государственного университета (МГУ) и Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИСПИ РАН), с одной стороны, и ученых института демографии ВШЭ, с другой стороны [1; 2]. У первых то, что коэффициент рождаемости упал ниже уровня простого замещения поколений, вызывает озабоченность, и потому они считают, что надо активно действовать, чтобы преломить негативные тенденции. Вторые – фаталисты считают, что все идет своим путем, ничего предпринимать не нужно, демографический «взрыв» – возможность решить мировые проблемы. Неоднозначны и последствия мер демографической политики:

---

⁵ Злотников А. Г. Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики // Социология. 2014. № 2. С. 70–84.

они не всегда приносят желаемые результаты для демографического развития и вызывают не всегда просчитанные последствия для не демографического и других социальных и (или) экономических процессов. Также многие процессы в не демографической сфере сказываются и на демографических процессах, причем эти последствия в большинстве своем негативные.

В социологической науке для описания характера и содержания социальных институтов используется категория явных и латентных функций. Так, Р. Мертон, раскрывая сущность теоретического социологического анализа, указал на необходимость «изучения непреднамеренных последствий социальных обычаев (к которым относятся и латентные функции), а не только изучения ожидаемых последствий (в том числе явных функций)». И именно это, по его мнению, составляет «заметный и главный вклад» функционального анализа социальных процессов, показывающего, что «социальная жизнь не так проста, как кажется сначала» [3]. И эти латентные функции – не менее значимы, чем явные функции. Они в большей степени выявляют в этой взаимосвязи многогранность протекающих процессов.

Это выявление явных и латентных взаимосвязей, многогранности последствий этих взаимосвязей и, как следствие, системности важно при анализе не только социальных обычаев, но и других социальных процессов, на которых акцентировал внимание Р. Мертон. И говоря о явных и латентных функциях как неотъемлемых элементах теоретического анализа, Р. Мертон добавляет «или их эквивалентов» [3, с. 183]. Понятия явных и латентных функций применяются для характеристики сложного характера функционирования социальных институтов. Анализ протекания взаимодействия социальных процессов и явлений отражает эквиваленты явных и латентных функций, которые представляют интраанальные и экстраанальные факторы.

Экстраанальность тех или иных социальных процессов проявляется в других и на других социальных явлениях. Интраанальные явления вызывают внутренние вторичные изменения социальных процессов. Эти явления экстраанального и интраанального характера могут быть как позитивными, так и негативными. Этот аспект в отечественной социологии и демографии менее изучен, хотя любой исследователь в процессе анализа, интерпретации социальных явлений всегда в той или иной степени сталкивается с их многообразными последствиями. Впервые тема экстраанальности и интраанальности нами была представлена в 2006 г. в сборнике статей Института социологии Национальной академии наук Беларуси [4]. Позже, в 2012 г., она была развита в сборнике материалов международной демографической конференции

Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова [5]. Эти научные аспекты в белорусской науке попытался развить и Л. А. Гуцаленко [6], правда, в несколько иной терминологии (экстернальный и интернальный), но суть от этого не меняется.

Сущность, взаимосвязь, взаимопроникновение, неоднозначность и одновременно многосторонность демографических процессов можно отразить концепцией интрональности и экстранальности. Интрональность демографических процессов характеризуется собственно демографическими последствиями, вытекающими из их внутреннего функционирования. Эту их интрональность наиболее популярно отражает концепция демографических «волн» – последствий Великой Отечественной войны. Но уже в ближайшей перспективе ожидаются и новые, более сильные «волны» демографического кризиса, глубина которого пришлось на середину 1990-х гг. В демографической истории Беларуси в 1997 г. зафиксирована самая низкая за XX в. рождаемость, даже меньшая по сравнению с периодом Великой Отечественной войны. И в интрональном плане ждать новых демографических «волн» недолго, особенно имея в виду, что происходит наложение отдаленных демографических последствий Великой Отечественной войны и социально-политического и экономического кризиса середины 1990-х гг.

Экстранальность в сравнении с интрональностью более сложный процесс, так как последствия, порожденные явлениями в одной сфере, отражаются в других сферах. Так, многие социальные процессы, вроде бы не направленные на демографические явления, тем не менее проявляются и в демографических процессах. В прежние времена системы социального обеспечения не существовало и потому рождаемость была выше, что связано с надеждой на то, что дети обеспечат старость родителей. Становление пенсионной системы способствовало обеспечению социальной защищенности лиц старших возрастов, что сказалось и на снижении рождаемости: забота о старших поколениях перекладывалась с детей на государство. А ведь многие демографические явления вызывают последствия в недемографических (экономических, социальных, технологических, управленческих и иных) процессах. Яркая иллюстрация тому – состояние системы образования: низкая рождаемость середины 1990-х гг. сказалась сначала на снижении занятости в системе дошкольного образования, потом – школьного, а сегодня, о чем демографы давно и не один раз предупреждали, – и в системе высшего образования.

Социологические опросы в рамках демографического мониторинга выявляют, что, по мнению респондентов, одной из наиболее зна-

чимых сегодня причин нежелания иметь больше детей являются финансовые трудности. Ориентация системы дошкольного воспитания на оказание платных услуг, чего постоянно требуют органы исполнительной власти на местах, способствует желанию родителей отказаться от рождения второго ребенка. Об этом в ходе опросов 2010–2013 гг. заявили от 55,1 до 76,3% респондентов. Родителям сегодня почти за все надо платить: подготовка к школе, посещение бассейна, занятия в танцевальных и музыкальных кружках и многое другое. А потом в школе ко многому перечисленному добавляются плата за дополнительное изучение иностранных языков, факультативы по многим другим предметам, иные инициативы. Причем в школах несколько меньше финансовых затрат, чем в дошкольных учреждениях. И этот рост инвестиционных затрат на воспитание детей (экстранальные факторы демовоспроизводственных ориентаций), по концепции лауреата Нобелевской премии по экономике 1992 г. Гарри Беккера, сказывается на выборе родителями между количеством детей и их «качеством» в пользу второго.

Это значит, что концепция интрональности и экстранальности отражает системность, сложность и многогранность взаимосвязей социальных процессов, вписывается в концепцию социомурлатов, характеризуется многообразными связями социальных объектов, видимые и невидимые взаимосвязи и взаимодействие социальных сфер, социальных институтов, социальных общностей, личности, общества и др. [7].

Экстранальность и интрональность как проявление единства и взаимосвязи социальных явлений

Эту взаимосвязь – экстранальность и интрональность явлений во взаимодействии с демографическими процессами в свое время проиллюстрировал Ч. Дарвин в следующей, казалось бы, странной цепочке: красный клевер – шмели – мыши – кошки – старые девы – возвращение солдат к мирной жизни – рождаемость. Каждое звено в этой цепи предполагает возможное изменение других звеньев. Мир и возвращение солдат к домашним делам с демографических позиций породили как интрональные, так и экстранальные последствия. В первом случае у девиц появилась возможность выйти замуж и заняться прямыми демографическими делами, т. е. замужество привело к реализации материнских социальных функций. В экстранальном плане девицы, которые ранее при дефиците мужского населения бы-

ли «заняты» своими кошками, перестали уделять внимание разведению котов: потому и расплодились мыши, разоряющие гнезда шмелей, в результате чего некому стало опылять этот вид клевера.

В демографическом развитии важны не только количественные аспекты, но и качественные. Происходит пересмотр как мужчинами, так и женщинами их главных жизненных ценностей – семейных. Существует противоречие между желаниями и возможностями женщин по улучшению демографической ситуации, характеризующиеся желанием иметь больше детей, чем в их семьях, намерением родить и самим фактом рождения. Имеются проблемы и гендерных отношений в семейно-бытовой сфере. Среди собственно демографических факторов современной демографической ситуации основной тенденцией становится переход от двухдетной к однопородной (в том и в другом случае – малодетной) семье. А это ведет к существенным экстра- и интра-демографическим последствиям: экстра-демографическим – внешним к демографическим явлениям, интра-демографическим – для следующей цепочки демографических последствий.

Демографическое поведение индивида не есть только его действие, чтобы он о себе не представлял. Он встречает как действие, так и противодействие, сопротивление со стороны внешней среды, условий жизни, обычаев, традиций, интересов других людей. Это не просто общество и человек, это общество в восприятии человека и человек в социальном мире. Французские демографы Ж. Бертильон и А. Сوفي сделали вывод, что «рождаемость – феномен скорее коллективного, чем индивидуального, характера; здесь большую роль играет настроенность общества в целом, влияние примера» [8, с. 190]. Действие экстра- и интра-демографических факторов протекает, как в условиях конфликта, так и в обстановке сотрудничества. Причем эти конфликтные ситуации возникают даже при мельчайших разногласиях. Например, их может вызвать нечаянный взгляд, брошенный мужем в присутствии жены на другую женщину.

В демографической науке, начиная с Т. Мальтуса, главной стала проблема последствий изменения численности населения – последствий явных или видимых. Экономисты до А. Смита рост мощи страны, нации связывали с численностью населения. У А. Смита богатство страны зависит уже не от роста населения, а от величины населения, занятого производительным трудом. У Т. Мальтуса – это проблема несоответствия темпов роста численности населения и производства продуктов питания. Это явные последствия (функции) изменения в демографическом развитии. Но каждое явление вызывает не всегда те последствия, которые рассчитывают получить. При-

чем часто эти последствия еще более значимы, тем более что они не всегда и просчитываются.

Выполненные на рубеже 1970-х гг. прогнозы мирового демографического развития эти последствия связывают с пределами роста численности населения и ростом антропогенной нагрузки на планету – это также своеобразная экстранальность. Для Беларуси, столкнувшейся в середине 1990-х гг. с тенденцией уменьшения численности населения, прежде всего стоит именно проблема национальной безопасности и места Беларуси в современном мире. Будущее демографических процессов заложено не только их современным состоянием, но и демографическими тенденциями в прошлом.

Именно в плане интрональных и экстранальных процессов рассматривал рост численности населения Т. Мальтус. В интрональном – это геометрический прирост численности населения; в экстранальном – эскалация ухудшения материального положения семей, а значит, и роста бедности населения. Интрональный аспект вписывается в концепцию демографических «волн», т. е. определенная тайминговая тенденция роста или падения уровня рождаемости является отражением предшествующей рождаемости. Правда, диапазон длины этой «волны» за последние 60 лет изменился.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1971 г., выходец из Беларуси С. Кузнец считает, что эти «волны» вписывались в 20-летние циклы. Сегодня они в демографии уже представляют циклы с лагом примерно в 25 лет. Если в середине XX в. белорусские женщины в среднем вступали в брак в возрасте до 20 лет и сразу начинали демо-воспроизводство, то ныне средний возраст невесты в первом браке составляет 24,6 года (женихов – 26,7 года), средний возраст матери при рождении первого ребенка – 25,3 года. Это свидетельство изменения лага этих «волн».

Но возникают и другие проблемы. Сегодня многие говорят о половой распушенности молодежи, о массовом внебрачном сожителстве. Не будем морализировать, а отметим реальную социологическую проблему. Между половым созреванием (13–14 лет) девушек и их вступлением в первый брак в среднем проходит более 10 лет (а в других странах и более 15 лет). Это накладывает отпечаток на социальное сексуальное поведение молодежи. Наивно думать, что после наступления половой зрелости природа в самом активном возрасте будет долго ждать. Это и является причиной разрыва между сексуальностью, матримониальным поведением и деторождением.

Н. Луман возникновение этой проблемы связывает с расширением сроков образования молодежи: «сконцентрированная на школах и

университетах система образования привела к значительному удлинению времени для молодежи. Молодежь уже давно могла бы вести производительную деятельность и вступать в брак вместо того, чтобы продолжать возиться с обучением в высших учебных заведениях ради улучшения исходной позиции на старте профессиональной карьеры <...> Ожидания, предъявляемые к интимным отношениям (с паролем брак по любви), завышаются настолько, что, в конечном счете, чтобы решиться на них, оказываются необходимы особые мотивы, а в последующей семейной жизни возникает значительная потребность в терапии, так что дело часто доходит до разводов и новых поисков» [9, с. 234].

Этому предшествует уже богатый опыт сексуальной жизни. Так, нами в процессе социологического мониторинга за 2011 г. по государственной программе научных исследований респонденткам был задан вопрос: «В каком возрасте у них состоялась первая половая связь?» Ответы распределились следующим образом: у одной трети (33,4%) – до 18 лет, у 26,5% – в 18 лет, у 13,9% – 19 лет, у 10,1% – 20 лет, у 5,4% – после 20 лет (9,7% на этот вопрос анкеты не ответили). И не все эти связи закончились браком. Напомним, что средний возраст белорусских невест в первом браке составляет 24,6 года.

Таким образом, демографическое поведение представляет собой единство и борьбу различных интраональных и экстраональных социальных процессов, их диалектику, их взаимосвязь.

Интраональность как отражение тенденций демографических процессов

Экстраональность и интраональность демографических процессов отражает и результат, и одновременно причину ряда современных тенденций. В сочетании с явлениями общественной жизни демографические процессы доминируют, ибо во все времена именно они давали оценку изменениям. Эти процессы отражают не только тенденции прошлого и настоящего, но и закладывают почву для социально-экономических отношений и демографического развития. В силу определенной инертности сложившаяся структура населения и параметры его воспроизводства будут и в дальнейшем обуславливать направленность демографических процессов. Преодоление негативных демографических тенденций, если сказать мягко, сложный и длительный процесс, что подтверждают данные о сопоставлении ныне имеющегося (25–34 года) и перспективного (0–9 лет) репродуктивного потенциала (таблица).

**Численность перспективного и имеющегося в Беларуси
репродуктивного потенциала, человек**

Год	Численность женщин в возрасте, лет (на начало года)						
	0–4	5–9	10–14	15–19	20–24	25–29	30–34
2005	217 155	225 389	301 570	399 352	395 515	352 562	346 145
2006	215 909	222 377	280 680	386 753	402 292	357 128	345 196
2007	218 839	220 813	262 563	365 637	411 045	362 935	344 818
2008	226 178	220 366	244 435	347 242	412 402	370 896	344 316
2009	235 679	218 637	233 217	324 126	407 158	383 326	347 695
2010	243 140	214 936	224 689	304 150	378 222	369 637	342 191
2011	251 395	214 281	221 110	284 572	370 711	374 991	344 300
2012	258 462	216 752	219 287	265 712	357 801	381 729	347 505
2013	266 505	223 705	219 177	245 947	345 895	384 476	351 783

Современную и перспективную рождаемость определяет наличие женщин в соответствующем возрасте. Сравнимая характеристика возрастного потенциала выявляет его перспективное ухудшение. Так, на начало 2013 г. численность возрастной группы 0–4 года составляет 266,5 тыс. человек, а в возрасте 5–9 лет – 223,7 тыс. человек. Даже если все они останутся в живых и будут проживать в Беларуси, то через 25 лет (цикл демографической «волны») их будет меньше, чем в настоящее время в возрастах 25–29 лет (384,5 тыс. человек) и 30–34 года (351,8 тыс. человек), т. е. на одну треть меньше численности демографических групп, дающих сегодня наибольшую рождаемость.

Сейчас рост рождаемости в ближайшей перспективе связан с демографической группой женщин 10–19 лет, группа эта уже имеет тенденцию к уменьшению. Это означает, что при сохранении нынешнего уровня рождаемости в соответствующих возрастных группах этот фактор во второй половине 2030-х гг. будет ниже, чем в середине 1990-х гг., когда в истории Республики Беларусь наблюдалась самая низкая рождаемость. Но даже если вдруг коэффициент суммарной рождаемости достиг бы уровня простого замещения поколений (2,14–2,15), то его положительные последствия для роста численности населения Республики Беларусь скажутся только через полстолетия, да и то на низкой количественной базе.

Падение рождаемости, низкий уровень которой в Беларуси пришелся на 1997–2002 гг., в 2020–30-е гг. вызовет новое падение рождаемости, новую «демографическую яму». Прогнозы на длительную перспективу выявляют, что демографическое развитие Беларуси как в

ближайшей, так и в среднесрочной и отдаленной перспективе станет осуществляться в депопуляционном инерционном режиме, если не развивать новые стратегические направления демографического развития, не повышать качество жизни населения. Важнейшим аспектом является приспособление демографической политики к формирующемуся рыночному механизму.

Таким образом, сложившийся тип демовоспроизводства будет отражать инерционные процессы. Гораздо сложнее проблема качественных интрональных последствий. Новые демографические реалии породили еще не осознанные в обществе такие проблемы, как рост нагрузки на трудоспособное население, эластичность основных демографических групп, изменение содержания миграционных процессов, качество демографического потенциала, взаимоотношение поколений и многое другое. Еще П. Сорокин, анализируя последствия войны, констатировал ухудшение качества демографического потенциала: войны уничтожили наиболее здоровое мужское население, а оставшиеся в живых уже давали менее здоровое потомство. Негативный интрональный характер этого ухудшающегося качественного потенциала состоит в том, что родившийся первенец (а если он остается и единственным) окружен заботой системы здравоохранения, которая, выполняя благородную миссию укрепления здоровья, сохраняет, а потом и тиражирует низкое демографическое качество. В прежние столетия только пятая часть родившихся в результате естественного отбора оставалась в живых и воспроизводила демографический потенциал генетического качества, более способного к новому витку естественного отбора. Ныне медицина, фармакология сохраняют к началу репродуктивной деятельности почти 95% родившихся, в том числе и с низкими генетическими качествами. С каждым последующим демографическим витком осуществляется воспроизводство демографического потенциала не всегда лучшего качества. Среди демографических последствий войны П. Сорокин выявил, что население «обабилось», т. е. в гендерной (половой) структуре существенно увеличился удельный вес женского населения.

Для значительного ряда регионов Беларуси с учетом их чернобыльской специфики эти изменения проявляются в разных ракурсах. Чернобыль для этих территорий несет значительно большие непредсказуемые (и прежде всего в демографическом плане) последствия, чем для других регионов Республики Беларусь. Это связано с оказываемой западными государствами гуманитарной помощью детям, проживающим на территориях, пострадавших от катастрофы на ЧАЭС. Регулярный выезд за постчернобыльский период в страны

дальнего зарубежья для оздоровления, знакомство этой белорусской молодежи с западной социальной действительностью является немаловажным социокультурным фактором, влияющим на социальное поведение нового поколения. Это «оздоровление» стало причиной того, что после таких постоянных оздоравливающих поездок за рубеж, а также визита в Беларусь и иностранцев, принимающих детей с «чернобыльских» территорий, многие связывают свое демографическое будущее и трудовую деятельность с Западом.

«По результатам мониторинговых социологических исследований, – отмечает академик Е. М. Бабосов, – долг перед Родиной среди почти двух десятков ценностей современной белорусской молодежи стоит на последнем месте». И он замечает: «это наводит на размышления» [10, с. 111]. И не только на размышления о патриотическом воспитании, но и о последствиях демографических перспектив Беларуси. В результате в половозрастной структуре международной миграции в последние годы Беларусь столкнулась с отрицательным сальдо среди женского населения в возрастной группе 25–29 лет, а это значит, что в связи с их оттоком происходит уменьшение в стране потенциальных невест и матерей.

Здесь мы сталкиваемся с рядом последствий: уменьшается демографический потенциал Беларуси, возрастает нагрузка на трудоспособное население, а значит – и на социальную сферу, идет перекачка демографического потенциала (невест) на Запад. Последнее обстоятельство для демографических процессов Беларуси – интрональное явление, так как обостряет депопуляционные процессы. Для Запада, который также столкнулся с депопуляционными процессами, это уже экстранальное явление, и свою депопуляцию Запад стремится преодолеть за счет других стран.

Экономика как фактор экстранальности демографических процессов

В сфере экономики демографические последствия связаны с разнообразными процессами: изменением величины занятости, качества трудового потенциала, финансовыми механизмами, а также со структурными преобразованиями, развитием технологий, моделями развития экономики и многими другими явлениями. Наиболее значимые последствия для демографического развития вызывают качественные и количественные изменения в экономической сфере. Влияние экономики на демографические процессы настолько значимо, разнооб-

разно и многообразно, что в данной статье их можно обозначить только тезисно.

По сравнению с 1990 г. количество занятых в экономике уменьшилось почти на 800 тыс. человек. Особенно серьезные последствия вызвало сокращение занятости почти на 480 тыс. человек в промышленности и более чем на 300 тыс. в сельскохозяйственном производстве. Такое снижение размеров занятости населения в Беларуси выполняет разнообразные экстранальные функции в демографическом поведении населения и особенно молодежи. Из-за невостребованности экономикой трудового потенциала Беларуси, которая в отдельные периоды прошедшего 25-летия была проблемой для почти миллиона граждан Беларуси (ведь за этот период в республике прирост трудовых ресурсов составил почти четверть миллиона), породив трудовую миграцию.

Анализируя социальную (и прежде всего демографическую) ориентацию сфер материального и нематериального производства, отметим те прогрессивные тенденции в сельскохозяйственном производстве, которые с точки зрения демографических последствий привели к сужению масштабов занятости женщин в сельской местности. Сегодня значительная часть работ в сельском хозяйстве механизирована, переложена на мужчин – трактористов, комбайнеров, шоферов, наладчиков, слесарей-ремонтников и др. Но с точки зрения демографии итог неутешительный: доля мужчин в сельской местности, не состоящих в браке, превышает аналогичный показатель среди мужчин городской местности. Так, по материалам переписи населения Республики Беларусь 2009 г. доля мужчин, не состоящих в браке в возрасте 25–29 лет, составляет среди горожан 44,3%, а среди сельчан – 47,7%, в возрасте 30–34 года – 28,4 и 36,3%, в возрасте 35–39 лет – 23,6 и 29,9%, в возрасте 40–44 лет – 20,4 и 28,6% и в возрасте 45–49 лет – 18,4 и 27,8% соответственно. Это значит, что для многих мужчин сельской местности возникла проблема найти себе спутницу жизни.

Промышленность. В экономическом плане изменившиеся демографические тенденции ведут к переориентации деятельности отраслей экономики. Так, говоря о социальной ориентации легкой промышленности, базирующейся на почти стопроцентном использовании труда женщин, следует признать, что сокращение более чем в 2 раза занятости в этой отрасли сказалось на социальном и материальном положении женщин. Так, за 1990–2012 гг. занятость в швейной и текстильной подотраслях Республики Беларусь сократилась

более чем в 2 раза – с 226,0 до 100,3 тыс. человек. Это одна сторона негативного взаимодействия занятости в легкой промышленности и депопуляции.

Другая сторона негативного взаимодействия развития легкой промышленности и демографических процессов связана с громадным падением производства легкой промышленностью детского ассортимента. Так, по сравнению с 1990 г. производство детской одежды, детской обуви сократилось по некоторым позициям в 30 раз (платья для девочек), костюмов и сорочек для мальчиков – более чем в 10 раз, обуви – в 7 раз, трикотажных изделий – в 5 раз. Сегодня многие переходят на спортивный стиль одежды, но и здесь падение производства (спортивного трикотажа в 5 раз, спортивных курток в 13 раз) ничем не обосновано. Ни рождаемость, ни сама численность населения Беларуси в таких масштабах, как номенклатура товаров легкой промышленности, не сокращается.

Такое резкое сокращение производства отечественной промышленностью демографически ориентированного товара негативно сказывается на материальном положении семей, так как детский ассортимент стоит неимоверно дорого. При резком снижении объемов их производства для получения промышленностью своих доходов цены на эти товары стремительно растут. В результате на торговом рынке товаров детского ассортимента продается более дешевая, разнообразная и броская зарубежная продукция, а отечественная промышленность не развивается. Это сокращение демографически ориентированного детского ассортимента нельзя обосновать даже падением рождаемости.

В плане экстранальности немаловажным обстоятельством представляется связь демографических тенденций и экономических моделей. Экстранальный характер демографического развития нашего народа прежних столетий способствовал формированию и упрочению коллективистских отношений. Западный тип демовоспроизводства и его правовая система (в частности, принцип наследования – майорат) способствовали формированию индивидуалистических социокультурных ценностей. Этим в значительной мере обусловлено и различие в уровнях рождаемости многих европейских стран, с одной стороны, и славянских народов – русского, белорусского и украинского – с другой. Переход славянских народов постсоветского пространства к однополой семье противостоит исторически сформировавшимся коллективистским социокультурным ценностям и логически ведет к воспитанию индивидуалистов, тому, на чем развивались рыночные

ценности. Это значит, что современный («вестернизированный») демографический тип в экстранальном плане в какой-то степени будет соответствовать рыночным социокультурным ценностям. В результате современные демографические тенденции восточнославянского пространства влияют на формирование ментальных характеристик, а следовательно, и человеческого капитала, соответствующего рыночным отношениям, но подрывающим национальные ментальные ценности.

Современный рынок, который часто отождествляется с одним из важнейших направлений – предпринимательством, сегодня задействован в обеспечении занятости населения, тем более что численность занятых в промышленности Республики Беларусь за 1990–2012 гг. сократилась почти на 480 тыс. человек. И потому сфера предпринимательства характеризуется более высокой занятостью женщин. И здесь мы сталкиваемся с экстранальным фактором предпринимательства для демографического развития: женщины при выборе между детородной функцией и работой выбирают второе, ибо с позиций социальной защиты активное участие женщины в улучшении демографической ситуации лично для нее порождает ряд социальных рисков. Многие молодые матери, занятые в сфере частного предпринимательства, не всегда выдерживают сроки лечения своих детей, отправляя их в детсады и ясли больными, где из-за этих недолечившихся детей заболевают другие.

Это значит, что, исследуя те или иные социально-экономические проблемы, необходимо учитывать, как акцент внимания на одних проблемах откликнется на других. Среди ученых, занимающихся гендерной тематикой, акцент делается на проблемах женского труда. Но, уделяя внимание одной (и действительно важной для женщин) проблеме, – улучшению условий их труда, по сути, мы уходим от решения демографических проблем. Так, в серьезной работе «Труд женщин и семья» сделан вывод, что в результате «перераспределения домашнего труда между супругами активность отца-мужа в практическом уходе за *ребенком* (выделено нами. – А. З.) все более возрастает» [11]. Но если осмыслить этот вывод, то оказывается, во-первых, что труд женщин, помимо перераспределения домашних обязанностей между мужем и женой, ведет к однодетной семье (уход за *ребенком, а не за детьми*). Во-вторых, перераспределение семейных обязанностей в связи с активным вовлечением женщин в общественное производство оправдывает и возводит в «норму» эту малодетность. И потому позитивное решение гендерных проблем в сфере женской занятости негативно сказывается на демографическом развитии.

Еще раньше социологами была выявлена закономерность: более высокая рождаемость характерна для женщин, занятых тяжелым физическим трудом, по сравнению с женщинами, занятыми трудом, не требующим высоких физических нагрузок. Мы не ратуем за ухудшение условий труда женщин-работниц. Речь идет о том, чтобы меры в той или иной сфере не были разрозненными, а проводилась целостная политика, которая бы действительно, а не голословно ставила в центр всей социальной политики демографическое развитие. Проблема – в балансе экономического и социального развития, хотя в условиях нарастающих финансовых проблем выбор в этом балансе в пользу социального неимоверно труден. Но не может считаться эффективной политика, которая не учитывает последствий в других сферах, и особенно в демографической – главной проблеме развития нашего государства в XXI в.

Экстранальность в глобализации демографических процессов

Считается, что основное звено демографического развития страны – это рождаемость, что рост рождаемости должен превышать уровень смертности. И тема естественного движения населения стоит в центре социальной политики. И в Беларуси в направлении демовоспроизводства есть положительные сдвиги, которые отражают действенность демографических программ. С января по декабрь 2013 г. в Республике Беларусь родилось 118,5 тыс. детей, что на 2,6 тыс. (2,2%) больше, чем в 2012 г. Это самый высокий показатель за последние 20 лет. Но в динамике численности населения по итогам переписей наблюдается тенденция сокращения общей численности населения страны.

Национальная статистика уже в течение четверти века приводит успокаивающую тенденцию положительного сальдо миграции. Но как только проходит очередная перепись населения, миграционная картина постскрипум за межпереписные годы резко меняется. Известна динамика изменения численности населения Республики Беларусь. Так, по материалам последней советской переписи населения 1989 г. численность населения составила 10 151,8 тыс. человек. По результатам первой национальной переписи населения 1999 г. она сократилась до 10 045,2 тыс. человек. Правда, в промежутке между ними (на начало 1994 г.) численность населения Республики Беларусь достигла самой высокой за всю свою историю величины. Статистика сначала на этот период указывала численность населения в

10 367,5 тыс. человек, а потом скорректировала до 10 243,5 тыс. человек. По переписи 2009 г. численность населения Республики Беларусь зафиксирована в размере 9 503,8 тыс. человек. Это значит, что за период между тремя переписями населения сокращение численности составило 106,6 тыс. человек и 541,4 тыс. человек соответственно, т. е. за последний межпереписной период это сокращение было в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные годы.

Но если за 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла 76,3 и 23,7% соответственно, то за 1999–2008 гг. – 58,1 и 41,9%. За последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь выросло почти в пять раз по сравнению с предшествующим десятилетием, в том числе за счет естественной убыли – в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь – в 8,8 раза. Это свидетельствует о значительном влиянии и росте влияния на демографическое развитие Беларуси миграционных процессов, чего большинство аналитиков не замечает. Перепись населения выявила, что Беларусь имеет постоянную миграционную убыль населения, а не прирост. Хотя по отдельным этносам Республика Беларусь имеет небольшой прирост, а свой этнос теряет.

В Беларуси между переписями населения 1989–1999 гг. наибольший этнический прирост приходился на армян (более чем в 2 раза). Между переписями населения 1999–2009 гг. наибольший рост в численности населения Республики Беларусь пришелся на китайцев (в 21,9 раза), турок (осман) – в 13,4 раза, туркменов (в 2,9 раза), арабов (в 2,7 раза). Увеличилась численность вьетнамцев и других неславянских этносов. Хотя их величина не столь велика (в Беларуси по переписи населения численность китайцев составила 1 642 человека, арабов – 1 330, вьетнамцев – 588, турок – 469 человек), но тенденция – это тенденция. Последствия этого роста проявляются в преобладании на рынках, как часто принято говорить, «лиц кавказской и среднеазиатской национальностей», т. е. представителей неславянских общностей.

Хорошо это или плохо – судить не будем. Но заметим, что в последнее время во многих странах озабочены ростом этнической миграции и изменением этнической структуры. Пример такой изменившейся демографической ситуации – Косово. Эта ситуация реальна и для некоторых регионов России – Ставропольского и Краснодарского краев, где очень высок удельный вес (который к тому же постоянно растет) чеченцев и армян. Эту ситуацию в ментальных различиях да-

же одного этноса отражают и современные социально-политические процессы во многих регионах Украины. В Беларуси в связи с малым удельным весом неславянских этносов большой озабоченности нет. Но в качестве политической этнической особенности демографической ситуации служит ситуация на Гродненщине, где существенно высок (21,5%) удельный вес в населении коренных для области этнических поляков. Так, в Вороновском районе удельный вес поляков в этнической структуре составляет 80,8%, Щучинском – 46,4, Лидском – 35,3, Гродненском – 33,6 и г. Гродно – 19,7%. Хотя это наше коренное население, но тем не менее экстранальность в политической сфере налицо. Речь идет о деятельности союза поляков в Беларуси и отношении некоторых политических кругов Польши к изменениям в составе руководства белорусского союза поляков. И не хотелось бы, чтобы эту ситуацию некоторые политики использовали как предлог для роста миграции, что, к сожалению, имеет место.

Но наибольшую озабоченность сегодня для Беларуси в демографическом развитии вызывают последствия трудовой (сначала казавшейся временной) миграции, породившие в начале XXI в. значительное сокращение численности населения в Республике Беларусь. Для этого вида миграции характерны последствия двойственного характера. Трудовая миграция обеспечивает белорусскому населению источники средств существования, привлекает в экономику страны валюту. Такая миграция позволяет Беларуси считаться страной с самым низким в Европе уровнем безработицы. Но эта трудовая миграция имеет и негативные демографические последствия. Так, в восточных (Витебской, Могилевской и Гомельской) областях Беларуси, где наибольший уровень трудовой миграции в российском направлении, самый высокий уровень внебрачной рождаемости. В итоге трудовая миграция превращается в безвозвратную миграцию.

Это значительно увеличило и прямые демографические потери. Часть трудовых мигрантов (а это наиболее активная и в репродуктивном плане группа) вступает в незарегистрированный брак в России. Это чревато распадом семей в Беларуси, ограничением рождаемости и, как итог, наличием реальной потенциальной угрозы уменьшения численности населения Беларуси. Тем более что проводимая в России миграционная политика рассматривает русскоязычное население новых независимых постсоветских государств как важнейший демографический источник.

К сожалению, в Беларуси еще не осознаны влияние и возрастающая роль миграции на депопуляционные процессы страны. Не до

конца выясненными являются и причины такого состояния демографических процессов. Постоянная корректировка рядов динамики численности населения после очередных переписей не способствует получению истинной информации о демографических процессах. А откорректированные данные межпереписного периода пытаются использовать в качестве доказательств позитивной роли демографических программ. Разработчики Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2011–2015 гг. констатируют, что реализация предыдущей программы – Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на 2007–2010 гг. позволила замедлить темпы сокращения численности населения и обеспечить в 2010 г., положительное сальдо внешней миграции в 10,3 тыс. человек.

Всего в России трудовые мигранты из Беларуси составляют не менее полумиллиона человек (хотя есть и разночтения). Это позволяет белорусскому населению решать сложные проблемы на рынке труда, возникшие в самой Беларуси, а также зарабатывать валюту для страны.

В демографическом плане ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами на геополитическом уровне вызывает большую озабоченность. Она стала полем сражения за демографический потенциал. Россия в связи с демографической депопуляцией взяла курс на привлечение в страну этнически близкого к русскому этносу населения. И белорусы для России наиболее приемлемый миграционный потенциал. Из Беларуси выезжают более квалифицированные кадры, чем в нее въезжают, т. е. в борьбе на рынке труда за квалифицированный трудовой и активный репродуктивный потенциал Беларусь проигрывает. Уезжают в основном молодые, работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Прежде всего это высококвалифицированные кадры, которые ищут работу, соответствующую их уровню знаний.

Здесь национальные демографические интересы Беларуси и национальные интересы России не совпадают. В современном глобализированном мире очень многое, если не все, взаимосвязано. Особенно эта взаимосвязь и зависимость касается соседствующих государств. А для Беларуси это важно в отношении тех проблем, которые первостепенны для России, прежде всего в области демографии. Ибо то, что происходит в России, отражается и на процессах в Беларуси. Именно эта взаимосвязь отражена в декабрьском (2012) Послании Президента России В. В. Путина Федеральному собранию Россий-

ской Федерации. Характерно, что демографический аспект был главным в этом Послании В. Путина, заявившего недвусмысленно: «Уже сточается конкуренция за ресурсы. Причем хочу <...> подчеркнуть: не только за металлы, нефть и газ, а прежде всего за человеческие ресурсы, за интеллект». Еще раз обращаем внимание: во-первых, за человеческие ресурсы, во-вторых, за интеллект, а только потом – за металлы, нефть и газ.

Этим Россия предоставляет возможность снизить остроту с занятостью, обеспечить Беларуси самый низкий уровень безработицы на просторах бывшего СССР. Трудовая миграция обеспечивает приток иностранной валюты в Беларусь. Одновременно белорусские трудовые мигранты удовлетворяют потребность российского рынка труда.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусы в России экспаты – те, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданство. Пока им там лучше и больше зарабатывают. Тем более что по менталитету, социокультурным ценностям белорусы ничем существенно не отличаются от русских. Многие из них имеют два паспорта – гражданина Беларуси и гражданина России, что сказывается негативно на демографических процессах Беларуси. Это ставит перед Беларусью заботу о сохранении своего демографического потенциала первостепенной. Ибо, как показывает исторический опыт многих стран, в том числе и Беларуси начала XX в., примерно 60% трудовых мигрантов (а это наиболее активная часть населения и в репродуктивном плане) в итоге обживаются в принимающей стране.

Среди возвращающихся преобладают трудовые мигранты, результаты деятельности которых в принимающей стране были менее успешными. Подтверждение этому – судьбы выдающихся спортсменов Беларуси, именами которых наша страна гордится: Ольга Корбут, Виталий Щербо, Екатерина Карстен, Сергей Алейников, Виталий Кутузов, Виктория Азаренко и многие другие. Кто-то из них обустроил свою личную жизнь в другой стране, а те, которые еще считаются гражданами Беларуси, держат свои доходы на банковских счетах за рубежом. Можно напомнить о ситуации, когда Минфин развернул «атаку», завершившуюся безрезультатно, на семейство теннисистов Мирных и Владимира Волчкова, требуя платить в белорусскую казну налоги с их доходов на Западе. И валютные поступления идут от рядовых трудовых мигрантов, они хоть наличными, но привозят в страну валюту, а вот от работающих за рубежом высокооплачиваемых

граждан Беларуси финансовый бюджет почти не пополняется. А в ряде случаев за их участие в тех или иных соревнованиях белорусский бюджет еще несет и расходы.

Проблема белорусской миграции на рынке труда в России в самой Беларуси стоит остро. Так как много белорусов работает в сфере строительства в России, на самом высоком уровне в Беларуси исходят из того, что, если белорусам выгодно трудиться в России – пусть трудятся. Но при этом предлагается, чтобы их семьи по другим, более высоким шкалам платили коммунальные услуги. Услуги здравоохранения, учеба и другое для их родственников должны быть только платные. Именно в отношении этой группы населения получается противоречивая картина: они считаются не безработными, а неработающими. И финансовые органы сегодня заняты поисками возможностей собирать налог с этой группы населения. И забота о сохранении демографического потенциала Беларуси вступает в противоречие с финансовыми интересами. К сожалению, сиюминутные финансовые интересы перевешивают стратегические демографические.

В противовес этой ограничительной и, по сути дела, запретительной стратегии в России в 2011 г. принят закон о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей. Этим законом предусмотрена иная стратегия – со значительными преференциями для мигрантов и членов их семей из стран – членов Таможенного союза, ориентированная прежде всего на славянское население из Беларуси. Россия в белорусских трудовых мигрантах видит возможность их перевода из трудовых мигрантов в постоянных жителей, граждан России, именно в этом Президент России видит результат конкуренции за человеческие ресурсы, за интеллект: «Россия нуждается в притоке новых сил <...> Нуждается в умных, образованных, трудолюбивых людях, которые не просто хотят здесь подработать и уехать, а хотят переехать, обосноваться в России и считают Россию своей родиной».

Демография в отражении белорусской экономики знаний

Так совпало, что после этого заявления В. В. Путина на следующий день в белорусской и российской прессе был опубликован браурный материал, характеризующий эффективность деятельности Союза России и Беларуси на примере смоленских вузов [12]. На наш взгляд, он показывает эффективность России в борьбе за человеческие ресурсы, за интеллект и наши негативные демографические по-

следствия в сфере подготовки кадров экономики знаний. В Смоленской государственной академии физической культуры учится 324 белорусских студента из Витебской и Могилевской областей, 90% из которых учатся на бюджетной основе. В Смоленском государственном университете (СГУ) учится 225 белорусских студентов по специальностям «Экономика», «Управление», «Психология», «Юриспруденция». Причем большинство из них в России обучаются за счет российского бюджета, естественно, получая при этом и стипендию.

Ограничения последних лет для абитуриентов, объясняемые необходимостью борьбы за качество подготовки специалистов (что само по себе важно), привели к сокращению контингента студентов. Конечно, в значительной части это и следствие того падения рождаемости, которое пришлось на конец 1990-х гг. И это падение уже вызвало новые проблемы для высшей школы: прежде всего это проблемы комплектования контингента студентов, а также будущего в Беларуси для профессорско-преподавательского состава. Особенно это сказалось на сокращении численности педагогов, детских врачей, занятости в детских дошкольных учреждениях, школах, вузах, что характеризует экстранальность демографических процессов. Эти причины в течение нынешнего десятилетия еще больше обостряют проблемы комплектования контингента студентов.

Подобная проблема в нашей истории (в начале 1960-х гг.) уже имела место, но тогда, чтобы не сократить занятость в средней школе, государство срочно перешло с 10-летнего среднего образования на 11-летнее. Для обеспечения экстенсивно развивающейся экономики и комплектования вооруженных сил были изменены и правила поступления в вузы. Когда же к выпуску подошли школьники 1948–1949 гг. рождения, школа опять вернулась к 10-летнему среднему образованию, а в высшей школе были отменены ограничения по поступлению в вузы.

Не нашлось ничего лучшего, как увеличить учебную нагрузку как в средней, так в средне специальной и высшей школе и повысить требования к поступлению в вузы, т. е., по сути дела, ограничить прием в вузы, создав почву для роста миграции профессорско-преподавательского состава. Эти миграционные последствия породила и политика оптимизации занятости. Не буду затрагивать действительно насущные проблемы системы образования, ряд которых отражен в наилучшей и честной за последние годы публикации в журнале «Социология» [13], а вернусь к демографическим последствиям особенностей белорусской модели подготовки кадров для экономики

знаний, влияющей на еще больший рост миграции молодежи, а значит, и рост демографических потерь Беларуси. Уже приводимая публикация в отношении величины студентов из Беларуси в смоленских вузах свидетельствует об этом. Причем в той же публикации ректор СГУ отмечает, во-первых, более высокий уровень подготовки белорусов, которые у нас из-за недобора нижних пороговых значений тестового балла оказались за порогами белорусских вузов, но поступили в российские. Во-вторых, он информирует о наших демографических потерях: самые успевающие студенты там поступают в аспирантуру и магистратуру, продолжают работать в СГУ уже преподавателями. А большинство других остаются трудиться в российской экономике, по экономическим, управленческим, психологическим и юридическим специальностям, по которым набор в Беларуси сокращается.

Мы не имеем точных данных, сколько же «пролетевших» возможных абитуриентов по ограничительным мерам выбрали другие страны для получения высшего образования. Но многие факты личных наблюдений, а также появление массы объявлений из России, Украины, Литвы, Латвии, указывают, что достаточно. Эти данные всплывут нескоро – после очередной переписи, когда мы будем сравнивать динамику изменения возрастной структуры. И когда уже будет трудно что-то изменить.

Президентом Республики Беларусь на последнем совещании по проблемам вступительных экзаменов был заострен вопрос о более разумном подходе к уровню проходного балла при наборе студентов по отдельным специальностям. Это верный подход, но на него кроме всего прочего, на наш взгляд, нужно смотреть и с позиций демографических. В советские времена, а также в первые годы развития национальной системы образования, когда существовали большие конкурсы, половая структура белорусского студенчества в пропорции женщин и мужчин была 65 и 35% соответственно. Когда планки баллов по централизованному тестированию (ЦТ) стали минимальными, за 2007–2012 гг. это соотношение выросло, став 59–60 и 41–40%. Хотя и это диспропорция, но разрыв несколько сократился. Вступительная кампания 2013/14 учебного года дала это соотношение уже 62 и 38% соответственно. Это означает, что не каждой женщине с высшим образованием находится муж с соответствующим уровнем образования. В результате в почти трети семей существуют проблемы совместимости ценностных ориентаций, жизненных интересов и жизненного поведения, что не только грозит, но и является причиной многих разводов.

Поэтому в демографических интересах и прежде всего в интересах женщин должен быть и разумный демографический подход при определении минимальных баллов по ЦТ для поступления в вузы. Дело в том, что в среднем оценки за среднюю школу и баллы по ЦТ у девушек выше, чем у ребят, что отражает особенности биологического развития девочек (девушек, женщин) и мальчиков (юношей, мужчин). Прежде всего это проявляется в более высокой смертности среди мальчиков, чем у девочек. И физиологическое, умственное развитие девочек и девушек в младших возрастах в среднем опережает развитие мальчиков и юношей. Позже развитие парней идет более быстрыми темпами, и после 24 лет по общим параметрам их уровень сближается, а затем и опережает. Но эти особенности Министерством образования при разработке правил поступлений в учреждения высшего образования не учитываются, происходит экстранальное обострение демографических проблем.

Многие вузы Беларуси, России и Украины, решая проблемы комплектования контингента студентов, ориентируются на увеличение учебной миграции, т. е. на привлечение иностранных студентов из стран постсоветского пространства. С позиций предшествующего демографического развития такая ориентация позволяет учреждениям высшего образования временно выжить. Но она порождает и проблемы. Многие такие студенты (в 1960–70-е гг. это уже было, когда в Беларуси училось много кубинских студентов) вступают в сексуальную связь с белорусскими студентками, появляются дети. В лучшем случае они выходят замуж. Но в демографическом плане такие межнациональные браки (или внебрачная рождаемость от них) ведут к изменениям в национальной структуре Беларуси, демонстрируя новое качество демографических процессов. Но при этом преимущественно в сексуальные (а в лучшем случае и брачные) отношения вступают мужчины из учебных мигрантов и женщины титульных или славянских наций. И редко (а в вузах Беларуси таких фактов не выявлено), когда в эти отношения вступают женщины из учебных мигрантов и мужчины – представители титульных или славянских этносов. И такая односторонность во многих случаях порождает конфликтные ситуации. И не учитывать такие процессы «политически опрометчиво и недальновидно» [14]. Наверное поэтому отечественным учреждениям высшего образования Министерство образования Республики Беларусь на майском совете ректоров 2013 г. рекомендовало не допускать превышения 10%-ного приема иностранных студентов.

В свое время М. В. Довнар-Запольский зафиксировал на рубеже XIX–XX вв. утечку мозгов белорусского этноса. Эту утечку он объяснял преобладанием в этнической структуре городского населения восточных губерний Беларуси евреев, а в западных – поляков и немцев, что является отражением действия интрональных и экстранальных факторов. Именно этим, по его мнению, объясняется отток высокообразованных этнических белорусов, которым преобладающие в экономической сфере этносы в городах Беларуси ограничивали возможность реализовать свой творческий потенциал на родине [15, с. 126–137]. Неудивительно, что на рубеже XIX–XX вв. вплоть до 1917 г. в городах белорусских губерний этнических белорусов проживало меньше, чем в Петрограде, Москве и Одессе.

Индивидуальное демографическое поведение в отражении микросоциологического и макросоциологического подходов

Концепция интрональности и экстранальности демографических процессов показывает их сложность и одновременно сложность решения демографической проблемы. Почти невозможно, даже используя модифицированные модели балансовых расчетов лауреата Нобелевской премии по экономике 1973 г. В. В. Леонтьева («затраты – выпуск») или более полных моделей другого лауреата Нобелевской премии по экономике 1974 г. Г. Мюрдаля, просчитать последствия изменения той или иной модели демографического развития. И то, что демографы рассчитывают не один, а несколько вариантов демографического прогноза, в частности, в Беларуси Л. П. Шахотко представлено шесть различных сценариев демографического развития Беларуси [16], также свидетельствует о роли экстранальности и интрональности демографических процессов. Дело в том, что при первом рассмотрении можно выявить только некоторые их ближайшие последствия, а отдаленные тем более не всегда просчитываются.

Таким образом, анализ экстранальности и интрональности современных демографических процессов выявляет:

- значительные сложности и неоднозначность современных демографических процессов, изменений в семейных отношениях и ценностях;

- необходимость поиска в изменившихся условиях новых путей проведения активной демографической политики на всех уровнях.

Анализ социальных явлений и процессов требует учета их сложной взаимосвязи. Эта взаимосвязь отражает один из основных принципов познания – принцип единства, диалектической взаимосвязи

явлений, процессов, социальных систем. Эта взаимосвязь (взаимодействие) внутренне присуща социальной действительности. Естественно, наука отражает эту их многомерную взаимосвязь. Этот принцип проявляется в том, что демографическое развитие тесно связано с социально-экономическими, политическими, культурными, экологическими явлениями. С позиций демографического развития это их органическое единство, диалектика, взаимосвязь проявляются не только в национальных рамках, но и в глобальном масштабе, не только в самих демографических процессах, но и вне их. И в результате это их органическое единство, взаимосвязь представляют собой диалектику экстранальности и интрональности.

В научном плане анализ процессов демографического развития исходит из необходимости постоянного расширения поля исследования, взаимосвязи демографических явлений и процессов с другими социальными явлениями и последствиями – фактора глобализации социально-экономических процессов, этноконфессиональных особенностей, гендерных отношений, взаимосвязи региональных и национальных демографических проблем в деле обеспечения национальной безопасности, экономического роста, устойчивого развития общества.

А это означает, что невозможно отделить демографические от других социальных процессов: влияния рождаемости, смертности, миграции на другие стороны демографии, а также влияния рождаемости, смертности, миграции на другие социальные процессы и взаимосвязи, как и влияния этих других социальных процессов на демографические ориентации, в частности на брачность, рождаемость, смертность, миграцию. И интерпретация демографических процессов концепцией диалектики экстранальности и интрональности требует согласованности экономических, политических и социальных теоретических положений, тесно связанных с современной демографической реальностью.

Обращение социологии к демографическим аспектам развития общества способствует повышению престижа самой социологии, теоретически обогащает ее. Концепция «чистой» демографии или «чистой» социологии в современной науке бесперспективна.

Индивидуальное демографическое поведение – явление не столько микросоциологическое, сколько макросоциологическое. В макросоциологическом плане его следует рассматривать как ответственность личности за существование своей нации, своего народа, своей страны. И если личность осуществляет демографическое поведение,

направленное на безграничное расширение этой ответственности, отвечающее интересам своей страны, то страна реализацию этой ответственности должна поощрять.

Законы и теоремы науки должны быть сформулированы в понятиях, верифицируемых фактами. И взаимодействие внутренних и внешних процессов в демографическом развитии, основывающихся на этих фактах, позволяет сформулировать теорему демографической экстранальности: характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами. И их роль и значение в силу тенденций взаимосвязи социальных процессов в демографическом развитии неуклонно возрастает. В целом этот подход похож на научное открытие в физике, за которое в 2011 г. была присуждена Нобелевская премия. Это открытие выявило, что роль известных частиц (эту часть мы бы назвали интрональной) в развитии Вселенной очень незначительна. Большая роль принадлежит темной материи и особенно темной энергии, которые в физическом открытии представляют экстранальный фактор развития Вселенной.

Демографическая политика становится в центр пересечения интересов личности и общества, глобальных и повседневно-бытовых процессов, национальных забот и интересов других государств, экономики и семьи, социальной и биологической природы человека, истории и современности, проблем и перспектив развития, менталитета и псевдо прав человека, финансовых трудностей и романтики отношений, отношений мужчин и женщин, возможностей и обязанностей, счастья, физических мук и терзаний... И маленькая точка в этом пересечении – семья, основа демографического развития, на которую направлены как созидательные, так и разрушительные силы. Семья в системе человечества, как наша планета в масштабах Вселенной, – маленькая точка. И она также подвержена влиянию разнообразных сил.

Каковы в этой связи могут быть направления демографической политики? Известный канадский ученый украинского происхождения, бывший президент Демографической ассоциации Канады А. И. Романюк предложил пока сложно воспринимающийся рецепт, но к нему рано или поздно странам с тенденцией устоявшейся депопуляции придется обратиться. В условиях разрыва связи между браком, сексуальностью и деторождением, а также между экономикой и семьей он считает необходимым «превращение материнства в притягательную для женщин профессию. Функции матери должны быть одновремен-

но весьма уважаемыми и щедро вознаграждаемыми. Ее статус должен быть таким же важным, как статус, к примеру, профессора, мэра или летчика, и включать соответствующую заработную плату». И он считает, что «самая большая трудность, связанная с проектом материнства, лежит не в области финансирования, а в сфере ценностных ориентаций» [17, с. 77]. Это должно быть в условиях депопуляции стратегией демографической политики.

Сложившийся депопуляционный инерционный тип демовоспроизводства можно оценивать трагически. И с геополитических позиций здесь много негативных проблем. Но если такое уж и произошло, то стоило бы во внутренней политике его использовать, ведь это дает огромный шанс решить проблемы, на которые при экстенсивном развитии у нас не было возможностей. С позиций социокультурного и инновационного развития человеческого потенциала можно перенести акцент с количественных на качественные стороны развития демографического потенциала:

- повысить образовательный уровень населения, соответствующий требованиям экономики знаний;

- продлить активную (и прежде всего трудовую) жизнь людей;

- привести характер и содержание труда в соответствие с требованиями перспектив экономики знаний;

- более активно проводить социальную политику (качественное развитие системы образования, более высокий уровень социальной защиты населения, качественное развитие сети здравоохранения, культурного и бытового обслуживания населения и др.);

- перенос пронаталистской демографической политики с нынешних мер кратковременного характера с их ориентацией на долгосрочный период.

Исторический опыт свидетельствует, что наиболее позитивные результаты приносит политика, рассчитанная на длительную перспективу. Так, уже у спартанцев существовал закон об освобождении отца троих сыновей от военной службы, а отца четверых сыновей – от всех повинностей. Освобождались навечно от налогов многодетные семьи в Испании, когда эта страна столкнулась с массовой миграцией населения в Новый Свет. Были в определенные периоды подобные меры и в демографической истории Англии и Франции.

В ходе многолетних социолого-демографических исследований шел поиск подходов активизации демографической политики населения на длительную перспективу. Исследования последних лет позволяют высказать гипотезу о зависимости репродуктивного поведе-

ния населения от пенсионной политики, что может лечь в основу улучшения перспективной демографической ситуации.

Актуальным направлением демографической политики является ее связь с пенсионной системой, активная роль в новых социально-экономических условиях. Речь идет о репродуктивной активности женского населения. Необходимо обеспечение если не расширенного, то хотя бы простого демовоспроизводства. В этом плане было бы правильным учитывать в пенсионном обеспечении женщин их репродуктивную активность, т. е. зависимость величины пенсии от количества родивших и воспитанных ими детей.

Эта политика поддерживается большинством тех, кто пока еще может обеспечить рост демовоспроизводства. Так, респондентам (женщинам от 20 до 35 лет) в исследованиях 2012–2013 гг. была задана серия вопросов об их отношении к ряду мер на повышение в стране рождаемости. Среди этих направлений совершенствования демографической политики наибольшую поддержку респондентов получило предложение о назначении большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа родивших и воспитавших детей. Удельный вес респондентов, поддержавших такую политику, в 2012 г. составил 58,9% и в 2013 г. – 61,4%. Это означает, что если около двух третей женщин активного репродуктивного возраста получают возможность получать хорошую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы приблизиться к уровню простого замещения поколений (2,14–2,15).

Таким образом, концепция экстранальности и интрональности демографических процессов свидетельствует о многообразных проявлениях их взаимосвязи и взаимодействия. Одни из них явно видимые, а другие видимы при более глубоком анализе последствий и причин демографических изменений. В интрональном плане они отражают и повторяют прежние тенденции. В экстранальном плане они сказываются на других процессах через ряд опосредованных явлений, испытывая и воздействие других факторов. При этом характер современного демографического развития в большей степени детерминирован явлениями, напрямую не связанными с демографическими процессами. А это означает, что и демографическая политика, если это действительно политика, должна исходить не из одномерности социальных явлений, а из их многомерности.

Глава 6. ЭКСПЕРТИЗА СОВРЕМЕННОЙ РЕПРОДУКТИВНОЙ СИТУАЦИИ В БЕЛАРУСИ⁶

Неожиданные демографические результаты Беларуси

В августе текущего года Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко высказал озабоченность сложившейся демографической ситуацией. Он подчеркнул, что в этом вопросе государство должно действовать на опережение, прогнозировать будущие процессы и вовремя на них реагировать. «Создание условий для стимулирования рождаемости, обеспечение работой, рост их благосостояния, – указал Президент, – это основные правительственные задачи» [1]. Для того чтобы социальная политика в условиях последствий демографического спада 1990–2006 гг., исходя из сформировавшейся возрастной структуры демографического потенциала, способствовала решению цели, поставленной Президентом, необходимы соответствующие исследования. Решению данной задачи и посвящена наша публикация. Она содержит предложения по корректировке социальной политики, ориентированной на нейтрализацию негативных последствий в демографическом развитии страны.

В первом квартале 2017 г. в Беларуси в сравнении с соответствующим периодом 2016 г. резко сократилась рождаемость, повторив печальные рекорды в демографической истории страны. Второй квартал не изменил сложившейся негативной ситуации. За всю историю государства самый низкий уровень рождаемости пришелся на 1997 и 2002 гг., когда общий коэффициент данного показателя опустился до 9,2%. После этого ситуация в демографическом развитии Беларуси стала постепенно улучшаться. В 2007 г. общая численность родившихся в стране вышла на сотысячный рубеж, а общий коэффициент рождаемости превысил десятипроцентный показатель, составив 10,7%. За девять месяцев 2016 г. количество родившихся оказалось, во-первых, больше, чем за девять месяцев предыдущего 2015 г., и, во-вторых, на 518 человек больше, чем умерло. В средствах массовой информации стали говорить о том, что Беларусь впервые с 1992 г. вышла на «светлую сторону демографии», что наконец удалось сжать «демографические ножницы» (Республика. 2017. 28 кастр. ; СБ. Беларусь сегодня. 2017. 28 окт.). Но в целом по

---

⁶ Злотников А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2017. № 3. С. 59–68.

итогах 2016 г. рождаемость оказалась примерно на тысячу человек меньше, чем в 2015 г., и «демографические ножницы» опять раздвинулись. В первом полугодии 2017 г. общий коэффициент рождаемости в стране после тенденции роста вдруг резко снизился (таблица 1), составив 10,7‰, т. е. стал таким, каким был в 2007 г. Для сравнения отметим, что общий коэффициент рождаемости в первом полугодии 2016 г. составлял 12,3‰, что означает резкое снижение показателя рождаемости в текущем году на 1,6 промилльного пункта.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика поквартальной рождаемости в Республике Беларусь за период с 2010 по 2017 г., детей

Год	Всего за год	В том числе за полугодие	Из них по кварталам	
			I квартал	II квартал
2010	108 050	52 901		
2011	109 147	50 801	25 816	24 985
2012	115 893	54 155	27 027	27 128
2013	117 997	56 184	28 051	28 133
2014	118 534	57 284	27 690	29 594
2015	119 028	56 548	27 812	28 736
2016	117 779	58 266	29 052	29 214
2017		50 556	25 176	25 380

Примечание – Таблица составлена на основе материалов статистических бюллетеней «Данные о численности зарегистрированных родившихся, умерших, браков и разводов по Республике Беларусь (январь – июнь) 2010–2017 гг.».

Такое резкое снижение рождаемости случалось уже дважды – в далеких 1953 и 1964 гг. С 1964 г. начался длительный период постоянного снижения рождаемости, когда на демографическое развитие Беларуси стали оказывать влияние последствия низкой рождаемости периода Великой Отечественной войны. Тогда резкое снижение рождаемости за один год составило 1,6 промилльного пункта – с 20,6‰ в 1963 г. до 19,0‰ в 1964 г. Первая половина 1960-х гг. – это период самого значительного снижения рождаемости: показатель среднегодового снижения общего коэффициента рождаемости составлял 1,3 промилльного пункта.

В этой динамике следует выделить 1953 г., когда коэффициент рождаемости по сравнению с 1952 г. снизился на 1,8 промилльного пункта. Причины этого не раскрыты даже в первой фундаментальной

работе на данную тему «Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы)» Л. П. Шахотько. В качестве объяснения демографы указывают тенденции предшествующего развития, причем не только демографического, но и социального, политического и экономического. При этом нужно учитывать то, что рождаемость определенного времени связана с демографическими процессами примерно 20-летней давности, т. е. в данном случае – начала 1930-х гг.

В начале 1930-х гг. территории, вошедшие в состав нынешней Беларуси, принадлежали двум государствам: западные регионы – Польше, восточные – СССР. Мы предполагаем, что, вероятно, на демографические процессы восточных регионов Беларуси могли оказать влияние последствия коллективизации и индустриализации начала 1930-х гг., сопровождавшиеся и повышенной миграцией населения из сельской местности в город. Бытовая неустроенность мигрантов не способствовала репродуктивному всплеску. Демографическое развитие бывших западных регионов Беларуси начала 1950-х гг. отразили результаты еще более масштабных миграционных процессов первых лет послевоенного переустройства – репатриации населения между Польшей и БССР. Кроме того, послевоенное восстановление промышленности и масштабное строительство, прежде всего в Минске, сопровождались бытовым неустройством мигрантов, что негативно отразилось на рождаемости.

Снижение общего уровня рождаемости, начавшееся в начале 1960-х гг., продолжалось до конца 1970-х гг. Но дальнейшее снижение шло уже не такими большими темпами: в 1974–1979 гг. уровень рождаемости находился в пределах 15,8‰. С 1980 г. намечился небольшой рост рождаемости, что определялось вступлением в репродуктивный возраст населения, родившегося в послевоенные 1950-е гг., когда БССР имела самый высокий уровень рождаемости. И по законам демографических «волн» это нашло отражение в рождаемости начала 1980-х гг. Согласно этой закономерности на рубеже конца XX – начала XXI в., во-первых, ожидалось уменьшение уровня рождаемости, во-вторых, предполагался и рост уровня смертности, в-третьих, прогнозировалось отрицательное сальдо естественного движения населения. Но непрогнозируемые коренные перемены в политических, социальных и экономических процессах конца 1980-х – начала 1990-х гг. ускорили падение Беларуси в период демографической депопуляции. Причем темпы снижения рождаемости в среднем за 1989–1993 гг. превысили одинпромилльный уровень, составив 1,12 промилльного пункта (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели рождаемости в Белорусской ССР и Республике Беларусь за 1945–2016 гг., тыс./‰

Год	Родилось	‰	Год	Родилось	‰	Год	Родилось	‰
1945	126,6	19,8	1969	142,7	15,9	1993	117,4	11,5
1946	157,4	22,9	1970	146,7	16,2	1994	110,6	10,8
1947	186,0	25,6	1971	149,1	16,4	1995	101,1	9,9
1948	185,3	24,8	1972	147,8	16,1	1996	95,7	9,4
1949	212,4	27,8	1973	144,7	15,7	1997	89,6	8,9
1950	197,2	25,5	1974	146,9	15,8	1998	92,6	9,2
1951	198,3	25,5	1975	146,6	15,6	1999	93,0	9,3
1952	191,1	24,7	1976	147,9	15,7	2000	93,7	9,4
1953	176,2	22,9	1977	149,0	15,7	2001	91,7	9,2
1954	193,0	25,0	1978	151,1	15,9	2002	88,7	9,0
1955	194,3	24,9	1979	151,8	15,8	2003	88,5	9,0
1956	199,5	25,3	1980	154,4	16,0	2004	88,9	9,1
1957	200,8	25,3	1981	158,0	16,2	2005	90,5	9,4
1958	207,7	25,9	1982	159,4	16,3	2006	96,7	10,1
1959	204,6	25,3	1983	173,5	17,6	2007	103,6	10,8
1960	200,2	24,5	1984	168,7	17,0	2008	107,9	11,3
1961	194,2	23,5	1985	165,0	16,5	2009	109,3	11,5
1962	185,3	22,2	1986	171,6	17,1	2010	108,1	11,4
1963	173,9	20,6	1987	162,9	16,1	2011	109,1	11,5
1964	161,8	19,0	1988	163,2	16,1	2012	115,9	12,2
1965	153,9	17,9	1989	153,4	15,1	2013	118,0	12,5
1966	153,4	17,7	1990	142,2	14,0	2014	118,5	12,5
1967	147,5	16,8	1991	132,0	13,0	2015	119,0	12,5
1968	146,1	16,5	1992	128,0	12,5	2016	117,8	12,4

Если до конца 1980-х гг. действовали факторы, сложившиеся в самих репродуктивных процессах (называемых интрональными), то с начала 1990-х гг. в течение почти полутора десятилетий на репродуктивное поведение населения стали влиять факторы, связанные с раз-

витием других социальных процессов (экстранальные), происходящие в разнообразных сферах.

Ранее на основе анализа интрональных демографических процессов нами отмечалось, что «падение рождаемости, низкий уровень которой в Беларуси пришелся на 1997–2002 гг., в 2020–2030-е гг. вызовет новое падение рождаемости, новую «демографическую яму» [2, с. 74]. Но это падение не должно было быть таким резким. Самый низкий уровень рождаемости исходя из тенденций интрональности должен был наблюдаться в 2020-х – начале 2030-х гг. Для активизации социальной политики в сфере репродуктивных процессов необходимо выяснить изменения в тенденциях возрастной рождаемости. Прежде всего наблюдается снижение уровня рождаемости среди женщин в возрасте до 25 лет. При этом необходимо иметь в виду, что на эту возрастную группу приходится, как правило, рождение первого ребенка. Первый ребенок независимо от социальной политики появляется в большинстве семей. Основой современного демовоспроизводительного потенциала Беларуси являются женщины в возрасте 25–34 лет, на которых приходится наибольшая доля рождений второго и последующих детей. На эту возрастную группу за период 2010–2016 гг. приходится более 60% рождений. Также растет рождаемость в возрастных группах старше 35 лет. Но на общую рождаемость последняя возрастная группа женщин мало оказывает влияния. Так, доля рождаемости в Беларуси в возрастной группе до 20 лет по сравнению с 2000 г. снизилась почти в 4 раза – с 11,5% в 2000 г. до 3,0% в 2016 г. Почти в 2 раза снизился удельный вес рождаемости в возрастной группе 20–24 лет – с 41,5% в 2000 г. до 20,9% в 2016 г. Растет доля родившихся у матерей в возрасте 25–29 лет (с 27,9% в 2000 г. до 36,1% в 2016 г.) и 30–34 лет (с 13,1% в 2000 г. до 27,1% в 2016 г.), которые и составляют основную численность родившихся – более 60% (таблица 3).

Таблица 3 – Структура возрастной рождаемости по Республике Беларусь за 2000–2016 гг.

Возраст роженец	2000		2010		2015		2016	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
До 20 лет	10 751	11,5	6 080	5,6	4 061	3,4	3 561	3,0
20–24 года	38 867	41,5	33 616	31,1	26 629	22,4	24 562	20,9
25–29 лет	26 179	27,9	37 815	35,0	43 301	36,4	42 419	36,1

Окончание таблицы 3

Возраст роженец	2000		2010		2015		2016	
	Всего	%	Всего	%	Всего	%	Всего	%
30–34 года	12 279	13,1	21 292	19,7	30 669	25,8	31 927	27,1
35–39 лет	4 663	5,0	7 876	7,3	12 211	10,2	13 000	11,0
40 лет и более	952	1,0	1 371	1,3	2 157	1,8	2 285	1,9
Всего	93 691	100,0	108 050	100,0	119 028	100,0	117 779	100,0

В 2016 г. снижение величины основного демографического потенциала Беларуси (количества женщин в возрасте 25–34 лет), на которую приходится почти две трети рождаемости по сравнению с 2015 г., составило 0,4%. Однако численность родившихся по сравнению с 2015 г. снизилась на 1,0%. Если учитывать только величину основного демографического потенциала, снижение которой в 2017 г. по прогнозам составит 1,3%, а падение рождаемости за первое полугодие уже составило 13,23%, то очевидно, что объяснять это снижение только демографической структурой не совсем правомерно. Хотя уже в ближайшей перспективе структура демографического потенциала, несомненно, станет весомым фактором снижения рождаемости. И нейтрализация последствий предыдущего демографического спада должна быть в центре не только демографической, но и в целом социальной политики.

Исходя из предполагаемого демографического потенциала (таблица 4) можно говорить о том, что начало таких масштабов снижения рождаемости без влияния других факторов (экстранального характера) должно произойти в 2020 г. Еще более резкое снижение этого показателя – на две трети от уровня 2015 г. – должно охватить 2025–2030 гг. Но снижение рождаемости, которое ожидалось к 2020 г., наступило раньше, хотя численность репродуктивного потенциала (женщины в возрасте 20–34 лет), как видно из приведенных данных, не давало оснований для нынешнего резкого снижения уровня рождаемости. Если исходить только из демографических интрональных факторов, то современную ситуацию в репродуктивной сфере можно назвать неожиданной.

Таблица 4 – Демографический потенциал рождаемости по Республике Беларусь, женщины

Год	Моложе 20 лет	20–24 лет	25–29 лет	30–34 лет	35–39 лет	40–44 лет
2015	224 159	298 027	375 179	371 955	341 943	338 118
2016	264 603	279 182	365 582	378 226	344 813	337 223
2017	220 080	258 692	353 862	383 330	349 029	336 462
2020	215 523	224 159	298 027	375 179	371 955	341 943
2025	248 524	215 523	224 159	298 027	375 179	371 955
2030	280 878	248 524	215 523	224 159	298 027	375 179
2035	250 000	280 878	248 524	215 523	224 159	298 027

Post hoc ergo propter hoc?

На наш взгляд, резкое падение рождаемости в последнем квартале 2016 г. и первом полугодии 2017 г. стало результатом той финансовой политики, которая легла в основу реформирования пенсионной системы и была отражена в разрекламированной в СМИ работе «Финансовая диета: реформы государственных финансов Беларуси» [3].

С 1 января 2016 г. в пенсионное законодательство Республики Беларусь «в целях адаптации социального обеспечения к изменяющимся социально-экономическим условиям» были внесены существенные корректировки: при назначении трудовой пенсии стал учитываться не трудовой, а страховой стаж «при наличии стажа работы с уплатой обязательных страховых взносов в бюджет государственного внебюджетного фонда социальной защиты населения Республики Беларусь». На основании этой методологии при назначении трудовой пенсии был отменен учет декретного отпуска. Это касается также отмены при назначении пенсии учета в трудовом стаже и времени нахождения на больничном.

Стало под вопросом для будущей пенсии и право женщин иметь дополнительный однодневный неоплачиваемый отпуск по уходу за детьми. Был исключен из трудового стажа период обучения в высшей школе, а также период срочной службы в вооруженных силах. Возникла и проблема для военнослужащих и работников силовых структур, не выслуживших полного срока, дающего права на пенсию. И здесь главными стали финансовые интересы: за этот период от указанных категорий граждан не поступают страховые взносы в Фонд

социальной защиты населения. Правда, проблема пенсии для военнослужащих и работников правоохранительных органов (за исключением срочной службы в вооруженных силах) была снята отдельным решением, а позже и Указом Президента Республики Беларусь.

Отметим, что при этом был резко повышен и показатель страхового стажа, который в связи с изменениями пенсионного законодательства теперь учитывается при определении права на получение трудовой пенсии: до 2014 г. он составлял 5 лет, с 1 января 2014 г. – 10, через год – 15, а с начала 2017 г. он уже составляет 16 лет. В перспективе эта планка ежегодно будет увеличиваться на полгода – до 20 лет к 2025 г.

Негативных последствий этой финансовой политики для демографического развития инициаторы такой финансовой политики не предвидели. К сожалению, экспертиза таких новаций разработчиками «финансовой диеты», а также и теми, кто принимал их к реализации, не проводилась. А одной из важнейших функций инициатора этой финансовой реформы должно было быть социальное прогнозирование всего комплекса последствий. Но преобладающим стало лоббирование узковедомственного подхода, что негативно сказалось на многих сторонах социальной жизни. И наиболее выражены их негативные последствия в репродуктивной сфере.

В своих публикациях мы прогнозировали, что по законам экстраординальности социальных явлений и процессов такая политика в финансовой сфере негативно повлияет на демографическую ситуацию. Одна из таких статей, написанная по горячим следам изменений в пенсионном законодательстве, была так и озаглавлена «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси». Цитируем написанное еще в апреле 2016 г.: «Механизм «финансовой диеты» направлен против рождаемости, формируя free children. Именно сегодня, когда возникла напряженность с репродуктивной базой, это будет усугублять депопуляционные процессы. Надо иметь в виду, что именно депопуляционные процессы 1990-х гг., связанные с экономической политикой «шоковой терапии» и резким падением рождаемости, породили сегодняшние проблемы соотношения трудоспособного населения и населения старших возрастов. Реализация же финансового механизма депопуляционных процессов не даст выбраться из демографической ямы, ибо в середине 2020-х гг. репродуктивный потенциал будет на треть меньшим» [4, с. 437].

Данный раздел статьи озаглавлен известной логической формулой причинно-следственной связи *Post hoc ergo propter hoc?* («После это-

го, значит по причине этого?)), т. е. поднимает вопрос и в отношении нынешней демографической ситуации. В ходе социологического опроса, проведенного нами в сентябре 2016 г. в рамках демографического мониторинга, на вопрос «Как Вы относитесь к тому, чтобы не учитывать периода нахождения в «декретном» отпуске в стаж при назначении пенсии?» 86,0% респонденток (квалифицированное большинство) ответили отрицательно. Это позволяет предположить, что в данном случае наша гипотеза подтверждается. Эта «финансовая диета» не способствует укреплению семейных отношений и ухудшает демографические процессы. Результаты таких изменений, на наш взгляд, отразились на показателях рождаемости уже за первые два месяца 2017 г., когда в сравнении с соответствующим периодом 2016 г. численность родившихся уменьшилась на 2 128 человек. За январь – март 2017 г. по сравнению с тремя месяцами 2016 г. демографические потери в сфере рождаемости увеличились до 3 876 человек. А за первое полугодие 2017 г. уровень рождаемости по сравнению с аналогичным периодом 2016 г. снизился на 7 710 человек. Если среднемесячная рождаемость за первое полугодие 2016 г. составляла 9 711 человек, то за аналогичный период 2017 г. – 8 426 человек, т. е. снижение среднемесячной рождаемости составило 1 285 младенцев. Если данную тенденцию экстраполировать до конца 2017 г., то численность родившихся окажется меньше показателя десятилетней давности, немного превышая стотысячный рубеж. Только в 1995–2006 гг. численность родившихся в Республике Беларусь была меньше, чем ожидается за текущий год.

Эти изменения связаны со сломом прежней социально-экономической системы, влияющей на демографическое развитие. Напомним, что по итогам социально-экономического развития Беларуси за 9 месяцев 2016 г. в демографических процессах обозначились позитивные тенденции – на 518 человек родилось больше, чем умерло, т. е. в естественном движении населения сальдо стало положительным. И в СМИ, на круглых столах это было отмечено как результат того, что в Беларуси «не стали радикально ломать прежнюю систему и насаждать чужие образцы» (Рэспубліка. 2017. 28 кастр.). И действительно, рост рождаемости в январе – сентябре 2016 г. был итогом зачатий, совершившихся еще в 2015 г., т. е. того периода, когда свою стимулирующую роль для репродуктивных процессов сыграла государственная социальная политика, а также прежняя система социально-экономических отношений, тесно связанных с демографическими процессами. Но в последние три месяца 2016 г. в репродук-

тивной сфере Беларуси произошли явления, которые или не были замечены, или не были осознаны, или сознательно не афишировались.

А ведь они уже в конце 2016 г. должны были насторожить, ибо вместо продолжения положительных сдвигов общий итог 2016 г. оказался значительно худшим, чем в предыдущие периоды. Численность родившихся в 2016 г., составившая 117 779 детей, оказалась самой низкой за последние четыре года: в 2013 г. родилось 117 997 младенцев, в 2014 г. – 118 534 и в 2015 г. – 119 028. При этом повторим, что три квартала 2016 г. не предвещали снижения уровня рождаемости: в первом полугодии 2016 г. родилось 58 266 человек, что на 1 718 человек больше, чем в первом полугодии предыдущего 2015 г., когда родилось 56 548 человек. И ожидалось, что по итогам 2016 г. уровень рождаемости превысит 120 тыс. Но в последнем квартале 2016 г. рождаемость резко снизилась. Если среднемесячная рождаемость за 2013 г. составила 9 833 младенца, за 2014 г. – 9 877, за 2015 г. – 9 919, а за три квартала 2016 г. – 9 937, то в последнем квартале 2016 г. – уже 9 448 младенцев, а среднемесячная рождаемость первого квартала 2017 г. стала ниже уровня 10-летней давности и составила 8 392 младенца (в 2007 г. среднемесячная рождаемость составляла 8 635 человек).

При этом на возрастную группу женщин-рожиц до 25 лет приходится, как правило, рождение первого ребенка. Так, средний возраст матери при рождении первого ребенка в текущем десятилетии в Беларуси составил: в 2010 г. – 24,9 года, в 2011 г. – 25,1, в 2012 г. – 25,2, в 2013 г. – 25,4, в 2014 г. – 25,7, в 2015 г. – 26,0 и в 2016 г. – 26,3 года. И социальная политика на появление первого ребенка мало влияет. Первым ребенком обзаводятся большинство семей. А далее репродуктивные процессы связаны с обеспечением занятости, ростом благосостояния населения, а также многими другими явлениями, которые или способствуют или ставят преграду репродуктивным процессам, выступающим экстранальными факторами. Дороговизна воспитания детей, дороговизна товаров для детей, практика навязывания под разными марками платных услуг в детских дошкольных учреждениях, школах, стремление родителей дать своим детям качественное образование, обеспечить всестороннее им развитие, дороговизна лекарств (а детям свойственно болеть) и многое другое заставляет при решении рожать еще или ограничиться единственным чадом склоняться к последнему.

На изменения в пенсионном законодательстве, отменившие учет в трудовой пенсии репродуктивного поведения, женщины, уже имев-

шие детей, сразу отреагировали уменьшением числа зачатий, т. е. будущих рождений второго и третьего ребенка. Это означает, что женщины осознали, что реализация ими их репродуктивных функций ухудшит их пенсионное будущее. И начало 2017 г. привело к еще большему снижению рождаемости, причем с каждым месяцем это снижение растет. Если потери среднемесячной рождаемости за первые два месяца 2017 г. составили около тысячи младенцев, то уже за последующие четыре месяца среднемесячный показатель снижения рождаемости вырос до двух тысяч детей. В конце 2016 г. это прежде всего ощутили работники поликлиник и роддомов, что отразилось в их заработной плате, в которой были значимыми премии за оказание медицинских платных услуг, к примеру проведение УЗИ по определению пола будущего ребенка. И, вероятно, ситуация в репродуктивной сфере Беларуси в 2017 г. вряд ли изменится в лучшую сторону. Ведь рожают те, зачатие которых приходится на 2016 г., когда репродуктивный потенциал посадили на «финансовую диету». Годовое снижение рождаемости в стране по сравнению с итогами 2016 г. в 2017 г. может составить в пределах 15 тыс. младенцев. Думается, что если не будут внесены поправки в измененное законодательство о пенсионном обеспечении, то начало следующего 2018 г. в репродуктивной сфере будет гораздо хуже.

Есть и гипотеза, что начавшаяся тенденция снижения рождаемости связана со снижением жизненного уровня большинства населения. Такое явление имеет место, но полагаем, что на снижение рождаемости оно повлияло меньше, чем «финансовая диета». Наоборот, пособия по беременности и родам для значительной части рожениц дают семьям даже больший доход, чем заработная плата. Тем более что с 2015 г. усилена поддержка семей и такой мерой, как предоставление дополнительного пособия и на детей старше трех лет в период, когда в семье воспитывается ребенок в возрасте до трех лет. Кроме того, матери, воспитывающие малолетних детей, защищены и от сокращений. Но эти факторы в различной степени значимы не для всех социальных групп.

Демографическая ситуация и ее некоторые последствия

Возможное сокращение рождаемости в 2017 г. до 15 тыс. на основе методологии действия экстранальных факторов выявляет, что в перспективе это негативно отразится на деятельности различных сфер жизни белорусского общества. Рассмотрим в первом приближе-

нии только некоторые. В соответствии с социальными нормами здравоохранения на одного педиатра должно приходиться 800 пациентов, т. е. снижение уровня рождаемости означает сокращение почти двух десятков ставок врачей-педиатров. Это грозит и сокращением более десятка ставок врачей-терапевтов, которым нормами определено обслуживание 1,2 тыс. пациентов, не говоря о том, что это коснется и среднего медицинского персонала. Это может сказаться и на деятельности детских дошкольных учреждений через два-три года. Через шесть-семь лет опять (такое мы не так давно уже проходили) станут острыми проблемы занятости педагогов в начальных классах, а впоследствии – на целое десятилетие и для учителей средних и старших классов.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. такая проблема для учителей средних школ возникала. Но тогда в СССР поступили мудро: при уменьшенном контингенте старшеклассников, чтобы не сокращать численность учителей, обеспечить им занятость, перешли к 11-летнему среднему образованию. А профессионально-техническое, средне специальное и высшее образование? Эта система не отошла еще от последствий демографического спада середины 1990-х – начала 2000-х гг. А сложности еще впереди.

Одно из важнейших, но редко обсуждаемых последствий – это качество демографического потенциала. Сегодня несколько большая рождаемость характерна для социальных групп с низкими качественными показателями. И прежде всего среди тех, кто в сложных условиях поиска источника существования, работы пытается решить свои материальные трудности рождаемостью. Автору этой статьи, поддерживающему идею о необходимости активной репродуктивной политики государства, многие оппоненты приводят (и справедливые) примеры из жизни окружающей их социальной среды, когда высокую рождаемость демонстрируют женщины из неблагополучных и маргинальных семей. Как не вспомнить в этом случае А. Маршалла, писавшего еще в позапрошлом столетии, что «некоторая часть наиболее способных и наиболее развитых представителей рабочего класса стала обнаруживать признаки нежелания иметь большие семьи, а это уже представляет собой источник опасности», – выделяет он [5, с. 278]. Снижение рождаемости и нацеленности на репродуктивное поведение характеризует белорусских женщин с более высоким уровнем образования и социальным статусом, что с позиций оценки качества демографического потенциала, как указывал А. Маршалл, «представляет источник опасности».

Сейчас налицо тенденция увеличения диапазона демографических волн. В 1960–1970-х гг. они имели цикл в 20 лет (цикл С. Кузнецца), ныне демографические волны превысили 25-летний рубеж, а в западно-европейских странах цикл составляет почти 30 лет, т. е. сегодняшнее резкое снижение рождаемости отразится на рождаемости через 30 лет. Характеристика нынешнего репродуктивного потенциала свидетельствует о том, что осознаем мы это или не осознаем, желаем мы этого или не желаем, но снижение рождаемости в 2020-х и последующих годах даже в сравнении с периодом 2017 г. неизбежно. И потому социальная политика должна быть ориентирована на преодоление депопуляционных процессов. Этот печальный и негативный опыт игнорирования социальной демографической экспертизы должен послужить уроком не только для анализа инноваций в финансовой сфере, но и к проведению более глубокой управленческой политики, подготовке кадров, умеющих мыслить системно, а не ведомственно.

Автор данной монографии, специализируясь в социологии демографии, предупреждал (а глава государства именно этого и требует и от нас, ученых – действовать на опережение, прогнозировать процессы и вовремя на них реагировать) о негативных демографических последствиях перехода от учета трудового стажа к страховому. Были отменены при назначении трудовой пенсии учет декретных отпусков, больничных прежде всего по уходу за болеющими детьми, период обучения в учреждениях высшего образования (кстати, в смету оплаты обучающихся на платной основе студентов включаются и 34%-ные отчисления в Фонд социальной защиты населения). Еще в первой половине (марте – апреле) 2016 г. нами прогнозировались негативные последствия новаций в страховом стаже. Эти выводы были представлены на крупнейшей в научной истории Беларуси Международной конференции «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран» (15–16 ноября 2016 г.), в которой участвовали представители пяти континентов из 12 стран. Эти выводы были озвучены и на круглых столах в Национальной академии наук Беларуси (23 февраля 2017 г. и 1 марта 2017 г.).

А где была предварительная экспертиза?

Хорошо, что хоть поздно, но все же во второй половине марта 2017 г. пагубность политики «финансовой диеты», отвечающей требованиям Международного валютного фонда по выделению кредитов

Беларуси, наконец-то дошла и до осознания руководства Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь, а также депутатского корпуса, выступивших с предложениями отменить указанные изменения в пенсионном законодательстве.

Так, 30 марта 2017 г. во время онлайн-конференции «Пенсионное обеспечение: сегодня и завтра» [6] один из заместителей министра сообщил, что прорабатывается вопрос о возможности пересмотра требований страхового стажа для получения трудовой пенсии (называемых «пенсионной ловушкой») как элемента «ловушки социальных расходов» [3, с. 60–62]. В результате из одной ловушки инициаторы финансовой реформы загнали общество в другую – «ловушку управления изменениями» [3, с. 62–66].

Позже и парламентская комиссия по труду и социальным вопросам также выступила с предложениями, которые были направлены на изменение прошлогоднего пенсионного законодательства. К сожалению, в 2015 г. на стадии его подготовки и принятия разработчики не сумели предвидеть негативных последствий, т. е. те, в чьи управленческие функции входит и социальное прогнозирование, проявили свой непрофессионализм. Также есть вопросы к профессионализму и компетентности идеологов реформ.

И только тогда, когда негативные последствия в демографических процессах стали явью, парламентарии поняли, что, исключая из страхового стажа декретный отпуск, они загоняют женщину в ситуацию, когда она в лучшем случае родит одного ребенка. О какой демографической безопасности можно в таком случае говорить? Спустя 15 месяцев действия изменений наконец пришло осознание и к руководству парламентской комиссии по образованию, культуре и науке. Правда, в рассуждениях депутатов фактов о значительном снижении рождаемости, т. е. объективной основы для требований об отмене изменений в пенсионном законодательстве, не приводится. С требованием отменить исключение декретного отпуска из пенсионного законодательства выступило и руководство Федерации профсоюзов Беларуси.

Объективная демографическая ситуация требует отмены пролоббированных финансовыми органами непродуманных рекомендаций, рассмотренных выше. Думается, что это пойдет на пользу не только нынешним, но и будущим репродуктивным отношениям. Тем не менее, финансовые интересы уже породили многочисленные социальные проблемы, и они еще не раз аукнутся не только на демографической сфере.

Эта ситуация поднимает для государственной демографической политики другие важные проблемы. Одни из них относятся к снижению статуса программы демографической безопасности Республики Беларусь. Во-первых, снижена значимость принятого на 2016–2020 гг. документа. Предыдущие программы были национальными, нынешняя – государственная, что нашло отражение в ее статусе, прежние программы были президентскими, нынешняя – совминовская. Во-вторых, нынешняя государственная программа называется «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь», т. е., с одной стороны, она носит ведомственный (минздравовский) характер. А ведь, как показывает приведенный анализ современной демографической ситуации, финансовые аспекты оказались ведущими. С другой стороны, хотя в программе перечислено более двух десятков министерств и ведомств, а также других государственных институтов, в целом она посвящена только одному демографическому аспекту, о чем свидетельствует система ее сводных целевых показателей. Здоровьесбережение, конечно, существенно важно, но это только один аспект демографического развития и демографической безопасности. Другим сторонам вопроса, в частности миграционным аспектам демографической политики, определенным Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», в новой программе уделено недостаточно внимания, что отражено в нашей статье «Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное?» [7].

Законом Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь» важная роль в разработке и проведении политики демографической безопасности отведена Национальной комиссии по народонаселению при Совете Министров Республики Беларусь. Но сведений в электронных средствах информации о деятельности этой комиссии, за исключением информации почти пятилетней давности об обновлении состава, не имеется. А ведь ей (на то она и национальная комиссия) и должна принадлежать ведущая роль в экспертизе демографических последствий разработки любых документов. Причем, на наш взгляд, эта комиссия должна включать не только и даже не столько чиновников высокого ранга, которые преследуют свои ведомственные интересы, сколько специалистов по различным аспектам демографии. В этом плане ее деятельность могла бы строиться по образцу общественных палат Российской Федерации. И так как объективные негативные демографические процессы ожидалось, то казалось бы, в решении главной социальной проблемы

страны – оздоровлении демографической ситуации должны быть задействованы все другие факторы. И все экономические и социальные новации должны рассматриваться через социальную экспертизу их демографических последствий. Социальная экспертиза должна исходить из учета многообразных последствий тех или иных решений, оценивать новации в их системной взаимосвязи.

Завершим теми выводами, которые нами были сделаны в начале реализации в Беларуси реформы государственных финансов: «Предлагаемая «финансовая диета» по законам системной взаимосвязи в демографической сфере приведет к стагнации депопуляционных процессов, созданию напряженности на рынке труда и условий для будущих кризисов в экономике страны. Сегодня, даже вопреки сузившемуся финансовому кошельку, надо стимулировать, а не препятствовать решению главной социальной проблемы XXI в. Беларуси – демографической проблемы. Основой в управлении социально-экономическими процессами должен быть учет взаимосвязей многих социальных явлений и процессов» [4, с. 438]. Этот вывод был сделан в апреле 2016 г. И хорошо, что еще не все, предлагаемое «финансовой диетой», было принято к реализации, в частности рекомендуемый ею двухлетний декретный отпуск [3, с. 431], о чем информировала заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь М. А. Щеткина (Рэспубліка. 2016. 17 снеж.).

Думается, что следовало бы связать пенсионную систему с активизацией репродуктивной политики в демографической сфере Беларуси. Несколько лет в ходе постоянного демографического мониторинга мы зондировали возможное отношение наших респонденток к связи их репродуктивной деятельности и будущего пенсионного обеспечения. Вначале этот вопрос у нас звучал: «Может ли повысить рождаемость назначение большего размера пенсии женщинам в зависимости от числа рожденных и воспитанных детей?» В опросе прошлого года вопрос был сформулирован следующим образом: «Как Вы относитесь к назначению большего размера пенсий женщинам в зависимости от числа рожденных и воспитанных детей?» Удельный вес респондентов, положительно оценивших данную меру, составляет в пределах 60%: 2012 г. – 59,1%, 2013 г. – 61,4, 2014 г. – 61,2, 2015 г. – 67,3 и 2016 г. – 59,0%. Это означает, если примерно около двух третей женщин самого активного репродуктивного возраста смогли бы с перспективой получать более высокую пенсию за рождение хотя бы третьего ребенка, то коэффициент суммарной рождаемости уже смог бы превысить уровень простого замещения поколений (2,14–2,15).

Связь размера пенсии женщинам обосновывается тем, что их пенсионное благосостояние в таком случае будет обеспечиваться «произведенным» ими соответствующим демографическим и трудовым потенциалом, создающим материальные блага и пополняющим пенсионный фонд. Кто больше создал такой потенциал, тот должен иметь и более высокую пенсию.

Глава 7. ИСТОКИ НОВОГО ВИТКА ДЕПОПУЛЯЦИИ В БЕЛАРУСИ⁷

На рубеже второго и третьего десятилетий нынешнего столетия в демографических процессах Республики Беларусь сложились невиданные, но прогнозируемые нами депопуляционные перспективы [1; 2]. Хотелось бы в предыдущем предложении вместо слов «в демографических процессах» написать «в демографическом развитии», но сложившиеся тенденции не свидетельствуют об этом развитии. Наоборот, наблюдается демографическая стагнация, которая в дальнейшем только усилится.

В период реализации мероприятий, определенных Законом Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» (далее – Закон «О демографической безопасности Республики Беларусь»), рождаемость в течение 12 лет постоянно росла – с 88 512 человек в 2003 г. до 119 028 человек в 2015 г. (прирост рождаемости составил около 30,5 тыс. человек). Затем уровень рождаемости стал резко снижаться и к 2019 г. составил 87 602 человек. Среднегодовые темпы прироста рождаемости в начале нового тысячелетия зафиксированы на отметке 2,47%, а среднегодовые темпы снижения рождаемости за 2016–2019 гг. оказались в пределах 7,31%. Сегодня принято негативные явления списывать на COVID-19. Но это не вполне корректное объяснение, ведь такое снижение рождаемости наблюдалось еще до пандемии. При этом снижение темпов рождаемости за более короткий период в прошедшем 20-летию было почти в 3 раза и превышало показатели предшествующего роста. Такого низкого уровня рождаемости демографическая история Беларуси еще не знала.

Кроме того, в 2020–2021 гг. численность белорусского населения сократилась почти на 155 тыс. человек, о чем свидетельствуют дан-

---

⁷ Злотников А. Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2022. № 2. С. 36–48.

ные Национального статистического комитета Республики Беларусь: на начало 2020 г. численность населения страны составляла – 9 410 259 человек, на начало 2021 г. – 9 349 645, а на начало 2022 г. – 9 255 524 человека [3]. Это значит, что за 2020 г. численность населения Республики Беларусь сократилась на 60 614 человек, а за 2021 г. стала еще меньшей на более внушительную величину – на 94 121 человек.

Для понимания остроты сложившейся депопуляции отметим, что в 2019 г. численность населения Республики Беларусь сократилась на 18 998 человек, т. е. рост уменьшения численности населения страны в 2020 г. по сравнению с 2019 г. составил 3,2 раза, а в 2021 г. – почти в 5 раз.

С подобным значительным сокращением численности населения страны в демографической истории послевоенного периода Беларусь столкнулась еще в 1998–2007 гг. Тогда среднегодовое уменьшение численности населения Беларуси составило почти 62,5 тыс. человек [4, с. 46], на что государство отреагировало принятием закона «О демографической безопасности в Республике Беларусь». Современные тенденции в этой области требуют кардинальных перемен, о чем в преддверии нового витка депопуляции говорил Глава государства. В Послании Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко к белорусскому народу и Парламенту проблемы демографии рассматриваются как «вопрос будущего и нашей государственности, и нашей национальной идентичности». Современные депопуляционные процессы заставляют задуматься об этом, иначе «завтра жить в Беларуси некому будет при такой тенденции» [5].

К сожалению, официальная статистика не публикует показатели естественного (рождаемость и смертность) и механического (миграционные показатели) движения за 2020–2021 гг. Такая тенденция в работе статистических органов свойственна для тех периодов, когда демографические процессы характеризуются крайне отрицательными показателями. Так, в середине 1980-х гг. в связи с резким снижением рождаемости и ростом смертности в ежегодных статистических сборниках «Народное хозяйство Белорусской ССР» в течение нескольких лет не публиковались сведения о естественном движении населения. Статистика последних лет (2020–2021) также не публикует демографических показателей, ибо они не вписываются в положительные тенденции, которую кроме того испортил и коронавирус.

Репродуктивные процессы в Республике Беларусь связаны с различными тенденциями в рождаемости. Одна из них – сложившаяся в

стране демографическая структура, которая проецирует те или иные перспективы в демографическом развитии. Поэтому исследования репродуктивных процессов являются одним из важнейших направлений демографической и социологической науки, в том числе и белорусской научной мысли. Многогранные и разнообразные аспекты репродуктивных процессов в русскоязычном пространстве в различные исторические эпохи анализировали А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, А. Г. Боброва, В. В. Бойко, Г. Б. Бондарская, В. А. Борисов, А. Я. Боярский, Д. И. Валентей, А. Г. Вишневский, А. Г. Волков, Л. Е. Дарский, В. В. Елизаров, А. Е. Иванова, В. М. Медков, С. А. Новосельский, Б. С. Павлов, В. П. Пискунов, В. И. Покровский, А. А. Раков, Н. С. Русанова, Л. Л. Рыбаковский, А. Б. Синельников, Б. Я. Смудевич, В. С. Стешенко, М. С. Тольц, Б. Ц. Урланис, А. Г. Харчев, Л. В. Чуйко, Л. П. Шахотько, Е. М. Щербакова, Н. Г. Юркевич и др.

Исследования репродуктивных процессов являются одним из важнейших направлений белорусской экономической, социологической и демографической научной мысли. Демографическое развитие Беларуси в XX–XXI вв. анализировали Е. А. Антипова, А. А. Белов, А. Г. Боброва, А. В. Богданович, Ю. М. Бубнов, С. Н. Бурова, С. Я. Вольфсон, А. Ю. Денисов, В. С. Загорец, А. А. Залуцкая, В. В. Кириенко, М. Киркевич, К. К. Красовский, Д. Г. Лин, Н. Е. Лихачев, С. Н. Лихачева, Б. А. Манак, В. Ф. Медведев, К. М. Надудик, П. Г. Никитенко, М. П. Пилуй, Н. Н. Привалова, А. А. Раков, Я. И. Рубин, Б. Я. Смудевич, Г. Н. Соколова, Н. А. Сосновская, Л. Е. Тихонова, Л. П. Шахотько, З. М. Юк, Н. Г. Юркевич и др.

Основы анализа репродуктивных процессов в современной белорусской науке были заложены А. А. Раковым. Важной вехой в развитии национальной демографической мысли стала его монография «Население БССР» (1969) [6]. Им впервые дана комплексная социально-экономическая характеристика демографическим процессам за полувековую историю страны. На основе анализа процессов воспроизводства населения и изменения его половозрастной структуры А. А. Раковым исследована многогранность демографических процессов, их взаимосвязь и детерминированность различными явлениями общественной жизни.

В 1960-х гг. А. А. Раков исследовал начавшееся снижение уровня рождаемости и факторы этого процесса. Позже в своей докторской диссертации он прогнозировал отрицательное сальдо естественного движения населения в середине 1990-х гг. Его прогнозы подтвердились: с 1994 г. и по настоящее время демографические процессы в

Беларуси протекают в русле отрицательных показателей естественного движения населения. На протяжении первых трех кварталов 2016 г. показатели рождаемости и смертности сблизились, но в четвертом квартале ситуация резко изменилась [2].

В монографии Л. П. Шахотько «Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы)» (1975) [7] проанализированы репродуктивные процессы, исследована динамика и эволюция рождаемости в Беларуси почти за 100-летний период. Выявлены факторы снижения рождаемости, структурные изменения в половозрастной и брачной структуре населения, трансформация ценностных ориентаций, противоречия между расширением масштабов занятости и выполнением функций материнства. В работе «Воспроизводство населения Белорусской ССР» (1985) [8] Л. П. Шахотько рассматривает демографические процессы во взаимосвязи рождаемости с брачными и семейными отношениями, состоянием здоровья и миграции. Современные тенденции рождаемости обуславливают изменения в половозрастной структуре населения, прежде всего уменьшение численности женщин репродуктивного возраста, что является определяющим фактором перспектив демографического развития Беларуси.

Тенденции рождаемости в демографических процессах Беларуси

По итогам переписи населения 2019 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь опубликовал ряд обобщающих материалов, которые позволяют исследовать социально-демографические механизмы и репродуктивные перспективы Беларуси. В связи с этим важными являются ответы респондентов на вопрос 25 переписного листа «Планируете ли Вы рождение детей?» [9]. Опросом было охвачено 2 075 325 женщин в возрасте 18–49 лет. При этом 1 236 988 (59,6%) из них состояли в браке, 404 743 (19,5%) не состояли в браке, 229 594 (11,1%) были разведены, 105 833 (5,1%) состояли в незарегистрированных брачных отношениях, 36 538 (1,8%) являются вдовами. Небольшая часть (2,9%) респондентов на вопрос о брачном состоянии не ответили, тем не менее определились в своих репродуктивных планах [10].

В первую очередь уровень рождаемости отражает тенденции в изменяющейся величине демографического потенциала, в качестве которого выступают женщины репродуктивного возраста – 15–49 лет. Данные национальных переписей населения (таблица 1) свидетельствуют о циклической зависимости формирования наиболее активного

репродуктивного потенциала, а именно женщин в возрасте 20–39 лет, на долю которых приходится почти три четверти рожденных в Республике Беларусь детей.

Таблица 1 – Динамика численности женского населения Республики Беларусь по возрастным группам в 1999, 2009 и 2019 гг., человек

Возраст, лет	1999	2009	2019
Всего	5 327 616	5 083 611	5 061 973
<i>В том числе</i>			
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353960	404 468	337 685
50–54	259 150	403 920	333 961
55–59	262 774	339 861	385 127
60–64	327 155	257 241	387 326
65–69	299 958	214 675	310 845
70 и старше	594 377	702 576	660 763
<i>Из них</i>			
0–14	955 799	680 721	775 530
0–19	1 341 155	989 478	996 874
15–49	2 627 873	2 484 617	2 208 421
20–39	1 473 028	1 428 904	1 304 252
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписей населения Республики Беларусь в 1999, 2009 и 2019 гг.			

В 2009 г. репродуктивный потенциал составлял 94,54% по сравнению с 1999 г., а в 2019 г. снизился до 88,88% по сравнению с предыдущей переписью. Данная тенденция обусловила низкие показатели рождаемости в конце второго десятилетия нынешнего столетия.

Конечно, как и во многих других странах, снижение рождаемости в Беларуси в 2020–2021 гг. в определенной степени было обусловлено коронавирусом. Но при этом следует отметить, что в нашей стране устойчивая тенденция к снижению рождаемости сложилась уже за несколько лет до пандемии, о чем свидетельствуют следующие данные: в 2015 г. родилось 119 028 человек, в 2016 г. – 117 779, в 2017 г. – 102 556, в 2018 г. – 94 042 и в 2019 г. – 87 602 человека [4].

Важным демографическим фактором такой негативной тенденции стала низкая рождаемость в конце XX в.: малочисленность того поколения обуславливает нынешнее падение рождаемости. На рубеже конца 2010-х – начала 2020-х гг. выросло отрицательное сальдо миграции, связанное со значительным ростом протестной эмиграции белорусского населения, что обусловило уменьшение общей численности женщин активного репродуктивного возраста в стране.

В небольшом иммиграционном потоке преобладает пожилое население. Перед иммигрантами репродуктивного возраста на новом месте жительства на первый план выходят проблемы экономической и социальной адаптации, вопросы рождаемости отодвигаются на второй план. По нашим предварительным расчетам в 2020–2021 гг. рождаемость в Беларуси упала до показателя менее 80 тыс. человек. В относительных величинах данный показатель может колебаться в пределах (небольшой плюс-минус в десятых долей) около 9%, т. е. остается на прежнем уровне. Но за этими относительными величинами скрывается уменьшение численности населения Беларуси только за один календарный год более чем на 94 тыс. человек. В послевоенной демографической истории страны это антирекорд, связанный в том числе со снижением рождаемости. В 2019–2021 гг. рождаемость была значительно ниже, чем даже в самом тяжелом для Беларуси военном, 1943 г.

На наш взгляд, в ходе реализации финансовой реформы были приняты, по сути дела, антидемографические меры. При назначении женщинам пенсии из трудового стажа был исключен период нахождения роженицами в «декретном» отпуске. Разработка государственных программ по обеспечению демографической безопасности в 2015–2020 и 2021–2025 гг. была подчинена лишь интересам Министерства здравоохранения Республики Беларусь, о чем свидетельст-

вует и название «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь». В данных программах перечислены мероприятия по развитию системы здравоохранения, но при этом не сформулированы задачи по решению демографических проблем.

При проведении переписи 2019 г. лица женского пола должны были ответить на вопрос, рожали они или нет. Если опираться на ответы только тех респондентов, которые указали информацию о рождении детей, то самый низкий уровень рождаемости отмечается в Минске (1 036 деторождений) и в Витебской области (1 214 деторождений) (таблица 2). Если же учитывать и респондентов, не указавших информацию о рождении детей, то перерасчет опубликованных данных, выполненный в рамках настоящего анализа, дает меньшие величины рождения детей: в Брестской области зафиксировано 1 346 деторождений, в Витебской – 1 154, в Гомельской – 1 240, в Гродненской – 1 267, в Минской – 1 245, в Могилевской области – 1 212, в Минске – 968, в целом по Беларуси – 1 180 деторождений. Но будем исходить из официальной статистики. Так, численность не ответивших находится в пределах допустимых статистических отклонений и составляет менее 5,0%. По Беларуси эта цифра составляет 4,7%. Наименьшее значение зафиксировано в Гродненской области (2,9%). Значение, превышающее допустимое статистическое отклонение, наблюдается только в Минске (6,6%).

Таблица 2 – Число рожденных детей на 1000 женщин соответствующей возрастной группы в зависимости от региона

Возраст, лет	Республика Беларусь	Регионы						
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
Всего	1 541	1 713	1 521	1 615	1 630	1 261	1 628	1 582
<i>В том числе</i>								
15–19	22	24	22	25	20	15	25	27
20–24	363	455	374	437	380	204	417	434
25–29	1 005	1 165	1 020	1 098	1 098	751	1 069	1 081
30–34	1 462	1 658	1 426	1 541	1 590	1 233	1 528	1 486
35–39	1 673	1 849	1 595	1 719	1 755	1 514	1 734	1 657
40–44	1 650	1 823	1 569	1 675	1 719	1 503	1 706	1 628
45–49	1 591	1 758	1 511	1 615	1 679	1 398	1 652	1 589

Окончание таблицы 2

Возраст, лет	Республика Беларусь	Регионы						
		Брестская	Витебская	Гомельская	Гродненская	Минск	Минская	Могилевская
50–54	1 644	1 808	1 850	1 684	1 738	1 398	1 713	1 652
55–59	1 747	1 922	1 712	1 807	1 829	1 489	1 817	1 754
60–64	1 827	1 979	1 789	1 897	1 894	1 552	1 932	1 854
65–69	1 855	2 024	1 806	1 942	1 933	1 576	1 966	1 885
70 и старше	2 066	2 263	1 978	2 208	2 128	1 667	2 190	2 146
<i>Из них</i>								
15–49	1 238	1 397	1 214	1 298	1 305	1 036	1 300	1 271
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения Республики Беларусь 2019 г. Сведения, представленные в графе «Республика Беларусь», рассчитывались исходя из общего по стране количества женщин соответствующей возрастной группы [11].								

Тенденции к снижению рождаемости, отраженные в таблице 2, свидетельствуют о негативной демовоспроизводственной ситуации и в будущем. Эти данные показывают, что у поколения женщин, родившихся во второй половине 1940-х гг. и участвующих в переписи 2019 г., показатели рождаемости, характерные для послевоенной демографической компенсации, в основном еще были близки к требованиям простого воспроизводства населения, но при этом имели постоянную тенденцию к снижению [11].

Среди женщин, родившихся в 1960-х гг., наблюдаются самые высокие темпы снижения рождаемости. Женщины, которым сейчас 35–44 года, в свое время несколько улучшили репродуктивную ситуацию в Беларуси: в группе женщин 40–44 лет число деторождений в расчете на одну тысячу женщин увеличилось на 59 деторождений по сравнению с предыдущим периодом. Однако последующее поколение женщин в возрасте 30–34 лет установило антирекорд: снижение рождаемости в расчете на тысячу женщин этой группы составило более 200 деторождений, последствия которого сказываются на нынешней репродуктивной ситуации.

По региональному признаку в демографическом развитии Беларуси традиционно выделяются западные области (Брестская и Гродненская), восточные (Витебская, Могилевская и Гомельская области),

южные (Брестская и Гомельская области), а также центральная (Минск и Минская область). Интересно то обстоятельство, что внутри каждой группы областей наблюдаются собственные демографические тенденции и уровни демографического развития.

Например, западные области имеют свою демографическую специфику. В Брестской области численность населения превысила довоенный уровень, а в Гродненской области данный показатель на 280 тыс. человек ниже довоенного уровня. В Брестской области уровень рождаемости является самым высоким в стране, а в Гродненской области имеет значение ниже среднего. И хотя обе эти области граничат с Польшей, удельный вес поляков в этнической структуре населения Гродненской области составляет 21,73%, а в Брестской области почти в 20 раз меньше – 1,10%.

Среди восточных областей, граничащих с Россией, Гомельская область имеет стабильный показатель рождаемости, несколько превышающий среднереспубликанское значение. Витебская область в течение более полувека имеет один из самых низких уровней рождаемости. В демографическом плане Гомельскую, Могилевскую и Витебскую области объединяет, во-первых, самый высокий уровень внебрачной рождаемости в стране, во-вторых, самая масштабная трудовая миграция населения в наиболее активном репродуктивном возрасте на российский рынок труда.

Брестская и Гомельская области представляют группу южных регионов с самыми высокими показателями рождаемости. В середине 1970-х гг. только эти две области сумели превысить довоенную численность населения. Территориально они входят в одну полесскую зону, но при этом их областные центры расположены ассиметрично: Брест – самый западный областной центр, Гомель – самый восточный областной центр.

Наиболее негативные тенденции репродуктивного поведения характерны жителям столицы и Витебской области (таблица 3). Низкая рождаемость в столице в наибольшей степени влияет на остроту демографических процессов в стране, так как в столице зафиксирован самый высокий удельный вес женщин в наиболее репродуктивном возрасте.

Таблица 3 – **Репродуктивный вклад в процесс демовоспроизводства репродуктивного потенциала Республики Беларусь в зависимости от возраста и региона, %**

Регион	Показатели	Всего 15–49 лет	В том числе по возрасту, лет						
			15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Республика Беларусь	Всего	2 208 421	221 344	219 413	310 546	392 937	381 358	345 140	337 685
	Родившие	1 515 679	3 988	55 835	195 726	321 728	330 362	306 026	301 964
	% родивших	68,63	1,80	25,45	63,03	81,89	86,63	88,67	89,42
<i>Из них в региональном разрезе</i>									
Брестская область	Всего	305 593	30 684	28 288	41 976	51 680	52 662	49 873	50 430
	Родившие	220 088	610	8 828	29 158	44 184	46 627	45 004	45 677
	% родивших	72,02	1,99	31,21	69,46	85,50	88,54	90,24	90,58
Витебская область	Всего	256 723	23 973	23 397	35 211	45 158	43 766	41 735	43 483
	Родившие	179 647	453	6 389	22 795	37 257	37 831	36 589	38 333
	% родивших	69,98	1,89	27,31	64,74	82,50	86,44	87,67	88,16
Гомельская область	Всего	322 798	30 840	32 298	44 062	55 506	55 547	52 554	51 991
	Родившие	228 718	660	9 720	29 622	46 742	48 756	46 777	46 441
	% родивших	70,85	2,14	30,09	67,23	84,21	87,77	89,01	89,33
Гродненская область	Всего	225 626	23 950	22 494	30 729	38 644	37 523	34 766	37 530
	Родившие	159 898	401	6 076	21 137	33 252	33 494	31 471	34 067
	% родивших	70,87	1,67	27,01	68,79	86,05	89,26	90,52	90,77
Город Минск	Всего	332 588	32 221	32 648	47 246	59 573	57 327	51 846	51 727
	Родившие	235 154	688	9 549	31 506	50 000	50 271	46 384	46 756
	% родивших	70,70	2,14	29,25	66,69	83,93	87,69	89,46	90,39

Окончание таблицы 3

Регион	Показатели	Всего 15–49 лет	В том числе по возрасту, лет						
			15–19	20–24	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49
Минская область	Всего	532 458	57 141	58 335	80 721	102 105	93 859	75 288	65 009
	Родившиеся	325 990	665	8 536	40 601	76 376	77 982	64 990	56 840
	% родившихся	61,22	1,16	14,63	50,30	74,80	83,08	86,32	87,43
Могилевская область	Всего	252 635	22 535	21 963	30 601	40 271	40 672	39 078	37 515
	Родившиеся	166 184	511	6 737	20 907	33 967	35 401	34 811	33 850
	% родившихся	65,78	2,27	30,67	68,32	84,35	87,04	89,08	90,23
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи 2019 г. Сведения, представленные в графе «Республика Беларусь», рассчитывались исходя из общего по стране количества женщин соответствующей возрастной группы [11].									

Низкий уровень рождаемости в столице и Витебской области имеет как социальные причины, так и демографические. В этих регионах наблюдается наиболее значительная гендерная диспропорция – наименьший удельный вес мужчин. Так, согласно переписи 2009 г. доля мужчин в общей численности населения Витебской области составляла 46,24%, этот показатель в Минске был еще ниже – 45,94%. По материалам переписи 2019 г. гендерная диспропорция в этих регионах ухудшилась: в Витебской области доля мужского населения составила 45,88%, в столице – 45,75%.

В областных центрах гендерная диспропорция выше, чем в областях. Так, удельный вес мужчин в областях и их областных центрах составил: в Брестской области – 46,40%, в Бресте – 45,19%; в Витебской области – 45,88%, в Витебске – 44,68%; в Гомельской области – 46,17%, в Гомеле – 45,17%; в Гродненской области – 46,33%, в Гродно – 45,61%; в Минской области – 46,35%, в Минске – 45,75%; в Могилевской области – 46,54%, в Могилеве – 45,79%. На первый взгляд, разница в процентах небольшая, но, к примеру, в Витебске в количественном измерении эта относительная разница дает величину около 40 тыс. человек. Если же рассматривать не общее гендерное соотношение, а наиболее активный репродуктивный возраст, то ситуация еще более негативная, что сказывается на брачном состоянии и ди-

намике рождаемости. Мужская природа в репродуктивных процессах такова, что мужчины в большей степени, чем женщины, заинтересованы в продолжении своего рода. И меньшая численность заинтересованных в продолжении рода также по закону экстранальности демографических процессов влияет на остроту депопуляционных процессов.

Репродуктивные установки и демографические перспективы Беларуси

Региональное распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли Вы рождение детей?» в ходе национальной переписи населения 2019 г. (таблица 4) характеризует субъективный фактор репродуктивных планов женщин возраста 18–49 лет [9]. Анализ репродуктивных установок позволяет выявить и демографические перспективы Беларуси.

Таблица 4 – Региональное распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли Вы рождение детей?», процент к итогу [10]

Возраст, лет	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
<i>Планируют иметь детей</i>								
18–49	30,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
<i>Из них</i>								
18–19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20–24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25–29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30–34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35–39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40–44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45–49	2,29	2,39	3,19	2,60	2,78	3,21	0,78	0,58
<i>Не планируют иметь детей</i>								
18–49	57,50	60,44	57,60	59,14	60,33	48,50	61,56	63,34
<i>Из них</i>								
18–19	12,46	11,18	14,71	12,72	5,02	14,06	8,83	11,53

Окончание таблицы 4

Возраст, лет	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
20–24	16,64	12,73	15,01	14,23	14,26	15,70	22,02	23,89
25–29	32,41	32,69	30,50	32,69	33,07	26,42	37,77	40,64
30–34	50,54	54,65	49,82	52,80	56,45	40,52	55,15	55,89
35–39	66,35	69,21	64,84	67,61	70,55	56,21	69,06	65,88
40–44	84,21	86,17	82,34	84,78	86,05	78,43	87,93	87,69
45–49	90,82	92,60	88,91	91,42	91,84	86,09	93,32	93,51
<i>Затрудились ответить</i>								
18–49	11,69	9,81	12,77	11,44	10,21	13,98	11,23	10,16
<i>Из них</i>								
18–19	29,23	28,78	29,84	29,53	35,92	26,80	34,62	29,26
20–24	21,43	22,60	28,21	23,84	22,83	20,49	18,97	16,00
25–29	14,08	12,46	16,28	15,19	13,08	14,76	13,42	11,22
30–34	10,20	7,51	10,96	9,61	7,47	12,69	10,58	9,80
35–39	7,82	6,51	12,50	7,64	6,42	11,61	9,46	11,61
40–44	8,35	6,75	9,84	8,14	7,03	11,12	6,72	6,94
45–49	6,89	5,01	7,90	5,98	5,38	10,70	5,90	5,91
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.								

Результаты переписного опроса показывают, что менее трети опрошенных (30,81%) планируют иметь детей. Более половины (57,50%) респондентов ответили на этот вопрос отрицательно, 11,69% опрошенных пока не определились. Это означает, что Беларусь имеет неблагоприятную демографическую перспективу. И даже если затруднившиеся с ответом родят детей, это не улучшит демографическую ситуацию. По мере увеличения возрастной когорты респондентов доля тех, кто планирует рожать, уменьшается.

Так, среди респондентов 25–29 лет планируют иметь детей 53,51%, среди респондентов 30–34 лет – уже 39,21%. В каждой следующей возрастной когорте почти на 14 процентных пунктов же-

лающих улучшить демографическую ситуацию: в возрасте 35–39 лет таких респондентов 25,83%, в возрасте 40–44 лет – 7,44%. Определенный потенциал демографического роста в старших репродуктивных возрастных группах (40–49 лет) представляет отложенную рождаемость. Для понимания демографических перспектив необходимо учитывать, что определенная часть респондентов в момент опроса были беременными и их ответ характеризует ближайшую перспективу. Отдаленные репродуктивные перспективы для Беларуси (даже по обеспечению простого демовоспроизводства) еще менее благоприятные.

По мере увеличения возраста респондентов растет доля тех, кто не планирует иметь детей. Так, этого нежелания иметь детей имеют 12,46% респондентов в возрасте 18–19 лет и 16,64% – в возрасте 20–24 лет. При этом, вероятно, большинство из них еще не рожали. Интересно то обстоятельство, что с каждой следующей возрастной группой растет доля не планирующих иметь детей, а по мере перехода в старшую группу доля затруднившихся с ответом снижается. С одной стороны, респонденты, еще не определившиеся в своем репродуктивном желании, это резерв демографического роста. Но, с другой стороны, не все женщины приходят к старшему репродуктивному возрасту с хорошим для деторождения здоровьем, а значит, существует значительный риск физических и (или) умственных проблем у будущего ребенка.

Региональные характеристики репродуктивных установок белорусок показывают, что наиболее высокий репродуктивный потенциал присущ респондентам столицы – 37,52%. В других областях он не превышает 30%, причем наименьший показатель репродуктивных установок зафиксирован в Могилевской и Минской областях – 26,50 и 27,21% соответственно.

Анализ субъективного демографического фактора показывает, что в Беларуси усиливаются негативные демографические тенденции. Важнейшей парадигмой демографических процессов в Беларуси, как и в целом на постсоветском пространстве, является коренное изменение социального облика семьи, а также репродуктивного потенциала, сформировавшегося в других условиях социальной, политической и экономической реальности. Изменение социального облика семьи связано с переходом от ее патриархального устройства (с несколькими поколениями) к нуклеарному (с двумя поколениями). Приоритетной, как свидетельствуют материалы переписи населения, становится малодетная семья (с одним ребенком, реже с двумя).

Среди респондентов 59,6% состоят в браке, 19,5% в браке не состояли, 11,1% были разведены, 5,1% состояли в незарегистрированных брачных отношениях, 1,8% являлись вдовами, 2,9% респондентов на вопрос о брачном статусе не ответили. Большинство опрошенных поделились своими репродуктивными планами (таблица 5).

Таблица 5 – Удельный вес женщин репродуктивного возраста, планирующих иметь детей, в зависимости от возраста и семейного статуса в целом по стране, %

Возраст, лет	Итого	Состоящие в браке	Никогда не состоявшие в браке	Разведенные и разошедшиеся	Состоящие в незарегистрированных отношениях	Вдовы	Не указали состояние в браке
Всего	30,81	27,68	49,05	15,07	33,92	9,26	39,30
<i>В том числе по возрастным группам</i>							
18–19	58,31	74,19	57,08	62,11	69,55	60,00	60,83
20–24	61,93	70,76	57,08	47,31	66,27	36,92	65,09
25–29	53,51	52,63	58,70	42,43	55,18	25,93	57,33
30–34	39,21	36,52	53,40	31,79	47,67	38,78	57,19
35–39	25,83	23,03	37,20	20,02	39,81	24,27	52,25
40–44	7,44	7,38	10,46	5,15	9,10	4,45	12,53
45–49	2,29	3,06	2,43	0,81	0,74	0,44	0,43
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.							

Анализ репродуктивных намерений женщин в возрасте 18–49 лет выявляет, что в большинстве возрастных когортах высокие показатели наблюдаются у тех опрошенных, которые не указали свой семейный статус. Они лидируют прежде всего среди респондентов старшего возраста: 30–34, 35–39 и 40–44 лет. Состоящие в браке женщины 18–24 и 40–49 лет имеют самые высокие репродуктивные установки. К сожалению, в средних возрастных когортах (25–29 лет) желание рожать первого и второго ребенка у замужних женщин находится даже за пределами тройки ведущих показателей.

Намерение иметь детей преобладает среди женщин, которые не состоят в браке (49,05%). При этом значительной разницы между возрастными когортами у них нет: в трех группах 18–29 лет это репродуктивное намерение находится в пределах 57–58%. Третий пока-

затель потенциального демографического роста у состоящих в незарегистрированных брачных отношениях зафиксирован на уровне 33,92%. Нет надежды на обеспечение демографического роста теми женщинами, семейная судьба которых не сложилась. В эту группу входят разведенные и разошедшиеся, а также вдовы старше 40 лет.

Анализ репродуктивных намерений респондентов показывает, что они наиболее высоки в городе Минске: 37,52% опрошенных планируют иметь детей, что на 7,77 процентного пункта выше, чем у представительниц Брестской области, имеющих второй показатель перспектив демографического роста (таблица 6). Но более высокие субъективные репродуктивные установки минчанок находятся в обратной корреляции с низким фактическим уровнем рождаемости.

Таблица 6 – Удельный вес женщин репродуктивного возраста планирующих иметь детей в зависимости от возраста и семейного статуса по регионам, %

Возраст, лет	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
Всего	0,81	29,75	29,63	29,42	29,46	37,52	27,21	26,50
<i>Из них</i>								
18–19	58,31	60,04	55,45	57,75	59,06	59,14	56,45	59,21
20–24	61,93	64,67	56,78	61,93	62,91	63,81	59,01	60,11
25–29	53,51	54,85	53,22	52,12	53,85	58,82	48,81	48,14
30–34	39,21	37,84	39,22	37,59	36,08	46,79	34,27	34,31
35–39	25,83	24,28	22,66	24,75	23,03	32,18	21,48	22,51
40–44	7,44	7,07	7,82	7,08	6,92	10,45	5,36	5,35
45–49	2,29	2,39	3,19	2,60	2,78	3,21	0,78	0,58
<i>Никогда не состоявшие в браке</i>								
Всего	49,75	53,65	48,34	48,88	52,93	50,51	44,55	43,27
<i>Из них</i>								
18–19	57,08	58,26	54,09	56,36	57,89	57,68	55,35	58,52
20–24	57,08	59,19	53,64	56,90	57,74	57,59	56,16	57,84
25–29	58,70	67,82	63,58	62,60	67,34	55,21	51,67	49,64
30–34	53,40	67,55	60,14	57,12	64,89	51,24	41,28	39,43

Продолжение таблицы 6

Возраст, лет	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе:						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
35–39	37,20	50,38	41,85	41,21	48,54	36,03	24,63	23,61
40–44	10,46	9,93	7,53	8,32	9,19	16,64	9,25	8,03
45–49	2,43	2,74	1,08	2,12	2,27	4,20	2,15	1,39
<i>Состоящие в браке</i>								
Всего	27,68	26,41	27,34	26,65	26,03	34,59	24,23	23,79
<i>Из них</i>								
18–19	74,19	81,28	71,57	75,17	75,70	86,22	62,77	65,82
20–24	70,76	72,62	68,51	70,34	71,78	81,05	63,25	63,47
25–29	52,63	52,57	50,99	50,16	51,28	61,68	47,87	46,26
30–34	36,52	33,77	36,11	34,13	33,19	45,02	32,71	33,33
35–39	23,03	20,64	24,67	21,29	20,67	28,97	13,48	21,36
40–44	7,38	7,18	8,70	7,41	7,26	10,15	4,59	5,02
45–49	3,06	3,18	4,83	3,83	3,71	4,09	0,72	0,46
<i>Состоящие в незарегистрированных отношениях</i>								
Всего	33,92	33,53	30,18	32,49	30,40	40,70	30,72	29,76
<i>Из них</i>								
18–19	69,55	72,99	78,00	64,94	71,35	70,76	66,35	58,93
20–24	66,27	68,87	65,70	64,01	68,32	68,12	64,51	63,53
25–29	55,18	56,04	53,25	51,88	55,02	59,44	54,29	51,38
30–34	47,67	45,45	43,82	45,95	46,66	54,91	43,80	40,60
35–39	39,81	40,32	37,46	38,39	35,67	47,88	35,19	33,67
40–44	9,10	12,54	9,44	8,08	4,55	10,22	6,04	6,74
45–49	0,74	0,72	0,68	0,76	0,48	1,02	0,78	0,45
<i>Разведенные и разошедшиеся</i>								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
<i>Из них</i>								
18–19	62,11	30,00	61,54	53,85	77,78	74,16	40,00	40,00

Окончание таблицы 6

Возраст, лет	Беларусь в целом	В том числе в региональном разрезе						
		Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	Город Минск	Минская область	Могилевская область
20–24	47,31	46,98	43,57	42,94	45,41	53,15	46,37	49,60
25–29	42,43	42,26	36,75	37,88	41,09	48,92	41,59	39,77
30–34	31,79	28,83	28,58	26,59	27,02	41,88	28,39	28,86
35–39	20,02	15,14	19,74	16,51	16,44	29,15	16,53	19,34
40–44	5,15	3,79	5,18	4,55	4,37	8,02	3,98	4,45
45–49	0,81	0,76	0,59	0,62	0,64	1,41	0,69	0,69
Вдовы								
Всего	15,09	12,75	13,00	11,96	12,97	22,32	13,64	13,49
<i>Из них</i>								
18–19	60,0	–	–	–	75,00	–	–	–
20–24	36,92	37,50	44,44	42,86	22,22	50,0	11,1	45,45
25–29	25,93	30,67	30,61	21,95	12,20	35,17	17,28	20,63
30–34	38,78	43,90	45,71	32,30	30,60	39,43	34,70	17,50
35–39	24,27	28,37	23,34	13,01	23,45	22,40	33,54	1,46
40–44	4,45	3,09	2,50	5,14	2,23	4,00	8,04	2,49
45–49	0,44	0,29	0,28	0,41	0,34	1,08	0,33	0,58
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписи населения 2019 г.								

Самые высокие показатели репродуктивных установок имеют респонденты, никогда не состоявшие в браке (49,75%). В региональном разрезе в этой группе наиболее высокие репродуктивные планы характерны респондентам Брестской области (53,65%), что более чем на 10 процентных пунктов больше, чем в Могилевской области (43,27%). Кроме того, брестские респонденты лидируют по намерению рожать среди опрошенных в возрасте 20–34 лет, в том числе 20–24 лет – 59,19%, 25–29 лет – 67,82% и 30–34 лет – 67,55%. В других возрастных когортах более высокие репродуктивные установки имеют столичные женщины 40–44 лет (16,64%) и 45–49 лет (4,20%). То, что репродуктивные установки у респондентов никогда не состоявших в браке, зафиксирован на уровне менее 50% – неблагоприятный сигнал.

Также выступают в качестве репродуктивного потенциала и планируют иметь детей женщины, состоящие в незарегистрированных брачных отношениях (33,92%). В региональном разрезе наиболее высокие показатели наблюдаются в Минске (40,70%), наиболее низкие в Могилевской области (29,76%). Среди возрастных когорт репродуктивный потенциал выше у респондентов в возрасте 18–19 лет (69,55%), 20–24 лет (66,27%), 25–29 лет (55,18%). Но в целом он не превышает двух третей респондентов, что также с позиций перспектив демографического роста характеризует будущие депопуляционные процессы.

Среди состоящих в браке планируют родить 27,68% респондентов. Этот более низкий по сравнению с другими группами респондентов показатель, очевидно, связан с тем, что многие из них уже имеют детей и считают свою репродуктивную функцию выполненной. При этом среди женщин, состоящих в браке, самый высокий показатель по намерению родить приходится на столицу (34,59%), что значительно выше (более чем на 7 процентных пунктов) по сравнению с Витебской областью, имеющей в этой когорте второй показатель. Отметим, что, как и по общему опросу, репродуктивные установки респондентов Минска и Витебской области находятся в обратной корреляции с самыми низкими фактическими уровнями рождаемости в данных регионах. Это свидетельствует о значимости субъективного фактора в репродуктивных процессах, а значит, о необходимости создания условий для реализации этой отложенной репродуктивной компоненты.

Среди разведенных и разошедшихся респондентов, а также среди вдовых зафиксированы наименьшие репродуктивные установки – 16,09 и 9,26% соответственно. В региональном разрезе наиболее высокие показатели отмечаются в Минске: соответственно, у разведенных и разошедшихся – 22,32% и у вдовых – 11,79%. Это, конечно, невысокий потенциал демографического роста.

В Республике Беларусь снижение численности рождений первого ребенка связано с сокращением населения, вступающего в брачный период. Снижение численности рождений второго ребенка связано с возрастными поколенческими сдвигами, а также с политикой «финансовой диеты» (с 2016 г. в трудовом стаже не учитывается декретный отпуск). В то же время наблюдается некоторый рост рождений третьего и последующих детей. Рост числа рождений третьего и последующих детей невелик. К сожалению, такая тенденция не привела к обеспечению даже простого демовоспроизводства. Третий ребенок часто появляется в семьях женщин с низким социальным статусом.

Наблюдается увеличение поколенческого лага рождений – с 20 лет в 1980-х гг. до сегодняшнего показателя 30 лет, а также снижение количества детей в каждом последующем поколении. Ныне временной лаг поколений имеет тенденцию к увеличению. При этом снижение рождаемости происходит от поколения к поколению, длина которого определяется средним возрастом (превышающим 26 лет) рождения первого ребенка. Изменился календарь рождений в связи с возрастом, а также супружеством. При этом у современных родителей меньше детей, чем было у их родителей. Это отражает снижение суммарных коэффициентов рождаемости.

Сводить проблему обеспечения перспектив демографического роста только к сузившемуся репродуктивному потенциалу, конечно, важно, но недостаточно. В таком случае можно оправдать и бездействие демографической политики. Репродуктивные перспективы зависят от многих составляющих. Ведущим направлением современной науки является поведенческий подход, в частности, поведенческая психология и поведенческая экономика. Поведенческий подход к демографическим процессам должен учитывать поведение всех факторов: государства, мужчины, женщины и ребенка. В репродуктивных процессах поведение большинства мужчин связано с его природной сущностью – продолжением рода, значительная их часть в большей степени заинтересована в большой семье. Современная женщина, как показывают материалы вышеприведенного сплошного опроса, имеет другую ориентацию. Интересна позиция детей – значительная часть первых детей хотели бы иметь братика или сестренку. Но с появлением второго ребенка многие дети ощущают, что им стало уделяться меньше внимания – в семье появляется два эгоиста, что также сказывается на репродуктивных установках семей.

Л. Н. Толстой в романе «Анна Каренина» отметил особенность счастливых и несчастливых семей, которая применительно к репродуктивному поведению семьи может быть положена в качестве поведенческого методологического подхода. Рождение ребенка – счастье для каждой семьи, но оно создает и проблемы, препятствующие повторению этого счастья. Если в связи с рождением ребенка и декретным отпуском семьи в течение некоторого времени получают пособие, то в последующем они сталкиваются с проблемами. Родители должны платить за различные услуги: факультативы в школах, пользование бассейнами, обеспечение канцелярскими товарами, санитарно-гигиеническими средствами в детских дошкольных учреждениях и т. д.

С позиций необходимого демографического развития современная семья нуждается в обеспечении детей нормальной социальной инфраструктурой, расширении доступных услуг для совмещения трудовой деятельности, воспитания детей и семейной жизни.

Заключение

Основные направления решения демографических проблем в нашем государстве отражены в Законе Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» [12]. Документ акцентирует внимание на необходимости преодолеть демографические угрозы, важнейшими из которых являются депопуляционные процессы. К сожалению, со второй половины прошедшего десятилетия демографические процессы в Беларуси по законам демографических волн вошли в новый виток депопуляции. Соответствующие программы, разработанные государством, носят преимущественно ведомственный характер и не предусматривают социальных мер по обеспечению демографической безопасности. В то же время депопуляционные тенденции создают геополитические риски и требуют пристального внимания.

Репродуктивное поведение является важнейшим компонентом современного социально-экономического развития Беларуси, в частности обеспечения национальной безопасности. Для решения демографических проблем следует сформировать новую парадигму государственной демографической политики, которая позволит предупредить и нивелировать большинство демографических угроз и будет способствовать формированию прогрессивного типа воспроизводства населения. На наш взгляд, необходимы антидепопуляционные меры [13; 14]:

- актуализация проблемы демографического развития страны на уровне всей системы социальной и экономической политики (примером может стать российский национальный проект «Демография»);

- разработка демографических мероприятий политики в соответствии с социально-демографическими потребностями групп населения и региональными особенностями;

- повышение престижности семейных ценностей, ориентированных на формирование репродуктивных установок на среднететность и многодетность;

- стимулирование рождаемости путем прогрессивной поддержки семей и женщин, имеющих не менее двух малолетних детей и (или) собирающих рожать второго и последующих детей;

- постоянное корректирование демографической политики;
- обеспечение системности и комплексности государственных демографических программ, выходящих за рамки ведомственных интересов.

Глава 8. ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ⁸

Настоящее исследование является продолжением социолого-демографических публикаций автора [1–4]. Указанные работы посвящены социальным проблемам Республики Беларусь в 2015–2020 гг., когда страна столкнулась с серьезнейшим витком депопуляции.

Наблюдающиеся сегодня в Беларуси депопуляционные процессы заставляют задуматься о демографических перспективах государства. Обеспокоенность этой проблемой выразил в 2019 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. Вопрос демографии белорусский лидер назвал вопросом будущего и нашей государственности и нашей национальной идентичности. Он отметил, что если такая негативная тенденция сохранится, то «завтра жить в Беларуси некому будет» [5].

В последнем, от 31 марта 2023 г., послании белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь А. Г. Лукашенко констатировал, что «...вопросы демографической безопасности – тема не только экономических мер. Есть факторы, которые нивелируют все усилия государства по созданию благоприятных условий для роста населения» [6]. В данном обращении белорусский лидер акцентировал внимание на субъективных факторах и их связи с объективными условиями в стране. Выяснение наиболее значимых социальных, экономических и миграционных проблем государственной демографической политики позволит выявить тенденции в развитии демографических процессов, формирующих современный и перспективный репродуктивный потенциал.

В последний раз проблемы демографической безопасности Беларуси в широком масштабе обсуждались на международной конфе-

---

⁸ Злотников А. Г. Объективные и субъективные составляющие демографических процессов Республики Беларусь // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2024. № 1. С. 14–20.

ренции «Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран», состоявшейся в ноябре 2016 г. в Минске. В новом пятилетии была попытка обратиться к демографическим проблемам в декабре 2022 г., когда на сайте электронного научного издания «Демоскоп Weekly» (2022, № 963–964) сообщалось о проведении Международной научно-практической конференции «Социально-демографическое развитие Республики Беларусь» в Научно-исследовательском институте труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь. Но в последний момент повесткой мероприятия было объявлено социальное развитие в современных условиях. Это позволило продемонстрировать успехи указанного министерства, которые, несомненно, имеются, и не выходить за рамки ведомственных интересов, чтобы уйти от обсуждения катастрофических демографических проблем. Теме демографического развития достаточное внимание было уделено Институтом социологии НАН Беларуси и Институтом экономики НАН Беларуси, которые инициировали проведение в апреле 2023 г. круглого стола «Демографическая безопасность Республики Беларусь в условиях новых угроз и рисков».

Объективные факторы депопуляции

Диалектика социальных процессов требует анализа факторов их развития. Демографические процессы прежде всего отражают состояние социальной, экономической, политической, духовной и повседневного-бытовой сфер жизни общества. Следовательно, на эти процессы влияют факторы, формирующие социальную среду человека, что проявляется во взаимодействии объективных условий его жизнедеятельности и преломлении этих условий через их сознание и демографическое поведение.

Объективным фактором демографических процессов выступает демографическая структура, обладающая возможностями для сохранения и развития репродуктивного потенциала. Данный ресурс имеет количественные характеристики, основными из которых являются половозрастная структура населения, величина репродуктивного потенциала, а также воспроизводственная активность белорусов, т. е. его репродуктивное качество. Это характеризует их объективные составляющие.

Материалы переписей населения Республики Беларусь о сложившихся репродуктивных процессах за более чем 30-летний период

свидетельствуют о негативных демографических тенденциях. Основным фактором обеспечения демографической стабильности белорусского государства является рождаемость, показатели которой постоянно и значительно снижаются. В 2015 г. был зафиксирован наивысший в текущем столетии уровень рождаемости (119 028 младенцев). После этого началось снижение данного показателя: в 2016 г. родилось 117 779 детей, в 2017 г. – 102 558, в 2018 г. – 94 042, в 2019 г. – 87 602 ребенка [7]. Официальной демографической статистики за 2020–2023 гг. нет. По нашим расчетам численность родившихся в 2020 г. составила в пределах от 83 888 до 83 756 человек, а в 2021, 2022 и 2023 гг. данный показатель не поднимался выше 80 тыс. человек.

Объективным фактором демографических процессов выступает репродуктивный потенциал населения (количество рожденных детей женского пола). В настоящее время этот показатель оказался самым низким за всю демографическую историю Беларуси (таблица 1). В 1997–2005 гг. рождалось менее 45 тыс. младенцев женского пола ежегодно. Меры, принятые в рамках Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [8] (далее – Закон о демографической безопасности) позволили несколько повысить эти цифры. В 2016 г. показатель репродуктивного потенциала составил более 57 тыс. человек. Но затем он стал снижаться: в 2017 г. – более чем на 7 тыс. человек, в 2018 г. – более чем на 4 тыс., а в 2019 г. – более чем на 3 тыс. человек. Таким образом, всего за 5 лет репродуктивный потенциал сократился почти на 20 тыс. потенциальных матерей. По расчетам автора, в 2020 г. количество рожденных детей женского пола составило приблизительно 40 770 человек, в 2021 г. – 37 248, а в 2022 г. – 36 068 человек.

Таким образом, по объективным и субъективным причинам сегодня в Беларуси наблюдается тенденция к сокращению численности населения. Причем в нынешнем десятилетии процесс депопуляции ускорился. Если в период с 2009 по 2019 г. сокращение численности населения составляло 90,4 тыс. человек, то, например, только за один 2021 г. этот показатель вырос до 94,1 тыс. человек. После 2019 г. численность населения снизилась почти на 213 тыс. человек [9]. Если в 2010–2018 гг. ежегодная убыль населения составляла 9 036 человек, то после 2019 г. этот показатель вырос почти в 5,9 раза и составил 53 207 человек. За всю историю суверенного развития Республики Беларусь таких темпов снижения численности населения еще не наблюдалось.

Таблица 1 – Динамика численности младенцев женского пола
в 1950–2021 гг., человек

Годы	Количество	Годы	Количество	Годы	Количество	Годы	Количество
1950	95 931	1986	83 452	1998	44 605	2010	52 336
1955	94 508	1987	79 183	1999	45 030	2011	53 034
1960	97 049	1988	78 884	2000	45 512	2012	56 193
1965	74 732	1989	74 589	2001	44 278	2013	57 219
1970	71 342	1990	68 875	2002	43 091	2014	57 258
1975	71 380	1991	63 593	2003	42 885	2015	57 651
1980	75 286	1992	62 315	2004	43 275	2016	57 132
1981	76 939	1993	56 827	2005	44 107	2017	49 844
1982	77 981	1994	53 629	2006	46 872	2018	45 802
1983	84 448	1995	48 736	2007	50 220	2019	42 730
1984	82 075	1996	46 410	2008	52 278	2020	40 770
1985	80 363	1997	43 599	2009	52 940	2021	37 248
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [7]. Показатели за 2020–2021 гг. рассчитаны автором.							

Одним из объективных факторов депопуляционных процессов в Беларуси выступает миграция. Об этом свидетельствуют данные о естественном и механическом движении населения. Так, доля миграции в снижении численности белорусов постоянно растет: в 1999 г. этот показатель составлял 23,7%, в 2009 г. – 41,9 и в 2019 г. – 59,9%. Значительно увеличиваются масштабы трудовой белорусской миграции. Существенным фактором депопуляции являются миграционные последствия, в частности рост отрицательного миграционного сальдо наиболее активного репродуктивного потенциала страны.

К сожалению, в последние годы в государственных программах демографической безопасности Республики Беларусь проблеме миграции внимания не уделено. Миграционное законодательство сводится в основном к проблемам прибытия граждан других стран в нашу республику. Нынешнюю миграционную политику нельзя назвать позитивной и соответствующей интересам демографической безопасности страны. Об этом свидетельствуют, во-первых, постоянное сокращение численности населения страны, во-вторых, рост миграционного оттока населения в наиболее активном репродуктивном

возрасте за пределы государства, в-третьих, увеличение масштабов международной трудовой и образовательной миграции белорусских граждан.

Демографические факторы (прежде всего миграция и смертность) обусловили снижение репродуктивного потенциала белорусского населения (таблица 2). Материалы переписи населения 2019 г. показали, что численность женского населения в активном репродуктивном возрасте (15–49 лет) существенно снизилась. Так, в 2019 г. их количество составило 84,5% по отношению к показателю 1999 г. и 94,3% по отношению к показателю 2009 г.

Таблица 2 – Динамика численности женского населения по возрастным группам в 1999, 2009 и 2019 гг., человек

Возраст, лет	1999	2009	2019
0–4	231 240	239 947	255 488
5–9	319 651	214 662	273 160
10–14	404 908	226 112	246 882
15–19	385 356	308 757	221 344
20–24	350 170	378 895	219 413
25–29	344 587	368 456	310 546
30–34	354 901	341 428	392 937
35–39	423 370	340 125	381 356
40–44	415 529	342 488	345 140
45–49	353 960	404 468	337 685
15–49	2 627 873	2 354 617	2 219 421
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь, полученным в ходе переписей населения Республики Беларусь 1999, 2009 и 2019 гг. [10].			

При этом показатель репродуктивного потенциала, который в последующие десятилетия должен обеспечить рождаемость (белоруски в возрасте 15–19 лет), по сравнению с показателем 20-летней давности составил 57,4%, а по сравнению с показателем 10-летней давности – 74,7%. Особенно значительным является снижение величины репродуктивного потенциала возрастной группы 20–24 года, на которую приходится больше всего первых рождений. Соответственно, величина этого репродуктивного потенциала составила 62,7% по отно-

шению к показателю 20-летней давности и 57,4% по отношению к показателю 10-летней давности. Уменьшилась и величина репродуктивного потенциала возрастной группы 25–29 лет, для которой характерна высокая рождаемость.

В перспективе некоторый рост рождаемости обеспечат женщины возрастной группы 30–34 лет. В 2019 г. величина данного репродуктивного потенциала по сравнению с показателем 20-летней давности составила 110,7%, а по сравнению с показателем 10-летней давности – 115,1%. Но сегодня женщинам данной возрастной группы свойственно резкое снижение интенсивности деторождений. Рост рождаемости стал возможным благодаря реализации мер Закона о демографической безопасности и инициативе белорусского лидера по созданию первой демографической программы. В последующем внимание к разработке таких программ упало. Об этом сегодня свидетельствует уменьшение величины репродуктивного потенциала младших возрастных групп (по сравнению с показателем 1999 г. на данный момент численность девочек 5–9 и 10–14 лет составляет 85,5 и 61,0% соответственно). С учетом объективных факторов демографического развития такая тенденция является негативной. Именно поэтому в послании к белорусскому народу и Национальному собранию в 2023 г. Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко акцентировал внимание на субъективных факторах демографического развития государства.

Субъективные факторы депопуляции и способы ее преодоления

Специалисты Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь объясняют депопуляционные процессы в стране уменьшением величины репродуктивного потенциала: падение рождаемости в конце XX в. обусловило снижение численности женщин в активном репродуктивном возрасте в 2010–2020 гг. Статистические данные свидетельствуют о резком снижении рождаемости в последнем квартале 2016 г. и в 2017 г. Эта негативная демографическая тенденция справедливо вызывает обеспокоенность белорусского лидера.

К субъективным факторам формирования демографического потенциала относятся ценностные ориентации населения, прежде всего семейные установки граждан в наиболее активном репродуктивном возрасте. В современных условиях отношение молодежи к институту семьи является определяющим фактором реализации репродуктивных установок. Немаловажное значение принадлежит социально-экономи-

ческому, политическому, национальному и региональному контексту, в котором осуществляется государственная демографическая политика, ведь во многом именно структуры власти способны влиять на формирование репродуктивных установок населения.

В нашей стране основы государственной демографической политики отражены в Законе о демографической безопасности, а также в соответствующих государственных программах. В ст. 5 вышеуказанного закона отмечается, что для предупреждения и нейтрализации демографических угроз должны быть обеспечены следующие условия:

- поэтапное совершенствование государственных минимальных социальных стандартов в области оплаты труда, пенсионного обеспечения, образования, здравоохранения, культуры, социальной поддержки, жилищно-коммунального и социального обслуживания;
- улучшение социально-экономической ситуации;
- оптимизация внешних и внутренних миграционных потоков населения;
- противодействие нелегальной миграции;
- содействие добровольному возвращению белорусов на этническую родину;
- привлечение специалистов в сельскую местность;
- установление высоких духовно-нравственных стандартов граждан в области семейных отношений, повышения престижа семьи;
- обеспечение репродуктивных прав граждан и содействие формированию высоких репродуктивных потребностей населения.

Безусловно, факторами демографического роста являются повышение рождаемости и преодоление отрицательного сальдо миграции. Однако в государственных программах «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 и 2021–2025 гг. не закреплены меры в указанных направлениях. К сожалению, эти программы, в отличие от предыдущих проектов, носят исключительно ведомственный характер. Они разработаны Министерством здравоохранения Республики Беларусь и предполагают проведение мероприятий лишь медицинского характера.

Важно, что положения двух программ демографической безопасности лишь частично соответствуют требованиям, предъявляемым к разработке подобных программ (что указано в Законе о демографической безопасности). При этом если в программе на 2016–2020 гг. хотя бы формально были затронуты реальные и потенциальные демографические угрозы, основные направления государственной поли-

тики в области охраны и обеспечения репродуктивных прав граждан, формирования их репродуктивных потребностей, а также в области миграционной политики, то в программе на 2021–2025 гг. [11] эти вопросы вообще не поднимаются.

Тема миграционных процессов затрагивается в программе Министерства внутренних дел Республики Беларусь «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 гг. [12], которая также носит исключительно ведомственный характер. Она направлена на повышение социальной защищенности, создание надлежащих условий для прохождения службы сотрудниками, гражданским персоналом органов внутренних дел и военнослужащими внутренних войск. Вопрос о взаимосвязи эффективной миграционной политики и демографической безопасности государства в программе не освещается.

Субъективным фактором демографических процессов в Республике Беларусь выступает недостаточное информационное обеспечение специалистов в этой области. К сожалению, в последние годы статистическая информация о естественном и механическом движении населения стала недоступной для ученых. Такое положение дел в белорусской статистике не является новым и свидетельствует о крайне неблагоприятной демографической ситуации в стране. Специалисты лишены возможности участвовать в разработке программ по преодолению депопуляционных процессов.

Анализ объективных и субъективных факторов депопуляции приводит к закономерному вопросу: «Как повысить результативность репродуктивного потенциала белорусского населения?» Значимую роль в решении этой проблемы играет реализация социальных мероприятий в рамках государственной демографической политики.

Женщины в возрасте 20–34 лет, обеспечивающие, как правило, наибольший вклад в рождаемость, демонстрируют значительное снижение деторождения (таблица 3). Напомним, что возрастные коэффициенты рождаемости резко снизились в 2016–2019 гг.

Таблица 3 – Число рожденных детей на 1 тыс. женщин соответствующей возрастной группы в 2010–2019 гг.

Возраст	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
15–19	20,7	20,9	22,4	22,1	20,5	18,1	16,1	13,4	11,7	10,8
20–24	89,8	88,9	93,7	91,7	91,8	89,4	88,0	78,2	73,8	68,4
25–29	101,6	103,4	110,8	112,7	113,8	115,4	116,1	100,7	99,0	89,0

Окончание таблицы 3

Возраст	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
30–34	62,1	64,8	69,0	75,0	78,0	82,5	84,4	76,3	71,6	68,6
35–39	23,2	23,8	27,0	30,1	32,8	35,7	37,7	34,9	34,4	33,9
40–44	3,7	4,0	4,4	5,0	5,6	6,1	6,5	6,8	6,7	6,7
45–49	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2	0,3	0,2
15–49	44,0	45,1	48,7	50,4	51,3	52,1	52,1	45,9	42,8	40,0
Примечание – Составлено по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь [7].										

Почему именно с 2016 г. начался новый виток депопуляции в Беларуси? И какие выводы из этого следует сделать? Ответить на эти вопросы необходимо для понимания природы резкого падения рождаемости. Показатель рождения первого ребенка среди женщин возрастной группы 20–24 лет снизился на 21,0‰ (с 89,4 до 68,4‰), в возрастной группе 25–29 лет, которой свойственна наиболее высокие показатели рождаемости, снижение составило 26,4‰ (с 115,4 до 89,0‰), а в возрастной группе 30–34 лет, являющейся источником вторых и последующих деторождений, – 13,9‰ (с 82,5 до 68,6‰).

Наряду с объективным фактором падения рождаемости (снижение численности женщин в активном репродуктивном возрасте) субъективным фактором данной тенденции выступают репродуктивные установки населения. Так, в 2017 г. численность родившихся снизилась на 12,9% по сравнению с предыдущим годом, в 2018 г. данный показатель упал еще на 8,3%, а в 2019 г. – еще на 7,4%. Снижение численности репродуктивного потенциала в 2017, 2018 и 2019 гг. составило 1,3%. Это означает, что в 2017 г. показатель уменьшения количества родившихся превысил показатель уменьшения количества женщин активного репродуктивного возраста в 9,9 раза, в 2018 г. – в 6,2 раза, а в 2019 г. – в 5,9 раза. Можно сделать вывод о том, что после 2016 г. падение рождаемости в Республике Беларусь обусловлено в большей степени не объективными, а субъективными факторами.

Данные переписи населения 2019 г. показали, что среди женщин в возрасте 18–49 лет тех, кто не планирует иметь детей, в 1,87 раза больше, чем тех, кто планирует иметь детей. Так, среди белорусок в возрасте 18–19 лет планируют иметь детей 58,3% женщин, не планируют иметь детей 12,5% опрошенных, в возрасте 20–24 лет – 61,9 и 16,6% респондентов, в возрасте 25–29 лет – 53,5 и 32,4% белорусок,

в возрасте 30–34 лет – 39,2 и 50,5% женщин, в возрасте 35–39 лет – 25,8 и 66,4% опрошенных, в возрасте 40–44 лет – 7,4 и 84,2% респондентов, в возрасте 45–49 лет – 2,3 и 90,8% белорусок соответственно. Часть белорусок затруднились ответить на вопрос о том, планируют ли они иметь детей [10].

Материалы переписи населения 2019 г. выявили большую долю женщин, которые не имеют детей и уже вышли из репродуктивного возраста. Так, почти 10% белорусок старших возрастных групп не внесли своего вклада в рождаемость. Такая демографическая тенденция прямо влияет на социальные процессы внутри государства и вызывает кризисные явления в функционировании и развитии различных секторов экономики.

Одной из причин нежелания заводить детей выступает западная пропаганда чайлдфри, которая, по словам белорусского лидера, на самом деле является попыткой обезлюдить и ослабить общество. Многие представители молодого поколения часто откладывают рождение детей, чтобы как можно дольше пожить для себя. Кроме того, сегодня молодые люди часто стоят перед выбором – карьера либо семья. Следует отметить, что нередко рождение третьего ребенка и последующих детей характерно для семей с низким социальным статусом.

На наш взгляд, чрезвычайно важно то, как носители репродуктивного потенциала воспринимают государственную демографическую политику. В данном контексте следует обратить внимание на связь значительного падения рождаемости и снижения численности репродуктивного потенциала. С 1 января 2016 г. изменилось пенсионное законодательство: при назначении пенсии стал учитываться страховой, а не трудовой стаж, который не включал период нахождения женщин в декретном отпуске, а также на больничном. И уже в последнем квартале 2016 г. было зафиксировано резкое снижение рождаемости, испортившее положительную тенденцию в предшествующих кварталах года. А в 2017 г. наблюдалось еще более значительное (почти на 13%) падение рождаемости. В результате показатель снижения количества родившихся в 2017 г. в 9,94 раза превысил показатель снижения количества женщин активного репродуктивного возраста. Власти приняли данную закономерность к сведению, и с конца 2020 г. при назначении пенсии женщинам стал учитываться и период их нахождения в отпуске по уходу за ребенком.

В связи с этим возникает вопрос: если изменения в пенсионном законодательстве вызвали падение рождаемости, нельзя ли с помо-

щью других правовых новшеств стимулировать демографический рост? Можно, например, установить женщинам размер пенсии в зависимости от численности рожденных и воспитанных ими детей, ведь эти дети, достигнув совершеннолетия, будут заняты в экономике страны.

В свою очередь, возвращение белорусов на родину могло бы снизить отрицательное сальдо белорусской миграции, а также сократить ее масштабы на зарубежных рынках труда. Сравнение данных российской переписи населения за 2010 и 2021 гг. показало, что за 10 лет численность проживающих в России белорусов увеличилась почти на 300 тыс. человек (на 56,8%). Это самый высокий прирост титульных этносов независимых постсоветских государств в населении Российской Федерации [13], потенциально формирующий рост эмиграции.

Заключение

Материалы переписей населения последних лет свидетельствуют о негативных демографических тенденциях в Республике Беларусь. Процесс депопуляции обусловлен рядом объективных и субъективных факторов. В перспективе численность населения страны будет постепенно снижаться, что вызвано предшествующим падением рождаемости и ростом смертности. Эти процессы являются результатом снижения репродуктивного потенциала и старения населения. Наряду с указанными объективными факторами депопуляции немаловажное значение имеет и субъективный фактор – снижение репродуктивных установок белорусов. Репродуктивное поведение населения формирует динамику демографического развития.

По мнению А. Г. Лукашенко, преодоление депопуляции возможно путем формирования культа семьи, который должен стать стилем жизни белорусов. Это будет способствовать обеспечению стабильности и сохранению государства. Важное значение имеет грамотная социально-демографическая политика. Она должна быть более гибкой, системной и ориентированной на недопущение роста депопуляции.

Глава 9. ПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ ИЛИ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ САЛЬДО МИГРАЦИИ ИМЕЕТ БЕЛАРУСЬ?⁹

Среди главных демографических показателей (рождаемость, смертность и миграция) последняя является самым массовым явлением. Так, если в 2015 г. в Республике Беларусь родилось 119 028 младенцев, а ушло из жизни 120 026 граждан, то миграционными процессами было охвачено в несколько раз больше населения. Только по неполным материалам текущего учета, предоставленным в статистические органы, паспортные службы внутренних дел, более 280 тыс. человек были включены в миграционные процессы. Самую значительную часть из них (96,5%) составляют внутренние мигранты, т. е. те, кто поменял место жительства внутри страны. В данном случае речь идет об областной, межрайонной и урбанистической (из сельской местности в городскую или из городской в сельскую) миграции. Кроме того, есть внешняя миграция. Речь идет о населении, покинувшем пределы Беларуси, и населении, прибывшем в страну на постоянное местожительство. Статистические данные свидетельствуют о том, что в 2015 г. внешняя миграция по сравнению с внутренней составила всего 3,5% в общем миграционном обороте Беларуси. На эту миграцию больше всего обращают внимание политики, чиновники и ученые, так как она влияет на прирост или уменьшение численности населения страны.

Динамику изменения численности населения Республики Беларусь характеризуют следующие данные. Численность населения Республики Беларусь на начало 1991 г. составляла 10 189,8 тыс. человек; 1996 г. – 10 177,3; 2001 г. – 9 956,7; 2006 г. – 9 630,4; 2011 г. – 9 481,2 тыс. человек [1, с. 27]. Наблюдается постоянный рост этого сокращения: за 1991–1996 гг. – на 12,5 тыс. человек; 1996–2000 гг. – на 220,6; 2001–2005 гг. – на 326,3; 2006–2010 гг. – на 149,2 тыс. человек. Это во многом обусловлено миграцией.

Формулировка «по неполным данным» нами использована потому, что в отличие от медицинского и юридического факта фиксации рождений и смертей, в миграционные подсчеты попадают не все факты перемены места жительства. Так, по данным миграционных служб

---

⁹ Злотников А. Г. Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. 2017. № 1. С. 91–97; *Его же*. Имеет ли Беларусь положительное сальдо миграции? // Миграция и демографическое развитие Республики Беларусь и сопредельных стран : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 15–16 нояб. 2016 г. Минск, 2017. С. 41–50.

Беларуси в 2015 г. 3 176 белорусов сменили гражданство, переехав в страны вне Содружества Независимых Государств (СНГ) [1, с. 419]. По данным статистического управления Европейского союза (ЕС) только страны ЕС (а это меньше, чем страны «вне СНГ») приняли 82 024 белоруса [2], т. е. имеется расхождение более чем в 25 раз. Можно добавить разночтения и миграционного белорусско-российского обмена, который дает основную долю белорусской миграции в масштабах СНГ. По данным белорусских миграционных служб в 2015 г. в Российскую Федерацию выбыло на постоянное местожительство 5 137 граждан Республики Беларусь, а оттуда к нам прибыло 7 837 человек [1, с. 418–419]. Российские миграционные службы дают несколько иную картину масштабов белорусско-российской миграции. По материалам Федеральной службы государственной статистики России численность граждан, переехавших на постоянное местожительство в Россию из Беларуси, оказалась более чем в три раза выше, чем по белорусским данным (17 741 человек). По тем же российским данным к нам на постоянное местожительство переехали 12 832 человека [3, с. 210–211]. Эта цифра почти в 1,5 раза превышает аналогичный показатель белорусской статистики.

Приводя такие разночтения, мы не вправе обвинять ни белорусские, ни российские миграционные службы, ни статистические органы, обрабатывающие данные паспортных служб. Учет внутриреспубликанской миграции в Беларуси жестко балансируется на основе только талонов прибытия, по которым определяется место выбытия и прибытия. Это дает возможность обеспечить балансовую увязку внутриреспубликанской миграции, получить более достоверную информацию.

В отношении оценок учета внешней миграции населения существуют важные жизненные проблемы, вызывающие определенные нестыковки. Отсутствует информация по месту прибытия белорусских эмигрантов в другие страны. По прибытии в Республику Беларусь учитываются только лица, получившие право на регистрацию. Беженцы, незаконно прибывшие мигранты, не получившие соответствующего статуса, не учитываются. С точки зрения социологического подхода важны не только цифровые показатели, но и сами эти процессы, тенденции в этой сфере. Иногда расхождения в цифрах дают больше представлений о сущности протекающих процессов.

Например, гражданин прибыл из Гомеля в Минск. Этот факт фиксируется дважды: в первом городе он подсчитывается в качестве ушедшего, а во втором – в качестве прибывшего (на основе талонов

прибытия в Минск). Данные о внутренней миграции балансируются. Во внешней миграции, к примеру Гомель – Москва, белорусскими миграционными службами он однозначно фиксируется как выбывший. Его прибытие в Москву уже не касается белорусской миграционной службы. Его прибытие может растянуться на несколько лет. Может, он прибыл на постоянное местожительство в другой населенный пункт России? Или никуда официально не прибыл? Или прибыл в другую страну? Можно привести в качестве примера эмиграцию евреев в советские времена. В Союзе Советских Социалистических Республик их выезд фиксировался как выезд в Израиль, а в Вене многие из них меняли маршрут на Соединенные Штаты Америки, Канаду, Германию или другое государство. Для страны выбытия их статус не менялся, они из нее выбыли. О прибытии этих мигрантов мы можем знать из данных израильской статистики.

Данные белорусских миграционных служб не позволяют в полной мере оценить масштаб трудовой миграции. Эта информация может быть предоставлена только странами прибытия. Поэтому чтобы оценить масштабы миграции в Беларуси, необходима статистическая информация других стран. Так, по данным российских миграционных служб, 307,5 тыс. белорусских граждан (можно предположить, что это неполные сведения) в 2015 г. получили разрешение на временное жительство в различных регионах Российской Федерации [4, с. 34], т. е. получили статус трудовых мигрантов. Учитывая информацию о миграционных потоках Беларуси (это более 280 тыс. человек по данным паспортных служб Беларуси; более 82 тыс. человек по данным статистического управления ЕС; более 30 тыс. человек по данным паспортных столов России, а также более 307 тыс. белорусских трудовых мигрантов в Российской Федерации по данным российских миграционных служб), можно сделать следующий вывод: масштаб белорусской миграции значительно превышает 700 тыс. человек (это соответствует, например, численности населения трех крупнейших городов Гомельской области – Гомеля, Мозыря и Жлобина, или численности родившихся в Беларуси за последние семь лет). Проблема миграции сегодня занимает особое место в социальной и демографической политике Беларуси.

Специфика миграции обусловлена ее тесной связью со всеми сферами общественной жизни: внутренними и международными отношениями, социально-экономическими и политическими, личностными и общественными процессами, этническими и конфессиональными, расселенческими и экологическими факторами, уровнем жизни,

ситуацией на рынках труда и др. Вопрос усложняется также и тем, что различные силы во внутривнутриполитической борьбе используют информацию о миграционных процессах в своих целях или налагают запрет на публикацию информации о масштабах миграции. Миграционные процессы являются объектом изучения статистических, экономических, демографических, социологических, философских, географических, юридических, исторических и политологических наук.

О сложности проблемы миграции свидетельствует история демографических исследований в Беларуси. В начале 1960-х гг. пионеры белорусской демографии – сотрудники Научно-исследовательского института экономики и экономико-математических методов планирования при Государственном плане Белорусской Советской Социалистической Республики (сегодня – Научно-исследовательский экономический институт Министерства экономики Республики Беларусь) – столкнулись с определенными трудностями. Так, в монографии А. А. Ракова «Население БССР» (1969) информация по миграции была неполной: миграционное движение населения Беларуси было представлено в межреспубликанском разрезе по городской местности. Работа А. Н. Пешковой «Миграция населения Белоруссии» (1973) была опубликована под грифом «Для служебного пользования». Первая кандидатская диссертация по проблемам миграции «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» Л. Е. Тихоновой (1982) вышла под таким же грифом [5].

Несмотря на то, что теперь для научного сообщества нет искусственных преград, тема миграции выступает сложным и противоречивым объектом исследования, являясь своеобразной кентавр-проблемой. Речь идет не только о миграции в целом, а о белорусской миграции в частности. Затруднение вызывает вопрос определения реальных масштабов этого явления. Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией снижения численности населения. Хотя в последние годы благодаря активной социальной политике в репродуктивной сфере наблюдается рост рождаемости, численность населения снижается. Это, на наш взгляд, обусловлено последствиями миграционных процессов.

В плане масштабов прежде всего положительного или отрицательного сальдо белорусской миграции наблюдаются значительные разночтения. Чиновники, ссылаясь на данные текущего учета паспортных столов органов внутренних дел, считают, что миграционные процессы Беларуси характеризуются положительным сальдо. Так, в журнале «Экономический бюллетень» заведующий Центром соци-

ально-демографических исследований Научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь Н. И. Красовская утверждает, что в течение последних 20 лет Беларусь имеет положительный миграционный прирост [6, с. 9]. В нашей статье, опубликованной в этом же издании, но отредактированной (в связи с чем смысл оказался искаженным), появилась непонятная даже для автора фраза «...вместе с тем *отрицательный естественный прирост, который компенсируется миграцией*», выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике республики» [4, с. 33]. В оригинале было написано иначе: «*Но рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости*, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на ведущее место в демографической политике Республики Беларусь». И это существенное отличие «отредактированного» от авторского текста.

Ситуация в миграционных процессах Беларуси периода 1990–2009 гг. заставляет усомниться в размерах положительного сальдо миграции. По данным белорусских миграционных служб, текущая статистика последней четверти века постоянно предоставляла и продолжает предоставлять информацию о положительном сальдо белорусской миграции за эти годы. Результаты национальных переписей населения 1999 и 2009 гг. опровергли выводы о белорусском положительном миграционном сальдо, выявив, что Беларусь имеет устойчивое отрицательное сальдо миграционного обмена с другими странами.

По данным паспортных служб органов внутренних дел, отражающих текущий статистический учет миграционного движения Республики Беларусь, за период между переписями населения 1999 и 2009 гг. сальдо миграции оценивалось в 54,5 тыс. человек. Перерасчет динамики движения населения на основе материалов переписи 2009 г. за период 1999–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек (таблица 1).

Таблица 1 – **Общая численность населения и сальдо миграции населения Республики Беларусь в 1999–2008 гг. по материалам текущего учета и перерасчета после переписей населения, тыс. человек**

На начало года	Данные текущего учета		Данные после перерасчета переписи	
	Численность населения	Сальдо миграции	Численность населения	Сальдо миграции
1999	10 045,2		10 045,2	
2000	10 019,5	+12,1	10 002,5	–4,6

Окончание таблицы 1

На начало года	Данные текущего учета		Данные после перерасчета переписи	
	Численность населения	Сальдо миграции	Численность населения	Сальдо миграции
2001	9 990,4	+9,1	9 956,7	-17,7
2002	9 950,9	+5,6	9 900,4	-11,8
2003	9 898,6	+5,2	9 830,7	-13,2
2004	9 849,1	+2,1	9 762,8	-14,2
2005	9 800,1	+1,9	9 697,5	-15,8
2006	9 750,5	+5,6	9 630,4	-9,2
2007	9 712,5	+4,7	9 579,5	-7,7
2008	9 689,8	+8,2	9 542,4	-2,8
2009	9 671,9		9 513,6	
1999–2008	-370,3	+54,5	-531,6	-97,0
Примечание – Составлено на основе данных источников [1; 7].				

Такая ситуация была характерна для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь и в предыдущий межпереписной период 1989–1999 гг. Тогда, по данным текущего учета населения, считалось, что численность населения Беларуси на начало 1998 г. составила 10 203,8 тыс. человек. Положительное миграционное сальдо за период 1989–1998 гг. составляло 120,1 тыс. человек. Результаты переписи 1999 г. зафиксировали численность населения Беларуси в 10 045,2 тыс. человек, в результате чего численность на начало 1998 г. с 10 203,8 тыс. человек была скорректирована в сторону снижения до 10 093,0 тыс. человек. Показатель естественной убыли населения за этот период составил 81,3 тыс. человек (при 1 162,8 тыс. родившихся и 1 244,1 тыс. умерших). Оставшаяся убыль населения Республики Беларусь пришлось на миграцию, т. е. миграционное сальдо дало отрицательную величину в 25,3 тыс. человек [6, с. 38–39].

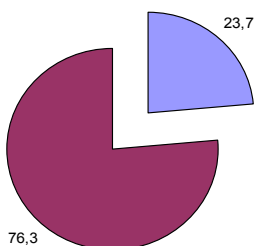
Наибольшая численность населения в истории Беларуси составляла 10 367,5 тыс. человек (на начало 1994 г.), которую международная статистика использует даже сейчас (после двойного перерасчета в национальной статистике наивысшей численностью населения страны на начало 1994 г. считается 10 243,5 тыс. человек [8, с. 35]). 1990–1993 гг. считаются периодом самых высоких темпов прироста населения Беларуси, что было вызвано массовым оттоком русскоязычного населе-

ния из стран Балтии, Закавказья и Средней Азии в связи с национальными конфликтами в этих регионах. Многие из них не задержались надолго в Беларуси. С 1994 г. Беларусь стала характеризоваться отрицательным сальдо миграции. Это было обусловлено рядом объективных (не зависящих от самой Беларуси) факторов. Например, сокращение рынка труда в стране. Развал единого экономического пространства вызвал падение занятости населения, численность занятых в экономике Беларуси за 1990–1995 гг. сократилась на 740 тыс. человек. Наибольшим масштабом сокращения занятости подвержены ведущие градообразующие отрасли экономики: в промышленности количество рабочих мест сократилось почти на 377 тыс. человек, строительстве – на 268 тыс., на транспорте – на 57 тыс. человек [8, с. 165]. Этот небывалый обвал национального рынка труда привел к трудовой миграции почти в миллионном масштабе. Во многих случаях трудовая миграция стала безвозвратной, образовался новый слой мигрантов – экспатов.

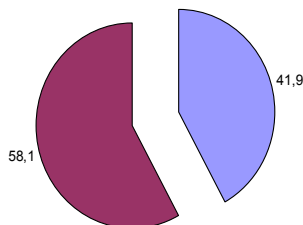
На начало 2016 г. численность населения Беларуси составляла 9 498,4 тыс. человек, т. е. за почти два десятилетия численность населения страны сократилась почти на 900 тыс. человек. Темпы и размеры этого сокращения в последнее десятилетие значительно увеличились. Так, за межпереписные 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. человек, а за период 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. человек. Таким образом, за последний межпереписной период это сокращение оказалось в 5 раз больше, чем за предыдущие межпереписные интервалы.

Показательной является тенденция изменения роли составляющих демографических процессов в сокращении численности населения страны. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла, соответственно, 76,3 и 23,7%, а за период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9% (рисунок). Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь – в 8,8 раза. Это свидетельствует о том, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния отрицательного сальдо миграции на депопуляционные процессы. Именно это выдвигает миграционную проблему на первый план в демографической политике страны.

**Соотношение факторов снижения численности населения
Республики Беларусь по данным переписей населения
Беларуси 1989, 1999 и 2009 гг., %**

1989–1998 гг.

1999–2008 гг.

Условные обозначения:

- 23,7% – миграционный фактор;
- 76,3% – фактор естественного движения;
- 41,9% – миграционный фактор;
- 58,1% – фактор естественного движения.

Такая ситуация свидетельствует о сложности определения масштабов и тенденций белорусской миграции в целом, выборе основных направлений демографической политики. Это подтверждают данные миграционного движения между Россией и Беларусью 2010–2015 гг. Согласно сведениям Национального статистического комитета Республики Беларусь величина международной миграции Беларуси за годы XXI в. характеризуется стабильным положительным сальдо, которое по этим данным в 2010 г. составило 10 303 человека, в 2011 г. – 9 900, в 2012 г. – 9 328, в 2013 г. – 11 643, в 2014 г. – 15 722, в 2015 г. – 18 494 человека. Положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза в 2010 г. составило 10 561 человек, в 2011 г. – 10 048, в 2012 г. – 7 590, в 2013 г. – 10 293, в 2014 г. – 13 943, в 2015 г. – 15 826 человек. Из них по данным национального текущего статистического учета на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившего 24 755 человек (в 2010 г. – 5 031 человек, в 2011 г. – 4 713, в 2012 г. – 3 067, в 2013 г. – 4 772, в 2014 г. – 4 662, в 2015 г. – 2 700 человек).

Можно сделать вывод, что это положительная динамика. Подобная тенденция, по данным паспортных служб, о текущем миграционном движении, была характерна и для предыдущих двух десятилетий. После проведенных переписей населения сальдо миграции оказалось не положительным, а отрицательным. Такая ситуация может сложиться после переписи населения Республики Беларусь в 2019 г. О таких предположениях свидетельствует сопоставление данных о белорусско-российском миграционном обмене. Показатели не совпадают.

Российские данные 2010–2015 гг. демонстрируют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35 152 человека. Белорусские данные за этот период показывают, что Россия имеет отрицательное сальдо в 24 745 человек (таблица 2). Отклонение составляет почти 60 тыс. человек.

Таблица 2 – Миграционный белорусско-российский обмен по данным текущего учета в Беларуси и России за 2010–2015 гг., человек

Годы	Белорусские данные			Российские данные		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	16 564	6 315	10 249
2013	9 150	4 378	4 772	15 748	12 031	3 717
2014	9 131	4 669	4 462	17 878	11 156	6 722
2015	7 837	5 137	2 700	17 741	12 832	4 909
2010–2015	53 612	28 867	24 745	83 007	47 855	35 152

Анализ масштабов миграции на основе материалов переписей населения 1989, 1999 и 2009 гг., а также сопоставление белорусских и российских данных статистики о миграции между Беларусью и Россией за последние 2010–2015 гг. не дают оснований утверждать о белорусском положительном миграционном сальдо.

На наш взгляд, в этой противоречивой информации в качестве верных можно рассматривать показатели белорусской стороны о численности прибывших из России в Беларусь. В отношении численности прибывших из Беларуси в Россию достоверны показатели российской стороны. В обоих случаях показатели основываются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное

прибытие граждан. Если говорить о выбытии в ту или другую страну, то часто речь идет о намерении переехать куда-либо на постоянное местожительство. В качестве доказательства этому может выступать упомянутая нами эмиграция еврейского населения из СССР в 1980-е гг. Реальное оформление в странах прибытия может затянуться надолго, а может и не состояться вовсе, но в стране выбытия люди уже считаются как эмигрировавшие. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. будут следующие: прибыло на постоянное местожительство в Беларусь из России 53 612 человека (данные белорусских паспортных столов), а в Россию из Беларуси прибыло 83 007 человек (данные российских миграционных служб). Россия в межгосударственном миграционном обмене 2010–2015 гг. имеет положительное сальдо почти в 30 тыс. человек, а Беларусь – отрицательное сальдо на эту величину.

Согласно белорусским показателям текущего учета выбытия граждан Беларуси в Россию зафиксировано 28 867 человек, т. е. почти в 2,9 раза меньше, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное местожительство в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное местожительство в Россию (данные России) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное местожительство в Россию (данные Беларуси). Это величина трудовой белорусско-российской миграции, которая по аналитическим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона в 2007–2008 гг. до 600 тыс. в 2013–2015 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. Этот фактор, а также российская миграционная политика, направленная на возвращение этнических русских, а также на привлечение в страну русскоязычного населения, ведут к росту белорусской миграции в Россию. Этому содействуют близость социокультурных характеристик русского и белорусского этносов, более высокий уровень заработной платы, продолжающиеся процессы сокращения занятости на белорусском рынке труда, а также российская миграционная политика.

Активная социальная политика Беларуси в репродуктивной сфере позволяет стране обеспечить высокий уровень рождаемости. Однако рост миграционного компонента в сокращении численности населения страны сводит на нет позитивные изменения в репродуктивной сфере. Наблюдается отток за пределы Беларуси населения наиболее

активного репродуктивного возраста. Это призывает социальную демографическую политику решать проблему миграции. Если все больше населения покидает страну в поисках лучших условий жизни, то это характеризует всю (не только репродуктивную) демографическую политику. Демографическая ситуация в республике не позволяет сделать вывод о том, что депопуляционные процессы в стране урегулированы. Сегодня рост рождаемости в Республике Беларусь обеспечивается репродуктивной когортой преимущественно в возрасте 25–34 лет, большей по величине, чем эта когорта ожидается в ближайшей перспективе. Так, на начало 2016 г. численность женщин в возрасте 25–34 лет составила 746,6 тыс. человек. Из них в 2015 г. пришлось 62,1% родившихся детей [1, с. 242–243]. К 2025 г. их численность (тех, кому на начало 2016 г. исполнилось 15–24 года) составит 511,2 тыс. человек. В 2035 г. их численность (тех, кому на начало 2016 г. исполнилось 5–14 лет) составит 468,3 тыс. человек [1, с. 53]. К 2025 г. репродуктивная база уменьшится на 31,5% по сравнению с 2015 г., соответственно, в 2035 г. этот показатель будет на 37,3% ниже, чем в 2015 г. Примерно через 10 лет проблема низкой рождаемости станет еще более острой, чем в 1997 г., когда Беларусь имела самый низкий уровень рождаемости в истории XX в. Это при условии, что страну не охватят миграционные процессы. Прогнозировать, что миграционная волна из Беларуси снизится, пока оснований нет.

Рост отрицательного сальдо миграции не компенсируется ростом рождаемости. Состояние миграционных процессов и сложившаяся демографическая ситуация требуют осуществления политики нейтрализации негативных последствий демографического спада, в котором повышается роль миграции. При проведении активной демографической политики Беларуси необходимо делать акцент на решении миграционных проблем, которые тесно связаны с обеспечением национальной безопасности страны. Это возможно, во-первых, путем повышения уровня жизни населения, а во-вторых, урегулирования процессов на национальном рынке труда.

Глава 10. МИГРАЦИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ БЕЛАРУСИ¹⁰

Демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. Хотя в последние годы в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдается повышение уровня рождаемости, тем не менее, происходит рост уменьшения численности населения страны. Это связано с повышением степени влияния миграционных процессов на демографическую ситуацию.

Так, во второй половине 2000-х гг. в сфере рождаемости наметилось улучшение ситуации. Если самый низкий уровень рождаемости в этом столетии пришелся на 2003 г., когда общий коэффициент рождаемости составил 9,0‰, то в 2007 г. он уже вырос до 10,8; в 2010 г. – 11,4; а в 2013 г. и 2014 г. – 12,5‰.

Из положительных демографических тенденций следует отметить и то, что в последние годы в Беларуси вырос суммарный коэффициент рождаемости (СКР). Наименьшим в истории Беларуси он был в 2003 г. – 1,232 рожденных детей на одну женщину (в городской местности он составлял 1,103, в сельской местности – 1,611). Наименьшим СКР в городской местности был в 1997 г. – 1,119; а в сельской – 1,596 в 2002 г. В 2013 г. СКР составил 1,668 (среди горожан – 1,497; среди сельчан – 2,929). Однако этого недостаточно.

Демографическая ситуация в стране по-прежнему характеризуется отрицательным сальдо естественного прироста населения, общее количество родившихся в последние годы меньше (на 10,1%) уровня 1993 г., когда в стране впервые сложилось отрицательное сальдо естественного прироста и началось резкое снижение рождаемости.

Тем не менее, при наметившихся положительных тенденциях в сфере рождаемости в Беларуси происходит сокращение общей численности населения. Наибольшая численность составляла 10 367,5 тыс. человек (на начало 1994 г.), которой международная статистика оперирует до настоящего времени (по корректировке 1996 г. в национальной статистике наивысшей численностью населения страны на начало 1994 г. считается 10 243,5 тыс. человек). На начало 2015 г. численность населения Беларуси составляет 9 480,9 тыс. человек, т. е. за почти два десятилетия она сократилась на 900 тыс. человек. В последнее десятилетие темпы и размеры этого сокращения значительно

---

¹⁰ Злотников А. Г. Миграция в демографических процессах Беларуси // Народонаселение. 2016. № 11. С. 63–73. – Исследование выполнено по гранту РГНФ-БРФФИ № Г15Р-047.

увеличились. Так, за межпереписные 1989–1999 гг. это сокращение составило 106,6 тыс. человек, а за период 1999–2009 гг. – 541,4 тыс. человек, т. е. за последний межпереписной период это сокращение оказалось в 5 раз большим, чем за предыдущие межпереписные годы.

Важной является тенденция изменения роли составляющих демографических показателей в этом уменьшении численности населения страны. Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла 76,3 и 23,7% соответственно, а за период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9%.

Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует о том, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния миграции на депопуляционные процессы.

Этот вывод автора вступает в противоречие с доминирующей оценкой, будто для демографических процессов Беларуси характерно положительное миграционное сальдо, сложившееся на основе данных текущего статистического учета.

Согласно данным текущего статистического учета величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI в. постоянно характеризуется положительным сальдо. К примеру, по этим данным за 2010–2014 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь в 2010 г. составило 10 303 человека, в 2011 г. – 9 900, в 2012 г. – 9 328, в 2013 г. – 11 643, в 2014 г. – 15 722 человека.

В том числе, согласно этим данным, положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза в 2010 г. составило 10 561 человек, в 2011 г. – 10 048, в 2012 г. – 7 590, в 2013 г. – 10 293, в 2014 г. (без балтийских стран и Грузии) – 13 943 человека. Из них по данным национального текущего статистического учета на долю Российской Федерации положительное сальдо миграции Республики Беларусь в 2010 г. составило 5 031 человек, в 2011 г. – 4 713, в 2012 г. – 3 067, в 2013 г. – 4 772, в 2014 г. – 4 662 человека [1, с. 418].

Такая динамика согласно данным национального текущего статистического учета фиксировалась и в предыдущие годы. Прошедшие в 1999 и 2009 гг. переписи населения выявили, что фактически положительного миграционного сальдо не наблюдалось (таблица 1), что характеризует противоречие между данными текущего статистического миграционного движения и перерасчетов после переписей населения.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика сальдо миграции Республики Беларусь по данным текущего статистического учета и после перерасчета переписей населения 1999 и 2009 гг., тыс. человек

Годы	Текущий учет	Перерасчет после переписи	Отклонение
2000	12,1	-4,6	16,7
2001	9,1	-17,7	26,8
2002	5,6	-11,8	17,4
2003	5,2	-13,2	18,4
2004	2,1	-14,2	16,3
2005	1,9	-15,8	17,7
2006	5,6	-9,2	14,8
2007	4,7	-7,7	12,4
2008	8,2	-2,8	11,0
2000–2008	54,5	-97,0	151,5

Так, по данным текущего статистического учета миграционное движение Республики Беларусь за период между переписями населения с 1999 по 2009 г. составило прирост в 54,5 тыс. человек.

Перерасчет динамики движения населения после переписи 2009 г. за период 2000–2008 гг. выявляет отрицательное миграционное сальдо в 97,0 тыс. человек. Такая же ситуация была характерна для оценки тенденций в миграционном движении Республики Беларусь в предыдущий межпереписной период 1989–1999 гг. [2, с. 39].

Это свидетельствует о сложности проблемы определения масштабов белорусской миграции в целом и белорусско-российской миграции населения, в частности, в которой Республика Беларусь выступает как страна-реципиент, так и как страна-донор. Это подтверждают сопоставимые и статистические данные миграционного движения между Россией и Беларусью, приводимые Федеральной службой государственной статистики России и Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь (таблица 2).

По материалам текущего статистического учета, основанного на данных прибытия (убытия), собираемых Департаментом по гражданству и миграции Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в белорусско-российском миграционном обмене в Беларуси за период 2010–2014 гг. имеется положительное сальдо в 20,0 тыс. человек. Однако по материалам Федеральной службы государственной статисти-

стики России Российская Федерация в безвозвратном белорусско-российском миграционном обмене имеет положительное сальдо в 30,2 тыс. человек, т. е. отклонение составляет более 50 тыс. человек.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2010–2014 гг. и Федеральной службы государственной статистики России за 2010–2014 гг., человек

Годы	Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь			Данные Федеральной службы государственной статистики России		
	Прибыли	Выбыли	Прирост	Прибыли	Выбыли	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	16 564	6 315	10 249
2013	9 150	4 378	4 772	15 748	12 031	3 717
2014	9 131	4 669	4 462	17 878	11 156	6 722
Примечание – Источник: [1, с. 423–425; 3].						

В этой противоречивой информации за верные можно принять показатели Национального статистического комитета Республики Беларусь о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Федеральной службы государственной статистики России. Те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих их реальное прибытие.

Если говорить о данных о выбытии в ту или другую страну, то часто мы имеем дело с намерением переехать в эту страну. Реальное оформление их в странах прибытия может затянуться надолго. Поэтому показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2014 гг. будут следующими: прибыли на постоянное место жительства в Беларусь из России 45 775 человек, а в Россию из Беларуси – 65 266 человек. Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо в 111 тыс. человек, а Беларусь – отрицательное сальдо на эту величину.

Если взять белорусские показатели текущего статистического учета выбытия в Россию, то они зафиксировали данные в 23 730 человек,

т. е. в 2,8 раза меньше, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (из Беларуси) и оформлением документом как прибывших в другую страну (в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Федеральной службы государственной статистики России) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Национального статистического комитета Республики Беларусь).

К этим факторам относится величина трудовой белорусско-российской миграции, которая, по нашим расчетам, в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. (2013–2014 гг.) белорусских граждан, занятых на российском рынке труда. Проблема белорусской трудовой миграции на российском рынке труда существенно влияет на демографические процессы в России, Беларуси.

Масштаб белорусской трудовой миграции на рынке труда России одна из важнейших информационных проблем. Если в отношении трудовых мигрантов на рынке труда России из других постсоветских государств российская статистика дает информацию, то в отношении трудовых мигрантов из Беларуси данные отсутствуют. Это связано с тем, что в результате действия Союза Беларуси и России белорусы на рынке труда России не считаются иностранными мигрантами.

Во-первых, этим Россия предоставляет возможности Беларуси снизить остроту с занятостью, обеспечить ей самый низкий уровень безработицы на пространстве бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР). *Во-вторых*, трудовая миграция обеспечивает приток иностранной валюты в Беларусь. *В-третьих*, белорусские трудовые мигранты удовлетворяют потребность российского рынка труда. *В-четвертых*, Россия в белорусских трудовых мигрантах видит возможность их перевода из трудовых мигрантов в постоянных жителей, граждан России.

То, что происходит в России, отражается и на процессах, происходящих в Беларуси. Это свидетельствует, что в современном развитии на постсоветском пространстве демографические процессы находятся во главе глобальных перспектив развития наших государств.

В России белорусские трудовые мигранты не являются в классическом виде трудовыми мигрантами, как мигранты из других стран бывшего СССР. Белорусы в России являются экспатами – теми, кто живет за пределами Беларуси, не меняя гражданства, пока им там

лучше, там они больше зарабатывают. Тем более, что по менталитету, социокультурным ценностям эти белорусы ничем существенно не отличаются от русских. Многие из них имеют два паспорта (гражданина Беларуси и гражданина России), что негативно сказывается на демографических процессах Беларуси. Это ставит перед Беларусью заботу сохранения своего демографического потенциала первостепенной. Как показывает исторический опыт многих стран и Беларуси начала XX в. в том числе, примерно 60% трудовых мигрантов (это наиболее активная и в репродуктивном плане часть населения) в итоге остаются в принимающей стране.

Положительной для России тенденции в белорусско-российском миграционном обмене способствуют активно реализуемые в России с 2010 г. социально-управленческие механизмы в миграционной сфере. Федеральным законом «О ратификации Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей» от 11 июля 2011 г. № 186-ФЗ предусмотрены существенные преференции для мигрантов и членов их семей из стран – членов Таможенного союза, ориентируясь, прежде всего, на славянское население из Беларуси. Если прежние юридические основы давали преференции только самим трудовым мигрантам из Беларуси, то новые юридические основы способствуют объединению семей, в перспективе их переезду и закреплению в России. Для Беларуси это демографические потери. В демографической сфере национальные интересы Беларуси и России не совпадают.

В качестве одного из вариантов определения числа белорусских трудовых мигрантов в России можно воспользоваться информацией Центрального банка Российской Федерации о переводах ими денег в Беларусь из России. Так, во втором квартале 2015 г. физическими лицами-резидентами из России белорусские трудовые мигранты перевели 50 млн долл. США (в среднем – по 321 долл. США), физическим лицами-нерезидентами – 21 млн долл. США (в среднем – по 316 долл. США). Расчеты показывают, что численность трудовых мигрантов следующая: физических лиц-резидентов – 157 763 человека, а физических лиц-нерезидентов – 66 456 человек, что в общем итоге составляет 224,2 тыс. человек. Эти средние величины за квартал (321 и 316 долл. США соответственно) являются незначительными, так как они соответствуют в сопоставимых величинах приблизительно среднемесячной заработной плате в Беларуси.

Лично привозится еще больше валюты. Не все белорусские трудовые мигранты используют переводы. Этим они пользуются только в

экстренных случаях. О получаемых денежных (банковских и почтовых) переводах белорусские банки должны сообщать в налоговые службы, у их получателей возникает ряд проблем.

Поэтому о численности белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда (ее не представляют и российские источники) можно судить косвенно (на основе расчетных данных). Эта информация Центрального банка Российской Федерации дает возможность определить в первом приближении белорусские демографические потери в миграционном обмене Беларуси и России. Эта величина даже в первом приближении, *во-первых*, свидетельствует о более высоком количестве трудовых мигрантов в России, чем считается на официальном уровне, а *во-вторых*, о миграционных потерях Республики Беларусь.

Другим аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является ее демографическая структура.

По данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь, в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старшего (пенсионного) возраста, а в Россию, по данным Федеральной службы государственной статистики России, из Беларуси на постоянное место жительства переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения, сокращается репродуктивная база демографического развития Беларуси, происходят потери более образованного населения.

Российское законодательство в последние годы создало преференции для граждан Беларуси, выступающих в качестве доноров, как привлечения этого населения для российского рынка труда, так и роста репродуктивной базы демографического развития России. Это означает, что такой миграционный обмен между Беларусью и Россией создает угрозу для внутреннего рынка труда Беларуси и перспектив демографического развития.

Из каких стран прибывают мигранты в Беларусь? Какое влияние они оказывают на социально-экономические процессы и демографическое развитие Беларуси?

В последние годы наибольшую численность иммигрантов в Беларусь составляют украинцы, их удельный вес в последнее время вырос. Если за 2010–2013 гг. из стран Содружества Независимых Госу-

дарств (СНГ) удельный вес мигрантов с Украины составил 16,9%, то в 2014 г. он увеличился до 31,8% [1, с. 422]. За первый квартал 2015 г. из 6 857 трудовых мигрантов в Беларуси из стран СНГ на Украину пришлось 3 821 человек, или 55,7%. Это почти в 3 раза больше, чем из России, Узбекистана, Литвы, Казахстана, Грузии, Азербайджана и Молдовы, вместе взятых.

Следует отметить, что эти данные не являются полными, так как значительная часть мигрантов из Украины не всегда изъявляет желание каким-то образом официально зафиксировать свое пребывание в Беларуси. Они часто находят приют у своих близких или дальних родственников. Такая ситуация связана с кризисной ситуацией на Украине, главным образом, в Луганской и Донецкой областях, хотя есть мигранты и из других регионов Украины.

Это вынужденное переселение по своим социальным, экономическим и психологическим последствиям для большинства взрослых людей стало настоящей жизненной катастрофой. Его особенность, в отличие от времени периода конца 1980-х – начала 1990-х гг. заключается в том, что это переселение совершается в ограниченном временном промежутке. Это исключает возможность подготовиться к перемене места жительства, что накладывает особый отпечаток на ситуацию с украинскими вынужденными переселенцами.

Ситуация с мигрантами из этих стран неоднозначна. Значительная часть украинских мигрантов в связи с критической социально-политической ситуацией в их стране изъявляет желание приобрести вид на жительство в Беларуси. Этому способствует белорусская политика, стимулирующая привлечение специалистов в Беларусь. *Во-первых*, материальные и финансовые ресурсы такого стимулирования в Беларуси незначительны, а *во-вторых*, оно фактически направлено на привлечение малоквалифицированных работников.

Уже в первом квартале 2015 г. фонд стимулирования миграции в Республику Беларусь (около 7 млн бел. р. на одного мигранта, а по текущему курсу это составляет примерно 25 тыс. рос. р.) оказался исчерпанным. В основном, украинским мигрантам предоставлялись рабочие места в аграрном секторе экономики, где зарплата не отвечала их ожиданиям. Многие из них, получив подъемные, уехали из хозяйств. Механизм возврата подъемных не выработан.

Можно привести следующие обстоятельства: прибыв в хозяйство, эти переселенцы сначала интересовались, когда и как можно продать выделенное им жилье. Это означает, что украинские переселенцы считают свое пребывание здесь временным, вряд ли стоит на них рас-

считывать как на демографический потенциал. Они, как свидетельствуют работающие с ними волонтеры, при урегулировании критической социально-политической ситуации на Украине в Беларуси не задержатся.

Надеяться на демографический прирост за счет таких мигрантов с Украины не приходится.

В последние годы для Республики Беларусь характерной становится тенденция роста трудовой миграции из такой крупнейшей страны Азиатско-Тихоокеанского региона, как Китай. Если за 2010–2012 гг. из Китая в Беларусь прибыло 386 человек, или около 1% всех иммигрантов, то в последующие годы наблюдается их постоянный рост. В 2013 г. удельный вес китайских мигрантов (285 человек) составил 1,5%, в 2014 г. общая численность иммигрантов из Китая выросла до 465 человек, или более 1,8% [1, с. 422]. За первый квартал 2015 г. численность китайских трудовых мигрантов составила 1 331 человек, или 19,4%.

В начале июля 2015 г. около 250 китайских рабочих в сопровождении белорусского отряда милиции особого назначения прошли почти 30 км пешком в Гомель из районного центра Добруш, где они были заняты на строительстве картонного комбината. Из Гомеля они намеревались пешком дойти до Минска (около 300 км), чтобы выразить своему посольству протест по поводу невыплаты за апрель – май заработной платы. До Минска они не дошли, в Гомель успел прибыть проинформированный о сложившейся ситуации с соотечественниками Чрезвычайный и полномочный посол Китайской Народной Республики в Республике Беларусь Цуй Цумин. После «переговоров» с послом рабочие вернулись к месту жительства и работы. Местные власти предоставили протестующим автобусы для обратного проезда в Добруш «во избежание еще какого-либо инцидента». Официальная белорусская пресса об этом инциденте ничего не сообщала, хотя претензий у китайских рабочих к белорусским властям не было. Это был конфликт между рабочими и подрядчиком, китайской компанией-застройщиком – XY Group (Xuan Yuan Industrial Development Co., LTD).

Белорусские строители, которые также принимали участие в строительстве, претензий по оплате труда не имели, хоть они получали значительно меньше китайских рабочих. Этот демарш выявил много проблем, которые белорусской стороне еще предстоит серьезно осмыслить.

В 2012 г. Правительство Беларуси начало техническое переоснащение филиала «Добрушская бумажная фабрика “Герой труда”» с организацией производства мелованных и немелованных видов кар-

тона. Общие затраты по проекту – 509,9 тыс. долл. США, из которых почти 70% (348,6 млн долл. США) – кредит сроком на 13 лет – выделил Государственный банк развития Китая с условием, что строительство осуществляется в основном китайскими рабочими, которых в Добруше занято более тысячи человек.

Не вникая во внутренние китайские проблемы с организацией труда, условиями договора китайских рабочих со своей компанией, системой штрафов за срыв графика работ, порядком выплаты заработной платы, важно уяснить, что приобретает и теряет белорусская сторона при использовании зарубежных, в частности, китайских кредитов и гастарбайтеров.

Белорусская сторона эти кредиты рассматривает как своеобразные иностранные инвестиции в национальную экономику. Ими в значительной степени инвестируется китайская экономика. В случае с использованием в Беларуси на строительстве в основном китайских рабочих не только в Добруше, но и на многих других объектах, строительство которых осуществляется за счет китайских кредитов, мы можем вести речь об особом виде трудовой миграции – кредитной миграции.

В миграционистике есть ряд понятий, отражающих многообразные виды миграции: иммиграция, эмиграция, беженцы, внутренняя, безвозвратная, маятниковая, трудовая, учебная, туристическая, нелегальная и др.

Ситуация с трудовыми мигрантами из Китая выявила, что для миграционных процессов Беларуси новым видом стала кредитная миграция. Если в экономическом плане иммигранты (кроме нелегальных мигрантов) вносят разные платежи в бюджет государства, куда они прибыли, если они заняты на рынке труда, то субъекты хозяйствования вносят за них в Фонд социальной защиты населения Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь отчисления (в Беларуси – 35%). Также с работников берутся подоходный налог (в Беларуси сейчас составляет 13%) и пенсионные отчисления (в Беларуси сейчас составляют 1%). Также в Беларуси появилась группа трудовых мигрантов, которых это не касается. Они даже освобождены от платы за визы или за разрешение на работу на рынке труда страны.

Если бы Беларусь, как Россия, испытывала недостаток в трудовых ресурсах, то такой подход можно было оправдать. Трудовой потенциал Беларуси (по расчетам, от миллиона человек в 2007–2008 гг. до 600 тыс. на данный момент) составляет большую группу трудовых

мигрантов на российском рынке труда, так как в Беларуси существует проблема его занятости.

Для характеристики китайской трудовой миграции Беларуси следует учитывать социальное и экономическое содержание трудовой миграции в целом. Обычная трудовая миграция (гастарбайтеры) в финансовом отношении представляет способ перекачки и привлечения иностранной валюты в национальную экономику тех стран, откуда прибыли трудовые мигранты. Заработав ее в других странах, они привозят (или осуществляют почтовые или банковские переводы) финансы в свою. В своей стране они меняют валюту, пополняя валютные средства страны, включают ее в оборот на различные производственные и потребительские нужды. Так, только в 2014 г. белорусские гастарбайтеры, занятые в России и других европейских странах, только переводами инвестировали в национальную экономику 1,05 млрд долл. США. С учетом открытости белорусско-российской границы эта величина значительно больше.

Профессионально-квалификационный состав китайских мигрантов составляют рабочие массовых строительных профессий, которых в Беларуси достаточно, не все они находят место приложения труда в своей стране. В основном, это мужская рабочая сила. Если в 2014 г. среди иммигрантов Беларуси мужчины составляли 53,8%, то среди иммигрантов из Китая удельный вес мужчин составил 83,7% [1, с. 425].

Есть и другой аспект этого конфликта – трехмесячная задержка выплаты заработной платы. На наш взгляд, те, кто руководили этим строительством, держали на депозите начисленную китайским трудовым мигрантам зарплату. Это распространенная практика, тем самым они имели хороший «заработок». Было несколько случаев, когда китайские менеджеры приобретали в Гомеле квартиры. Можно предположить, что депозиты здесь сыграли свою роль.

По данным миграционных служб Гомельской области на ее территории работают 3,5 тыс. трудовых мигрантов из Китая. Только с начала 2015 г. их численность выросла на 1,6 тыс. человек. В Гомельской области существует пять таких кредитно-инвестиционных объектов: Светлогорский завод по производству сульфатной беленой целлюлозы, Добрушская бумажная фабрика «Герой труда» с организацией производства мелованных и немелованных видов картона, электрификация Гомельского участка железной дороги, часть автодороги Гомель – Минск, планируется реконструкция Гомельской ТЭЦ-1, для работы на которой предполагается приезд около 350 китайских строителей.

В Беларуси есть еще масса объектов, на которых заняты китайские рабочие. Наиболее известным из них является комплекс «Великий Камень» (Great Stone) рядом с Национальным аэропортом. По данным средств массовой информации, всего в белорусской экономике в настоящее время заняты около 10 тыс. китайских иммигрантов. Большинство из них – это кредитные мигранты.

Кредитная миграция, как в данном случае с китайскими строителями в Беларуси, *во-первых*, сохраняет валюту для своей (китайской) экономики (зарплата китайским строителям выплачивается в юанях, которая у тех, кто работает в Добруше, составила от 6 до 12 тыс. юаней в месяц, что равняется приблизительно от 1 до 2 тыс. долл. США), *во-вторых*, способствует инвестированию кредитора дебитором. Кроме того, такая практика не сокращает отток белорусов на рынок труда других стран.

Значительная часть кредита (переменный капитал), которую составляет заработная плата китайским строителям, возвращается в Китай. Тем не менее, белорусская сторона эту часть кредита (уже возвращенную в Китай) будет погашать в течение 13 лет. На таких условиях страна-дебитор инвестирует в экономику страны кредитора. Именно задержка выплат заработной платы строителям в Добруше подрядчиком (компанией-застройщиком XY Group) выявляет этот аспект. Те, кто озабочен привлечением в Беларусь как можно большего количества иностранных инвестиций, не вникают в условия выделения китайских кредитов – в то, что они осваиваются гражданами Китая. Это в результате приводит к тому, что кредитный долг увеличивается как минимум в полтора раза по сравнению с обычным выделением кредитов.

Ситуация в миграционных процессах Беларуси опровергает выводы белорусских аналитиков об их положительных последствиях.

Вывод разработчиков Национальной программы демографической безопасности Республики Беларусь на период 2011–2015 гг. о том, что страна имеет положительное сальдо внешней миграции, является ошибочным. Текущая статистика дает данные о положительном сальдо миграции в последние годы. По данным таблиц 1 и 2 можно сделать вывод, что в предыдущий межпереписной период текущая статистика тоже давала положительное сальдо миграции, но перепись их опровергала. Эта тенденция дает основание предположить, что такая же судьба ждет выводы о положительном сальдо миграции в текущем послепереписном периоде.

Кроме общих потерь населения за счет миграции существует и ряд других проблем, негативно сказывающихся на демографическом раз-

витии Беларуси. Таким явлением стало нарушение в возрастной структуре миграционного движения населения Беларуси половозрастной эластичности. Беларусь преимущественно покидает молодое население.

Так, по итогам международного миграционного обмена Беларуси за 2006–2008 гг., когда он характеризовался положительным сальдо миграции в 18 447 человек, в возрастной когорте 25–29 лет Беларуси наблюдалось отрицательное сальдо миграции (–526 человек). Среди женского населения в возрастной группе 25–29 лет (потенциальных невест и матерей) отрицательное сальдо миграции составило – 493 человека. В результате, *во-первых*, уменьшается демографический потенциал Беларуси; *во-вторых*, возрастает трудовая нагрузка на трудоспособное население, на социальную сферу.

Негативное влияние на демографические процессы оказывает продолжающийся отток сельского населения в городскую местность, а также отрицательный миграционный баланс областей со столицей (Минском). Переход активного демографического потенциала из областей в столицу, которая уже длительное время характеризуется среди регионов Беларуси низкой рождаемостью [1, с. 147, 150], уступая нижнюю строчку только Витебской области, не способствует ее росту. Это свидетельство о социологической закономерности – негативном демографическом эффекте больших городов.

В результате в силу нарушения в межобластной миграции половозрастной эластичности в устойчивом развитии Беларуси усиливается негативное демографическое развитие областей. Президент Республики Беларусь не раз высказывал озабоченность этим обстоятельством. Преобладание в миграционном оттоке из сельской местности и областей молодежи отрицательно сказывается на демографическом и социально-экономическом положении села и областей.

Развитие страны не может быть устойчивым без устойчивого развития ее регионов, а демографический фактор – важнейший его элемент. Из-за оттока из регионов населения в наиболее активном демо-воспроизводственном возрасте в них снижается рождаемость, а также трансформируется возрастная структура с преобладанием пожилого населения.

Из трех важнейших демографических показателей (рождаемость, смертность, миграция) главными направлениями преодоления депопуляции являются обеспечение роста рождаемости и поворота в миграционном движении населения. На подъем рождаемости направлены все демографические мероприятия в стране. Проблема повышения рождаемости как главное направление в демографической

политике является ведущей в социальной политике. Рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на первый план в демографической политике Республики Беларусь.

Глава 11. ВНУТРЕННЯЯ МИГРАЦИЯ В ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ¹¹

Важным аспектом демографической политики является реализация политики сбалансированного функционирования и развития территориальных систем, что в социальном плане отражают миграционные процессы. Миграционное движение характеризуется различными многогранными, как внешними, так и внутренними процессами. С позиций обеспечения демографической безопасности страны больше всего внимания привлекают внешние (эмиграционные и иммиграционные) потоки, которые сказываются на росте или уменьшении численности населения страны. Наиболее массовыми являются миграционные процессы внутри страны. Их важность определяется, во-первых, их влиянием на изменения в численности населения городской и сельской местности, а также отдельных регионов страны. Во-вторых, они, с одной стороны, отражают, а, с другой стороны, влияют на содержание внутренних социально-экономических и демографических процессов. Они сказываются на демографических потерях большинства регионов Беларуси и содержании социально-экономических проблем регионов.

Внутриреспубликанская миграция в Республике Беларусь по своей величине во много раз превышает внешнюю миграцию. Миграция населения внутри страны включает многочисленные виды, одни из которых (межобластное и внутриобластное миграционное движение, состоящее из межрайонного и внутрирайонного движения населения) миграционная статистика фиксирует, а другие (внутригородская перемена места жительства, а также маятниковая миграция) остаются вне ведения миграционной статистики.

Так, внутриреспубликанское миграционное движение в 2019 г. составило 240,4 тыс. человек, что в 5,8 раза больше прибывшего в Беларусь населения и в 11,5 раза превысило численность выбывшего из Беларуси населения в другие страны. Однако любое внутреннее

---

¹¹ Злотников А. Г., Нилова Е. Е. Внутренняя миграция в демографических процессах регионов Беларуси // Потребит. кооп. 2022. № 2. С. 41–48.

миграционное движение предполагает сразу два вида миграции. С одной стороны, выбытие из одних регионов, а с другой стороны, их прибытие в иные регионы, то суммарно внутреннее (межобластное и внутриобластное) миграционное движение (или миграционный оборот) характеризуется величиной в 480,8 тыс. человек. Среди зарегистрированной статистикой внутривнутриреспубликанской миграции наибольший удельный вес приходится на межобластную миграцию, составившую в 2019 г. 127,4 тыс. человек, или 53,0%. Фиксируемый статистикой внутренний миграционный оборот в 2019 г. почти в 8,6 раза превысил величину суммарного международного миграционного оборота Республики Беларусь. Это свидетельствует о значимости внутренней миграции для большинства областей Республики Беларусь, демографические потери которых за счет внутривнутриреспубликанской (межобластной) миграции не покрывают фиксируемую статистикой величину международной миграции (таблица 1).

Таблица 1 – Основные итоги (сальдо) миграционных потоков регионов Республики Беларусь за 2015–2019 гг., человек

Регионы	Всего	В том числе за счет	
		международной миграции	внутриреспубликанской миграции
Беларусь, всего		53 540	
В том числе по областям:			
Брестская область	-7 958	8 082	-16 040
Витебская область	-7 766	3 687	-11 453
Гомельская область	-8 949	6 035	-14 984
Гродненская область	-4 940	3 683	-8 623
г. Минск	40 625	23 289	17 336
Минская область	40 787	7 231	33 556
Могилевская область	-8 259	1 533	-9 792
Примечание – Источник: [1].			

Масштабы суммарного внутривнутриреспубликанского миграционного оборота последнего десятилетия характеризуются следующими данными: в 2010 г. – 422 420 человек, в 2011 г. – 391 752, в 2012 г. – 388 528, в 2013 г. – 412 022, в 2014 г. – 445 750, в 2015 г. – 491 342, в 2016 г. – 462 794, в 2017 г. – 476 798, в 2018 г. – 478 642, в 2019 г. – 480 788 человек.

Удельный вес внутреннего оборота миграции в суммарном миграционном обороте Республики Беларусь в 2012 г. составил 93,6%, в 2013 г. – 94,0, в 2014 г. – 92,8, в 2015 г. – 92,8, в 2016 г. – 95,1, в 2017 г. – 93,3, в 2018 г. – 95,1%, только в 2019 г. он оказался менее 90% и составил 89,6%. Это свидетельствует о тенденции роста внутренней миграции, отражающей рост социально-экономических проблем трудового потенциала Беларуси, влияющих на демографическое развитие страны.

Также в сравнении с другими демографическими показателями внутриреспубликанский миграционный оборот значительно преобладал. В 2019 г. он оказался в 5,1 раза больше рождаемости и в 4 раза выше показателей смертности. По сравнению с другими демографическими процессами его масштабы оказались еще более высокими: более чем в 7 раз выше количества заключенных браков и почти в 15 раз больше количества разводов.

Таким образом, внутрорегиональная миграция является крупнейшим социально значимым явлением, проникая во все сферы социально-экономического развития страны. Это требует необходимости более глубокого и всестороннего ее анализа в экономических, социальных и демографических процессах, так как взаимодействие мобильности и стабильности сказывается на главной социальной проблеме белорусского государства – на демографических процессах. Стабильность способствует демографическому развитию, высокая мобильность, часто связанная с нарастающими проблемами социального характера, является одним из факторов депопуляционных процессов, так как новое место жительства требует разнообразной адаптации.

Только ежегодная международная белорусская трудовая миграция почти в 2,4 раза больше величины внутриреспубликанской миграции. Среди международной трудовой миграции Беларуси преобладает занятость белорусов на рынках труда соседних государств, которая в десятки раз выше, чем использование трудовых мигрантов в экономике Республики Беларусь. Основной белорусский поток трудовых мигрантов связан с занятостью белорусских граждан на рынке труда Российской Федерации.

Это выдвигает проблему внутриреспубликанской миграции на ведущее место среди всех демографических процессов и явлений Республики Беларусь. Важной особенностью внутриреспубликанской миграции населения являются направления ее потоков. Во-первых, остается преобладающей миграция населения из сельской в городскую местность. Основную роль во внутренней миграции играют пе-

ремещения населения из сельской местности в города, а также, как правило, из малых и средних городов и поселков городского типа в более крупные города.

Во-вторых, большинству областей страны характерно отрицательное сальдо внутриреспубликанской миграции, население которых притягивает столица и столичная область. Миграционные потери населения пяти областей (Брестской, Витебской, Гомельской, Гродненской и Могилевской) во внутриреспубликанском миграционном обмене за 2015–2019 гг. составили 50,9 тыс. человек. Положительное сальдо Минской области во внутриреспубликанской миграции за пятилетний период составило 33 556 человек, а г. Минска – 17 336 человек. В последние три года притяжение Минской области оказалось большим, чем столицы. Миграционный прирост Минской области составил 65,9% общего миграционного прироста столичной агломерации, или почти в 2 раза больше, чем г. Минска (таблица 2). Это отражает проводимое в Республике Беларусь развитие в Минской области городов-спутников столицы. Из столицы многие промышленные предприятия перебазируются в пригороды Минска, а также в близлежащие городские поселения Минской области.

Таблица 2 – Сальдо внутренней миграции Республики Беларусь в межобластном обмене населением за 2015–2019 гг., человек

Области	2015	2016	2017	2018	2019	2015–2019
Брестская область	-6 294	-3 659	-1 836	-2 938	-1 313	-16 040
Витебская область	-2 262	-2 543	-2 102	-2 276	-2 270	-11 453
Гомельская область	-4 365	-3 096	-2 285	-2 967	-2 271	-14 984
Гродненская область	-3 482	-2 513	-846	-963	-819	-8 623
г. Минск	12 051	7 334	2 165	5 303	483	17 336
Минская область	7 477	5 978	6 791	5 651	7 659	33 556
Могилевская область	-3 125	-1 501	-1 887	-1 810	-1 469	-9 792
Примечание – Источник: [1].						

Этот аспект внутриреспубликанской миграции также связан со значительными масштабами учебной миграции, приходящейся на столицу, в связи с этим – негативным влиянием миграционного притяжения Минска на рождаемость. Минск среди регионов Беларуси имеет один из низких в стране показателей рождаемости, хотя в сто-

лице сосредоточен наибольший удельный вес женского населения города в наиболее активном репродуктивном возрасте. Этот низкий уровень рождаемости объясняется тем, что мигранты (студенты-выпускники) для закрепления в столице, имеющей более широкие возможности трудоустройства, ориентированы в первую очередь на решение жилищной проблемы и профессионального становления.

Остальные области Республики Беларусь характеризуются отрицательным сальдо внутриреспубликанской миграции населения. Так, межобластные миграционные потери за последние пять лет составили по Брестской области 16 040 человек, по Гомельской области – 14 984, по Витебской области – 11 453, по Могилевской области – 9 792, по Гродненской области – 8 623 человека. Наиболее значительные миграционные потери в межобластном обмене населения в прошедшем десятилетии пришлось на 2015 г. В Брестской области наметилась тенденция снижения в 4,8 раза отрицательного межобластного миграционного сальдо. Несколько меньшая тенденция снижения (в 4,3 раза) отрицательного межобластного миграционного сальдо присутствует в Гродненской области. По данным таблицы 2 можно сделать вывод, что значительно меньшие темпы снижения внутренних миграционных потерь приходятся на восточные области. Миграционные потери в межобластном обмене населением Гомельской и Могилевской областей снизились примерно в 2,1 раза. В Витебской области, имеющей в 2019 г. одинаковую с Гомельской областью величину этого сальдо, но с меньшей численностью населения на 250 тыс. человек по сравнению с Гомельской областью, уровень миграционных потерь остается стабильно высоким.

Данных о миграционных процессах в Республике Беларусь с 2020 г., как и о других демографических явлениях, нынешняя национальная статистика не публикует. Однако опубликованная информация об общей численности населения за 2020 и 2021 гг. несмотря на пандемию COVID-19 дает возможность предположить, что тенденции в миграционной картине не изменились, а даже осложнились (таблица 3).

Таблица 3 – Численность населения Республики Беларусь в разрезе городской и сельской местности, человек

Годы	Всего населения	Городское население	Сельское население
<i>На дату переписи</i>			
1999	10 045 237	6 961 516	3 083 721
2009	9 503 807	7 064 529	2 439 278

Окончание таблицы 3

Годы	Всего населения	Городское население	Сельское население
2019	9 413 446	7 299 989	2 113 457
<i>На начало года</i>			
2019	9 429 257	7 291 709	2 137 548
2020	9 410 259	7 303 905	2 106 354
2021	9 349 645	7 280 320	2 069 325
2022	9 255 524	7 232 095	2 023 429

Их осложнение связано с напряженностью в демографической сфере, которое нами прогнозировалось 10 лет тому назад. В монографии «Демографические идеи и концепции» прогнозировалось, что стране грозит новая «демографическая яма»: «Демографическое развитие Беларуси, как в ближайшей, так в среднесрочной и отдаленной перспективе будет осуществляться в депопуляционном инерционном режиме, если не развивать новые стратегические направления демографического развития, связанные с повышением качества населения, сохранением и воспроизводством его жизненного и трудового потенциала» [2, с. 282]. Только за 2021 г. численность населения Республики Беларусь уменьшилась на 94,1 тыс. человек, т. е. даже больше, чем за последние 10 лет межпереписного периода. За период 2009–2019 гг. уменьшение численности населения страны составило 90,4 тыс. человек.

Влияние демографических процессов (падения рождаемости, роста смертности, отрицательного сальдо внешней миграции) на такое уменьшение нынешняя национальная статистика не дает. На наш взгляд, имеют место все перечисленные явления. В этом уменьшении рождаемости видно влияние сокращения численности родившихся в конце XX – начале XXI вв., т. е. существенно сократившихся объемов нынешнего репродуктивного потенциала. В росте уровня смертности ощутимо влияние пандемии COVID-19. На рост отрицательного сальдо между белорусской эмиграцией и иммиграцией повлияли санкционные меры и политическое давление западных стран в отношении белорусского государства. Уровень эмиграции в Республике Беларусь даже существенно более высокий, чем это фиксируется статистикой органами Министерства внутренних дел Республики Беларусь. Это связано с тем, что в странах въезда не требуется в отличие от внутренних перемещений документов о выписке с прежнего места жительства.

Перепись населения Республики Беларусь 2019 г. выявила, что в Беларуси сохранились сложившиеся с начала 1990-х гг. негативные демографические тенденции. Во-первых, это отрицательная динамика в общей численности населения, сложившаяся в начале 1990-х гг. Во-вторых, сложились разнонаправленные тенденции в изменении динамики численности населения городской и сельской местности: численность населения городской местности после периода роста в 2020 г. стала уменьшаться, а численность населения сельской местности, как и ранее, продолжает уменьшаться. Рост численности городского населения в межпереписной период 2009–2019 гг. оказался значительно меньшим (3,3%), чем уменьшение численности сельского населения, где процент снижения составил 13,4%. В 2021 г. численность населения в городской местности сократилась на 48,2 тыс. человек, в то время как сокращение численности населения в сельской местности составило 45,9 тыс. человек [3]. Только в двух районах среди восточных областей в динамике численности сельского населения имеется рост его численности – в Мозырском и Гомельском районах (Гомельская область). Такой же положительный рост в межпереписном периоде отмечен в Брестском, Минском и Смолевичском районах. Эти перечисленные районы характеризуются высоким уровнем социально-экономического развития.

Сокращение численности населения в восточных областях оказалось большим, чем в целом по Республике Беларусь. Так, удельный вес численности населения Витебской, Гомельской и Могилевской областей в численности населения Республики Беларусь составляет более трети (37,4%), но доля этих областей в сокращении численности населения Беларуси оказалась значительно выше, составив за 2019–2021 гг. в Витебской области 39,1 тыс. человек, в Гомельской области – 36,1, в Могилевской области – 28,4 тыс. человек (таблица 4).

Таблица 4 – **Численность населения Республики Беларусь в разрезе областей и г. Минска за 2019–2021 гг. (на начало года), человек**

Регионы	2019	2020	2021	2022
Беларусь, всего	9 429 257	9 410 259	9 349 645	9 255 524
В том числе по областям:				
Брестская область	1 350 834	1 347 240	1 338 044	1 324 027
Витебская область	1 142 936	1 133 625	1 120 364	1 103 833
Гомельская область	1 393 996	1 386 824	1 375 286	1 357 897

Окончание таблицы 4

Регионы	2019	2020	2021	2022
Гродненская область	1 030 051	1 025 680	1 017 976	1 006 614
г. Минск	2 012 896	2 020 133	2 009 786	1 996 553
Минская область	1 469 253	1 473 247	1 473 346	1 465 755
Могилевская область	1 029 291	1 023 510	1 014 843	1 000 845
Примечание – Источник: [4].				

Наибольший рост численности населения приходится на крупные города – областные центры, а также на большие и средние города, ранее относившиеся к городам областного подчинения, которые наряду со столицей являются центрами миграционного притяжения. В 1998 г. прежнее административно-территориальное деление было упразднено, городами областного подчинения на основании ст. 4 Закона Республики Беларусь «Об административно-территориальном устройстве Республики Беларусь» от 5 мая 1998 г. № 154-З стали считаться все областные центры (их пять – Брест, Витебск, Гомель, Гродно и Могилев), а также города Барановичи, Бобруйск, Жодино, Новополоцк и Пинск. Ранее относившиеся к городам областного подчинения города Добруш, Жлобин, Калинковичи, Мозырь, Рогачев и Речица в Гомельской области Законом 1998 г. такого статуса лишены. Этот статус в Витебской области утратили Орша и Полоцк, в Могилевской области – Осиповичи. В Гомельской области, кроме областного центра в отличие от других областей, не осталось ни одного города областного подчинения. В Гродненской области, как и ранее, также нет ни одного города областного подчинения. В Витебской и Могилевской областях наряду с областными центрами сейчас городами областного подчинения являются, соответственно, Новополоцк и Бобруйск. Такой административный статус городов повышает их миграционный статус.

С миграционными процессами связана проблема территориально-административного деления, которая была во время открытого диалога поднята при обсуждении ежегодного Послания Президента Республики Беларусь к белорусскому народу и Национальному собранию 2022 г. Так, председатель Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по государственному строительству, местному самоуправлению и регламенту высказал опасения по возможной ликвидации небольших

районов и присоединения их к другим районам [5]. Проблема территориально-административного деления в Беларуси, существенно влияющая на внутренние миграционные процессы, возникает не первый раз. Наиболее крупное территориально-административное деление произошло в середине 1960-х гг., когда ряд районов Белорусской Советской Социалистической Республики был ликвидирован и включен в состав других районов. Только после аварии на Чернобыльской атомной электростанции был образован один район в Могилевской области – с центром в городском поселке Дрибине, куда было осуществлено массовое переселение населения из наиболее пострадавших территорий Могилевской области после аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

В результате территориально-административного деления 1960-х гг. произошла стагнация в социально-экономическом развитии упраздненных районных центров, выразившаяся в демографическом плане в сокращении численности населения бывших районных центров, которые перестали быть городами миграционного притяжения. Поэтому обосновано было опасение в вопросе к Президенту страны председателя Постоянной комиссии Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь по государственному строительству, местному самоуправлению и регламенту – органа, который разрабатывает законы, в том числе и по вопросу, вошедшему в новую редакцию Конституции Республики Беларусь как норма, по которой территориально-административное деление определяется законом.

За период между переписями 2009–2019 гг. в восточных областях положительная динамика численности населения отмечена в трех больших (с численностью более 50 тыс. человек) городах Гомельской области – Гомеле, Жлобине, Речице, а также в одном большом городе Витебской области – Новополоцке. Следует отметить, что эта положительная динамика мало связана с демографическими процессами. Она – результат территориально-административных преобразований. Так, в феврале 2019 г. пригородные населенные пункты, такие как городской поселок Боровуха и поселок Междуречье были включены в состав г. Новополоцка, одного из потенциальных центров экономического роста. На фоне этого территориально-административного изменения рост его численности населения за межпереписной период на 788 человек свидетельствует об отрицательной демографической динамике, так как численность населения этих двух поселков более чем в 4 раза увеличения численности населения г. Новополоцка. Такая отрицательная динамика в этой группе городов наблюдается в

двух городах Гомельской области – Мозыре и Светлогорске, в Витебской области – Витебске, Орше и Полоцке, а в Могилевской области – Бобруйске и Могилеве. Из всех областных центров Республики Беларусь уменьшение численности населения за межпереписной период 2009–2019 гг. произошло только в двух городах – в Витебске и Могилеве [3].

За последний межпереписной период наибольшее уменьшение численности населения наблюдается в восточных областях: в Гомельской области – на 3,62%, в Могилевской области – на 6,79, в Витебской области – на 7,73%. Соответственно, во всех административных районах Витебской и Могилевской областей сложилась эта негативная тенденция. В Гомельской области только в Гомельском районе динамика численности населения является положительной, отдельные пригородные села этого района, а также рабочий поселок Костюковка численностью населения более 10 тыс. человек, в котором находится крупнейший в Республике Беларусь Гомельский стекольный завод имени М. В. Ломоносова, административно были включены в состав областного центра.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Программы деятельности Правительства Республики Беларусь на 201–2020 годы» от 31 октября 2018 г. № 774 10 больших городов с численностью более 80 тыс. человек определены в качестве потенциальных центров экономического роста, внутриреспубликанского миграционного притяжения. Половина из них приходится на восточные области: по одному в Могилевской области – Бобруйск, в Гомельской области – Мозырь, три города в Витебской области – Орша, Новополоцк и Полоцк. Такое наибольшее количество потенциальных центров экономического роста, приходящихся на Витебскую область, направлено на оздоровление ее демографической ситуации, имеющей среди всех областей Республики Беларусь самые худшие тенденции в демографическом развитии.

В демографическом плане это важно, так как во всех этих городах наблюдается отрицательная демографическая динамика. Из 18 больших белорусских городов-пятидесятитысячников прирост численности населения в межпереписные 1999–2019 гг. наблюдался только в четырех (Барановичи, Жлобин, Жодино и Кобрин), т. е. эта положительная динамика отмечена в городах, градообразующей базой которых являются крупные промышленные предприятия, притягивающие трудовой потенциал. В Жлобине – это Жлобинский металлургический завод. Ввод этого предприятия, ориентированного на использо-

вание мужской рабочей силы, в свое время принес проблемы гендерного плана, которые были решены вводом меховой фабрики, где задействован женский труд. Положительная динамика отмечена в Жодино, который не является даже районным центром, но является единственным среди городов Беларуси – городом республиканского подчинения, градообразующей базой которого является Белорусский автомобильный завод, связанный с маятниковой миграцией.

Как в двадцатом, так и в нынешнем столетии продолжается уменьшение численности сельского населения, однако в этом сокращении доля миграционной составляющей имеет тенденцию к уменьшению. За межпереписные 2009–2019 гг. соотношение численности городского и сельского населения в Республике Беларусь изменилось с 74,33% : 25,67% в 2009 г. до 77,55% : 22,45% в 2019 г. За межпереписной период в целом по Республике Беларусь численность населения в городской местности увеличилась на 3,33%, а в сельской местности – уменьшилась на 13,36%, т. е. почти четырехкратный разрыв. Наибольшее уменьшение численности сельского населения отмечено в восточных областях: в Гомельской области – на 16,52%, в Могилевской области – на 20,20, в Витебской области – на 22,40%.

Сравнение материалов двух последних переписей населения свидетельствует об уменьшении миграционного потенциала села. Это уменьшение миграционного потенциала села связано с предыдущими миграционными процессами в сельской местности, в результате которой основная мобильная социальная группа (молодежь) в возрастной структуре населения сельской местности значительно уменьшилась. Такие же негативные процессы в демографической структуре населения характеризуют небольшие города и поселки городского типа.

Сельские населенные пункты Республики Беларусь по людности делятся на мельчайшие – менее 25 человек, мелкие – 26–50, малые – 51–100, полусредние – 101–150, средние – 151–250, крупные – 251–500, крупнейшие – 500–1 000, деревни-тысячники – более 1 тыс. человек. В Беларуси из 23 078 сельских населенных пунктов преобладают (более 70%) мельчайшие, мелкие и малые сельские населенные пункты в общей численности сельских поселений. Численность сельского населения в этой группе поселений составляет около 20% сельского населения. В деревнях-тысячниках, доля которых в сельских поселениях более 1%, проживает почти четверть – около 23% сельского населения. Преимущественно деревни-тысячники сформировались в пригородных зонах крупных и больших городов, функционально

значительная часть населения которых не связана, во-первых, с сельскохозяйственной деятельностью, во-вторых, с занятостью в этих поселениях. Проживающее здесь население преимущественно представляет из себя трудовых маятниковых мигрантов. Так, в пригородной зоне г. Гомеля это деревни Бобовичи, Борщовка, Еремино, Калинино, Красное, Поколюбичи, Прибор, Романовичи, Старое село, Уза, Урицкое, Хальч и др. Даже городские населенные пункты (города Ветка (расстояние – 17 км от областного центра), Добруш (25 км), Буда-Кошелево (48 км), районный поселок Костюковка (13 км) и городской поселок Большевик (16 км) в отношении занятости их населения – это преимущественно маятниковые мигранты.

В последние годы ряд поселков городского типа был преобразован в сельские населенные пункты. Это рабочий поселок Белицк (Рогачевский район Гомельской области), городской поселок Негорелое (Дзержинский район Минской области) и рабочий поселок Глуша (Бобруйский район Могилевской области). На наш взгляд, это связано с их новым статусом в системе территориального деления – переводом в агрогородки, т. е. искусственно выполняется программа развития агрогородков.

В малых городах восточных областей с численностью населения до 10 тыс. человек, а также поселках городского типа за межпереписной период 2009–2019 гг. в большинстве наблюдается сокращение численности их населения. В Витебской области из 41 городского поселения только в Докшицком, Лепельском и Ушачском районах наблюдается некоторое увеличение численности населения. В Могилевской области такая ситуация отмечена в двух районах – Быховском и Круглянском. Только в Гомельской области некоторое увеличение численности городского населения зафиксировано, кроме областного центра, в девяти районах (Брагинском, Ветковском, Гомельском, Добрушском, Жлобинском, Кормянском, Лельчицком, Речицком и Чечерском), где их рост был незначительным, составил в пределах от нескольких человек до нескольких десятков, что вряд ли может свидетельствовать о положительных демографических тенденциях.

Среди областей Республики Беларусь наиболее неблагоприятная демографическая тенденция приходится на две восточные (Витебскую и Могилевскую) области, в которых уменьшение численности населения составило 7,73 и 6,79% соответственно. В Гомельской области это уменьшение было несколько ниже (3,62%). Именно две первые перечисленные восточные (Витебская и Могилевская) облас-

ти характеризуются наименьшей численностью населения и наиболее неблагоприятными тенденциями в репродуктивном поведении. Худший показатель уменьшения численности населения среди остальных трех областей Республики Беларусь приходится на Гродненскую область, где он составил 4,25%.

Во внутривнутриреспубликанской миграции следует отметить тенденции, связанные с миграцией социальных групп. Большие города и столица притягивают молодое население, которое всегда характеризуется более высокой мобильностью. Основная причина – получение высшего образования, так как в Минске сконцентрирована большая часть учреждений высшего образования. Получение высшего образования является важным жизненным событием, знаменующим переход бывшего студента, как современного трудового потенциала к новой социальной роли, связанной с выходом на рынок труда. Окончание учреждения высшего образования, принятие решения о дальнейших планах тесно связано с принятием решения о месте дальнейшего проживания. Выпускники как специфическая социальная группа – наиболее мобильная социальная общность. Их намерения в этом плане тесно связаны с миграцией. В столице есть лучшие возможности трудоустройства, в то время как в областях существуют проблемы с напряженностью престижных мест приложения труда.

Необходимо отметить следующую особенность внутривнутриреспубликанской миграции: нарастающая более высокая миграционная мобильность пожилого населения (пенсионеров), которое направлено в сельскую местность. Старшее поколение тем самым частично решает проблемы жилья своим детям и внукам в городской местности, а также в условиях роста цен на многие продовольственные товары переезжают на село обеспечивать решение продовольственной проблемы себе, а также своим детям и внукам. Последний аспект не отражен официальной статистикой по миграции, но его характеризуют материалы переписей населения, а также текущая статистика обследования домашних хозяйств. В частности, если по материалам переписи населения 1999 г. показатель внутренней миграции населения Беларуси из городской местности в сельскую составлял 8,8%, то переписи 2009 и 2019 гг. свидетельствуют о росте миграции населения из городской местности в сельскую – более чем в 2 раза (18,2%).

Таким образом, внутривнутриреспубликанская миграция является крупнейшим социально значимым явлением, охватывая и проникая во все сферы социально-экономической жизни страны. Однозначных (только положительных или негативных) результатов многогранной взаи-

мосвязи миграционных с другими социальными (и прежде всего – демографическими) процессами не существует. В зависимости от конкретной ситуации это разнообразное взаимное влияние. Это требует необходимости более глубокого и всестороннего ее анализа в экономических, социальных и демографических процессах, так как взаимодействие мобильности и стабильности сказывается на главной социальной проблеме белорусского государства – на демографических процессах. Стабильность способствует демографическому развитию, высокая мобильность, связанная с нарастающими проблемами социального характера, является одним из факторов депопуляционных процессов.

Одной из наиболее важных проблем Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Беларуси является необходимость обеспечения демографической безопасности, составной частью которой является задача разработки миграционной политики. Миграционная политика не может быть самостоятельной, она должна быть системной и подчиняться решению демографической политики и политики в области занятости населения. В отношении демографической политики белорусского государства миграционная политика должна быть направлена на предупреждение демографических угроз и формирование типа воспроизводства населения, соответствующего решению и обеспечению Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь.

Глава 12. МИГРАЦИЯ В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОГО ЭТНОСА¹²

Этнические и связанные с ними конфессиональные отношения являются наиболее взрывоопасными в мире. Они служили и служат основой конфликтов, порождая возвратную миграцию этносов, исповедующих иные конфессиональные ценности. Важная роль в остроте этой выталкивающей миграционной тенденции конца XX в. постсоветского пространства принадлежала пришедшим к власти националистически ориентированным социальным структурам. Особенно это проявилось в среднеазиатском и балтийском регионах в отношении русскоязычных этносов.

---

¹² Злотников А. Г. Миграция в формировании белорусского этноса // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : сб. науч. ст. Екатеринбург, 2024. С. 493–510.

Ни одна страна мира не избежала конфликта на этой основе. В истории Беларуси в прошлом были вспышки национальных и религиозных конфликтов. В отличие от других постсоветских регионов в Беларуси в современный период таких вспышек не наблюдалось. Наоборот, Республика Беларусь на этом фоне проявила свой традиционный «памяркоўны» характер, стала убежищем выталкивающей миграции в постсоветском мире. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. демографические процессы Беларуси характеризовались положительным сальдо миграции. Миграционный прирост Беларуси был порожден дремавшими в Союзе Советских Социалистических Республик (СССР) до «парада суверенитетов» межнациональными конфликтами, обернувшимися массовыми трагедиями для многих народов бывшего СССР. Почти все республики бывшего СССР, за исключением Беларуси, стали ареной этнических конфликтов.

Негативные явления этнического, конфессионального, военного, политического и иного характера в новых независимых государствах на постсоветском пространстве, более кризисного экономического спада, чем в Беларуси, привели к выталкиванию из бывших советских республик граждан нетитульной (некоренной) национальности. Русскоязычное население со своими семьями из постсоветских государств периода развала единого демографического пространства нашло свое убежище, вторую родину в толерантной «памяркоўнай» Беларуси.

Этническая характеристика современной Беларуси

Демографическое развитие большинства стран мира характеризуются полиэтнической структурой населения. Эта структура связана с населением граничащими с ними государствами, тенденциями их исторического развития далекого и близкого прошлого, а также величиной населения этих государств. Эти процессы обуславливают современную национальную палитру Республики Беларусь, которая граничит с Россией, Польшей, Украиной, Литвой и Латвией. Так, в национальной структуре Республики Беларусь по материалам последней переписи населения страны (2019 г.) вторым после титульной нации с ее удельным весом 84,89% является русский этнос (706 992 человека с долей 7,51% в численности населения Беларуси). Вместе с другими российскими этносами удельный вес россиян в национальной структуре Беларуси составляет 7,97%.

Вторым по величине численности российских этносов в Беларуси являются татары. За прошедшее десятилетие численность татар в эт-

нической структуре Беларуси увеличилась на 15,4%. По всем другим коренным народам России наблюдается их уменьшение. Так, по переписи населения Республики Беларусь 2009 г. численность русских составляла 785 084 человека, т. е. за десятилетие их численность уменьшилась почти на 10%.

Из граничащих с Республикой Беларусь третьим по численности этносом являются поляки (287 693 человека с удельным весом 3,06%), четвертым – украинцы (159 656 человек, или 1,70%), десятым – литовцы (5 287 человек, или 0,56%), шестнадцатым – латыши (1 534 человека, или 0,16%). Несколько большая численность народов Беларуси, чем граничащих со страной литовцев и латышей, исторические корни которых еще со Средневековья были связаны с белорусской территорией. Это евреи – пятый этнос в национальной структуре Беларуси с численностью 13 705 человек, татары – седьмой этнос с численностью 8 455 человек, цыгане – восьмой этнос с численностью 6 848 человек.

Особенностью исторического прошлого народов, живущих вне своей этнической родины, является тот факт, что многие из них не являются мигрантами в последнем поколении, а родились на территории Беларуси. Их как и их предков, живших в прежних поколениях вне пределов родины происхождения их предков, можно считать коренным населением страны. Как отмечает «зубр» советской и российской миграционистки Л. Л. Рыбаковский, «поскольку одновременно живет три, редко четыре поколения, то для решения этой задачи достаточно выделить из них первое и второе, тогда остаток составит третье и в редких случаях четвертое поколение» [1, с. 173]. Именно таким является социологическое решение проблемы, кого считать коренным населением.

В Беларуси кроме этнических белорусов проживали представители более 145 наций и народностей [2], по переписи 2019 г. – около 130 наций и народностей. Всего в Беларуси национальными переписями населения 1999, 2009 и 2019 гг. зафиксировано 20 этносов с численностью более тысячи человек. Их жизнь и деятельность вне своего этноса происхождения свидетельствует об успешной адаптации и интеграции, результатом которых является их ассимиляция. Данные переписей населения и социологических исследований свидетельствуют об их успешности, проявляющейся прежде всего в межэтнических браках.

В государствах, где этническая политика строится на основе модели этнокультурной идентификации, важнейшим элементом которой выступает государственная политика по монопольному исполь-

зованию национального языка. Эта модель в социальных отношениях, основанная на делении общества на «мы» и «они», характеризует современные социально-политические отношения проблемы этносов, граничащих с Беларусью государств, – Польши, Украины, Литвы и Латвии. Модель белорусского государства в этнических отношениях построена на фундаменте гражданско-политической идентификации. Она основана на результатах референдума 14 мая 1995 г., в ходе которого 83,3% жителей Беларуси высказались за придание русскому языку статуса государственного наравне с белорусским.

Наряду с белорусским языком русский язык в Республике Беларусь является государственным языком, большинство населения в повседневном общении, бытовой и трудовой деятельности, учебном процессе, культурной сфере использует преимущественно русский язык. Как свидетельствуют итоги национальных переписей населения Республики Беларусь, доля населения, общающегося в быту (дома) на русском языке, – преобладающая. В 1999 г. – 62,8%, в 2009 г. – 70,2, в 2019 г. – 64,1% [3]. Потому деятельность российских этносов в Беларуси осуществляется в их родной языковой и культурной среде. Как отмечают С. В. Рязанцев и А. А. Гребенюк, «традиционный термин «диаспора» практически не применим к русским и российским гражданам, живущим за пределами России» [4, с. 8].

Использование русского языка в Беларуси в качестве государственного является важным фактором успешной деятельности других, не только российских этносов. Этот фактор наряду с отсутствием социально-политических конфликтов является важнейшим фактором положительного миграционного сальдо Беларуси населения с большинством государств постсоветского пространства конца периода (1980-е – начало 1990-х) острого национального конфликта, спровоцировавшего развал СССР.

Экскурс в историю русского этноса на белорусских землях

Пришлым русский этнос на территории Беларуси нельзя считать даже с большими натяжками. Свидетельством этому является история существования государств на белорусской и российской территориях. Так, официальное название средневекового государственного объединения, длительное время существовавшего на современной территории Беларуси, было Великое княжество Литовское, Русское, Жемойтское и иных. Необходимо обратить внимание на русский термин (княжество Русское) в названии этого государства, которое для краткости именовалось Великим княжеством Литовским, с пре-

обладанием средневекового русского населения, ставшего в ходе исторического развития фундаментом белорусского этноса. Это свидетельствует о значимости русского следа в формировании белорусского этноса.

Борьба зарождающегося российского государства в лице Московского княжества, с одной стороны, и Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, с другой стороны, за русскую его составляющую отразилась в титулах русских царей и императоров, включающих наименование белорусских земель. Впервые претензии на наследство Руси в конце XIV в. при объединении с Польшей заявил князь Владислав Ягайло (1362–1434), действовавший как «Великий князь литовский и владыка и наследник Руси» [5, с. 8].

В противовес этим религиозным католическим претензиям с православных славянских позиций более столетия спустя выступил Великий князь Иван III (1440–1505), который именовался Государем всея Руси. Уже Великий князь Василий III, как и его сын царь Иван IV Грозный, царь Федор Иванович, а также первый царь из династии Романовых – Михаил с титулом Государя всея Руси именовались и князьями Полоцкими. Титул царя Алексея Михайловича уже включал Государя всея Великия и Малыя и Белья России, а также Князя Полоцкого, Витебского и Мстиславского. С воцарением Петра I в его титуле исчезло перечисление княжеств белорусских земель, царь Петр Алексеевич именовался Государем всея Великия и Малыя и Белья России.

В титулах последующих императоров России XVIII в. исчезло перечисление отдельных белорусских земель, осталось главное «Самодержец Всероссийский». С Павла I, при котором законодательно оформлены разделы Речи Посполитой, титулы последующих императоров России опять стали включать перечисление белорусских княжеств. В ст. 37 Основных законов Российской Империи титул императора в начале XX в. включал следующие перечисления: «Император и Самодержец Всероссийский», «Царь Польский», Князь «Смоленский», «Литовский», «Белостокский», «Полотский (Полоцкий)», «Витебский», «Мстиславский». Это имеет отношение к белорусским территориям разных периодов истории.

Важным фактором исторического заселения современных белорусских земель средневековым русским этносом явились последствия собирания русских земель вокруг Московского государства. В результате внутривосточной борьбы на восточном фланге Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных многие

представители правящих элит Тверского, Рязанского княжеств, а также мелкопоместное боярство Московского княжества (всего более 150 имен) с частью своих подданных переселялись (бежали) в земли Великого княжества Литовского [6], где те получали не последние должности и тем самым становились источником формирования белорусского этноса.

Также в результате церковного раскола в XVI–XVIII вв. в российской православной церкви на территорию современной Беларуси от преследований со стороны государственных властей и официальной церкви бежали староверы, что отмечает М. В. Ломоносов в письме графу И. И. Шувалову. Так, анализируя последствия побега крестьян староверов в Ветку (откуда родом выдающийся советский министр иностранных дел А. А. Громыко) и в другие поселения современной Гомельской области, он таких мигрантов называет «живыми покойниками»: «С пограничных мест уходят люди в чужие государства, а особенно в Польшу, и тем лишается подданных российская корона» [7]. Одновременно М. В. Ломоносов, точно также как и в нынешние времена, ведет речь о необходимости создания условий для привлечения мигрантов в Россию: «Много беглецов за границы удобно наполнить можно приемом иностранных, ежели к тому употреблены будут пристойные меры».

После разделов Речи Посполитой в Беларуси появились российские чиновники и помещики, которым раздавались белорусские земли. Жителям Гомеля известно имя выдающегося русского полководца XVIII в. Петра Александровича Румянцева, сына полтавского помещика, которому за присоединение к России задунайских земель императрица Екатерина Вторая присвоила титул графа Румянцева-Задунайского и в честь его военных деяний на правах майората подарила Гомель. Младший сын Румянцева – государственный канцлер Российской Империи Николай Петрович Румянцев переселил сюда из Полтавщины крестьян своего деда и отца. После восстания 1830–1831 гг. на белорусских землях появились крестьяне, переселенные из России своими помещиками, которым здесь щедро раздавались земли и имения. Одна из страниц крестьянского восстания отражена в произведении Александра Пушкина «Дубровский». К середине XIX в. численность русских была незначительной – около 10 тыс. человек (0,3%).

С введением в 1889 г. должностей земских начальников, которые имели право занимать только русские, их численность начала быстро расти. Тогда на белорусские территории из России перебрались десятки тысяч жителей, чиновников, духовенства, учителей, военных и крестьян.

После Октябрьской революции в Беларусь переехало много русских, среди которых были военные, рабочие, специалисты различных областей, преподаватели высших учебных заведений, ученые. Так, организатором минской милиции был М. В. Фрунзе. Формирование профессорско-преподавательского корпуса Белорусского государственного университета, созданного в 1921 г., осуществлялось за счет приезда российских ученых из Петрограда и Москвы. Его первым ректором в 1921–1929 гг. был известный русский и советский историк, славянист В. И. Пичета (1878–1947).

Особенно увеличилось количество русского населения в послевоенный период. Тогда советское правительство направляло русских на восстановление и подъем пострадавшей в ходе войны экономики страны. Эта история русского этноса на территории Беларуси свидетельствует, что русские стали ее коренным населением.

Республика Беларусь и Российская Федерация как субъекты Союзного государства имеют общую границу протяженностью 1 283 км, к которой с обеих сторон примыкают по три области. У Беларуси – это Витебская, Гомельская и Могилевская, у России – Брянская, Псковская и Смоленская области. У Беларуси это наибольшая на северо-востоке и востоке (у России – на западе) по протяженности границ среди пяти стран, с которыми граничит Республика Беларусь.

История развития приграничных белорусско-российских регионов еще с древних времен в значительной степени переплетена. Особенности демографических процессов приграничных регионов Беларуси и России в отличие от других регионов Беларуси и России является общность их исторического развития, прежде всего, отразившаяся на этнических процессах. Еще в дореволюционные годы исследованиями А. Ф. Риттиха (1875), Е. Ф. Карского (1903) и М. В. Довнар-Запольского (1919) были выявлены этнические границы ареалов расселения белорусов, значительно выходящие за пределы нынешних государственных границ Республики Беларусь. Севернее Беларуси эти белорусские этнические границы достигали Великих Лук, а восточнее – Ржева, Вязьмы, Смоленска и Брянска. Эти этнические границы белорусов по данным этнографов, географов и историков проходят по линии Брест – Белосток – Сувалки – Вильнюс – Даугавпилс – Опочка – Верхние Луки – Ржев – Брянск – Трубчевск – Городня – Овруч – Брест.

Этнические границы белорусов в отличие от государственных границ Беларуси пересекаются с этническими границами русского, украинского, польского, литовского и латышского населения. В ре-

зультате вдоль наших государственных границ имеется территория одновременно этнических белорусов и этнических русских, этнических белорусов и этнических украинцев, этнических белорусов и этнических поляков, этнических белорусов и этнических литовцев, этнических белорусов и этнических латышей, проживавших и проживающих совместно.

В конце 1918 г. на российской территории (в Смоленске) было провозглашено создание Белорусской Советской Социалистической Республики (БССР). В 1919 г. часть территорий Витебской и Могилевской губерний входила в состав Советской России. До середины 1920-х гг. многие нынешние территории этих областей Беларуси входили в состав Смоленской и Брянской губерний Российской Федерации. В 1924–1926 гг. БССР в ходе территориального уточнения было возвращено 17 этнически белорусских уездов Витебской, Могилевской и Смоленской губерний, а также созданной Гомельской области. Показателен и такой (неизвестный большинству, кроме географов) факт, что на территории Беларуси в Добрушском районе Гомельской области Россия имеет не связанный с основной территорией страны (ныне опустевший) анклав площадью 4,5 км² Медвежье-Саньково (1,4 км от российской границы), административно подчиненный Злынковскому району Брянской области. Это свидетельствует о значительном переплетении и общности в истории Беларуси и России демографических судеб и процессов.

В этнической структуре Беларуси в числе наиболее многочисленных важное место отводится татарам, проникновение которых на земли Беларуси относится к началу XIV в. Правители Литовского княжества приглашали татар из Золотой Орды на военную службу. Так, князь Витовт пригласил (крымских) татар-всадников и расселил их вблизи западных границ Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и иных, а также вокруг княжеских замков. В 1395 г. он принял изгнанного из Золотой Орды хана Тохтамышша. Вместе с ним в 1397 г. князь Витовт осуществил поход под Азов, откуда татары были приглашены на службу. Этот год считается официальной датой начала массового поселения татар на белорусских землях. После совместного похода князя Витовта и хана Тохтамышша татары, которые пришли с ними, получили право гражданства и были расселены около Вильни, в Лидском, Ошмянском, Новогрудском и Брестском поветах.

Присутствие татар на белорусской земле отражают этнонимы мест бывших татарских поселений: Татарка в Вороновском, Дрогичинском, Любанском и других районах, рабочий поселок Татарка в Оси-

повичском районе, а также одноименная железнодорожная станция, село Татарск в Оршанском районе, село Татарская в Воложинском районе, села Татары в Браславском, Оршанском, Шумилинском и других районах, села Татарщина в Дзержинском, Молодечненском районах, железнодорожная станция Татарщина, село Татарья в Дрогичинском районе Брестской области [8]. На своей новой родине татарские поселенцы стали коренными жителями белорусской земли и ее самоотверженными защитниками. В суплице золотоордынских татар к королю Жигмонту есть упоминание про присягу, которую давали на саблях их отцы, что будут ему и людям верны, с которыми «...песок, вода и деревья являются общими». Они ее сдержали, что отражено в историческом белорусском фильме «Анастасия Слуцкая» (2003) при защите г. Слуцка от набегов крымских татар.

В XVI–XVII вв. татары в Беларуси постепенно утратили свой родной язык и стали пользоваться местным (в терминологии того времени – «русским» языком). В то же время много татарских слов перешло в белорусский язык, которые сейчас воспринимаются как белорусские. На самом деле они имеют тюркское происхождение: баран, дзіда, гурт, кабан, качка, каўбаса, тавар, вішня, кабыла, сабака, андарак, армяк, вушак, бязьмен, буда, тытунь и много других. С другой стороны, рукописные книги (китабы) были написаны арабской графикой на «русском» языке. Предки известного деятеля белорусского национального возрождения и основоположника новой национальной литературы и борца за возрождение белорусского языка Франтишка Богшевича были из татар.

Диаспора татар в этнической структуре Беларуси длительное время была шестой по численности, что выявлено переписями населения советского времени 1959–1989 гг. Наибольшая численность и рост татарской диаспоры в Республике Беларусь отмечены советским периодом – 12 552 человека в 1989 г., что связано с развитием нефтяной промышленности с помощью специалистов, прибывших в Беларусь из Татарской Автономной Советской Социалистической Республики. По итогам переписей суверенной Беларуси, диаспора татар по ее численности стала седьмой, уступив шестую позицию армянской диаспоре. Численность татарского этноса за период суверенной Беларуси уменьшилась почти на треть (32,72%), составив 8 445 человек. Этот суверенный период, как и в отношении украинской, еврейской, литовской, армянской, азербайджанской, туркменской, грузинской, а также немецкой диаспоры, для татарского этноса в Республике Беларусь характеризуется миграционными качелями. Сначала было почти 50%-ное уменьшение ее численности за 1989–2009 гг. – до 7 316 человек, а затем – ее рост более чем на тысячу человек.

Тенденции в динамике русского этноса в Беларуси за послевоенный период

Существенное увеличение численности русского этноса в Беларуси в истории XX в. пришлось на послевоенный период, о чем свидетельствует динамика изменений в ее национальной структуре. При росте численности населения БССР за 30-летний период 1959–1989 гг. почти на четверть (26,0%), удельный вес титульной нации уменьшился более чем на 3 процентных пункта – с 81,09% в 1959 г. до 77,89% в 1989 г. Это было относительное снижение при абсолютном приросте численности белорусов более чем на 1 372 тыс. человек. В национальной структуре населения Белорусской Советской Социалистической Республики за период послевоенных переписей 1959–1989 гг. существенно увеличилась численность русского этноса – в 2 раза (прирост составил более чем 681 тыс. человек). В результате численность и удельный вес русских в национальной структуре Беларуси по материалам послевоенных советских переписей населения росли следующим образом: в 1959 г. – 660 159 человек, или 8,19%; в 1970 г. – 938 161 человек, или 10,42%; в 1979 г. – 1 134 117 человек, или 11,90%; в 1989 г. – 1 342 099 человек, или 13,22%.

Увеличение численности русского населения Беларуси в послевоенный период связано со следующими важнейшими обстоятельствами. Так, этому способствовала интенсивная миграция населения приграничных с БССР из менее экономически развитых западных (Брянской, Смоленской и Псковской) областей Российской Федерации. Эта миграция была связана с асимметричным расположением крупных индустриальных восточных областных центров Беларуси – Гомеля, Могилева и Витебска, явившихся центром притяжения трудовых ресурсов западных российских областей. Эта асимметрия определила донорство белорусской миграции, принеся этим близлежащим областным центрам Беларуси около половины из более чем 80%-ного прироста этнической русской миграции в Беларуси. Этот прирост наряду с территориальными особенностями – асимметричным расположением по отношению к своей областной территории, что притягивало трудовые ресурсы ближайших приграничных российских областей, связан с более высоким индустриальным развитием Бреста, Гомеля, Могилева, а также интенсивно развивающегося Мозыря. Этому способствовала маятниковая трудовая миграция близлежащих российских и украинских районов, явившаяся впоследствии источником перехода маятниковых мигрантов в постоянные жители этих городов или их пригородов.

Важнейшими особенностями и результатом глобальных и массовых перемещений в Советском Союзе был рост численности и удельного веса этнических русских в национальных республиках страны; как проявление этой тенденции, рост их численности и удельного веса, проживавших вне своей республики; уменьшение в значительном ряде советских республик удельного веса титульной нации. Одним из важнейших результатов миграционных процессов является формирование полиэтнического состава населения. Беларусь, как и большинство стран мира, по этническому составу – многонациональное государство, в котором согласно переписям населения, как советской эпохи, так и суверенного периода, проживают представители многих наций и народностей. Это не только мигранты в последнем поколении, а родившиеся на белорусской земле, которые могут считать себя не только постоянным, но и коренным населением.

Этнические процессы в Беларуси послевоенного периода отражают, с одной стороны, стабильность величины славянского населения, удельный вес которого за последнее шестидесятилетие составил 97–98%, с незначительным колебанием (97,62% в 1959 г., 98,06% в 1989 г., 97,16% в 2019 г.). С другой стороны, они характеризовали интенсивные миграционные процессы, в которые активно были включены, как славянские этносы, так и представители других наций и народностей. Больше всего родилось в Беларуси «коренных» этносов советского периода, кроме белорусов: поляков – 96,6%, цыганей – 83,6, евреев – 80,4, литовцев – 52,3%. Русских, родившихся в Беларуси, по их численности значительно больше – 566 007 человек, а удельный вес от общей численности русских в населении Беларуси уже «коренного» населения – 42,2%. «Коренных» татар в общей их численности населения в Беларуси – 40,0%, соответственно, украинцев – 25,3%. Мигрантов в общей численности населения Беларуси среди русских – 9,82% (в том числе родившихся в России – 8,11%); украинцев – 2,75; евреев – 0,30; поляков – 0,17%. Белорусы-мигранты, которые возвратились на историческую родину в общей численности населения Беларуси по материалам последней советской переписи населения составили 2,43% (в том числе прибывшие из России – 1,17%).

Для анализа современной этнической динамики важное значение имеет сравнение ее тенденций за равные 30-летние периоды – 1959–1989 и 1989–2019 гг. 1989 г. является тем рубежом эпохи, который позволяет сопоставить тенденции в этнических процессах этих 30-летий, разных по своему содержанию социально-политических условий. В 1959–1989 гг. миграционные процессы протекали в системе социально-политических процессов в Беларуси. Они отражали тенденции

единого демографического пространства, в котором мигрирующее население в меньшей степени испытывало ограничения социально-политических, социально-экономических и юридических условий. В условиях экстенсивного послевоенного развития советской экономики рост миграции населения представлял позитивное явление.

По данным материалов переписи населения 1989 г. из восьми самых многочисленных этносов Беларуси (таблица 1), на долю которых приходилось 99,55% населения белорусского государства, наиболее высокая миграционная подвижность пришлась на украинцев. Более двух третей белорусских украинцев (74,74%) родилось за пределами Беларуси, в том числе 63,14% прибыло в Беларусь из Украины, 6,56% – из России, 1,76% – из Казахстана, 3,1% – из остальных республик бывшего Советского Союза, из которых самую большую численность (0,44%) «поставила» Молдова.

Таблица 1 – Характеристика наиболее многочисленных этносов Республики Беларусь по месту их рождения (по материалам переписи населения 1989 г.), человек

Показатели	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Татары	Цыгане	Литовцы
Численность лиц данной национальности в Республике Беларусь	7 904 623	1 342 099	417 720	291 008	119 777	12 552	10 762	7 606
<i>Из них родились на территории</i>								
Беларуси	7 712 155	566 007	404 355	73 522	96 338	5 025	8 997	3 976
России	92 629	641 396	3 211	19 088	6 755	5 658	1 030	412
Азербайджана	2 097	4 773	26	299	119	82	1	5
Армении	391	838	7	127	18	1	–	1
Казахстана	22 029	30 163	1 009	5 135	369	368	80	95
Кыргыстана	797	2 913	28	457	74	90	3	2
Молдовы	1 012	1 770	21	1 281	201	14	48	2
Таджикистана	1 654	2 471	198	261	54	86	2	3

Окончание таблицы 1

Показатели	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Татары	Цыгане	Литовцы
Туркменистана	785	3 025	16	274	50	77	1	3
Узбекистана	1 923	8 320	57	768	289	503	1	6
Украины	26 545	46 469	1 764	183 882	6 560	235	313	95
Латвии	3 269	4 749	513	338	145	18	72	93
Литвы	5 556	4 779	3 098	456	273	75	165	2 869
Эстонии	907	1 810	31	151	19	6	–	12
Грузии	5 913	3 929	673	618	93	24	6	3
Примечание – Источник: [9, с. 143].								

Следующей этнической группой Беларуси, имевшей после украинцев наибольший удельный вес мигрантов, являются татары, 59,97% которых родились за пределами Беларуси, увеличили численность населения страны за счет миграции. Наибольшая численность (45,08%) татар, пополнивших население Беларуси, прибыла из России. Россия и в период до развала СССР, до начала изменения всех сторон жизни постсоветского общества больше всех «поставляла» Беларуси народы наиболее многочисленных для нашей страны этносов – русских, поляков, евреев, цыган, а также таких народностей России, как чуваша, мордовцы, башкиры, удмурты, осетины, марийцы, карелы, чеченцы, коми, буряты и др.

Значительная часть этносов Беларуси пополнилась за счет России, Украины и Литвы. В этнической структуре Беларуси русского населения прибывшие из России составили 57,83%. Из пополнивших население Беларуси из Украины украинцы в этнической структуре составляют почти две трети (63,14%). Доля пополнивших население Беларуси татар в национальной структуре страны татарского этноса составила 45,08%. Соответственно, удельный вес мигрантов-литовцев в этнической структуре своей национальности составил 37,72%. Среди еврейского этноса в Беларуси еврей-мигранты из России составили 5,64%, из Украины – 5,48%. Всего же еврей-мигранты в Беларуси среди еврейского этноса составляют 19,57%. Среди цыган мигранты составили 16,40%, из которых почти десятая часть (9,57%) – «перекочевавшие» цыгане из России. Наименьший удельный вес среди ведущих

этносов составили мигранты-поляки. Они в национальной структуре среди польского населения составили 3,20%, из которых 0,77% прибыли в Беларусь из России, 0,74% – из Литвы, 0,42% – из Украины, 0,24% – из Казахстана.

Тенденции в изменении этнической структуры Беларуси периода разрушения единого демографического пространства

Во второй половине 1980-х гг. миграцию населения в большинстве советских республик стали определять проблемы национального характера, сформировавшие тенденции миграционного выталкивания из них русскоязычных этносов – русских, белорусов и украинцев. В конце 80-х гг. увеличение массового отъезда русскоязычного населения стало характерной чертой обострения национальных противоречий, пик которого пришелся на конец 1980-х – начало 1990-х гг. Наряду с уменьшением численности русских во многих южных республиках начинается уменьшение численности других славянских этносов. Наиболее высокой выталкивающая миграция русскоязычного населения была в последнем десятилетии ушедшего столетия, т. е. в периоде, связанном с развалом СССР как единого демографического пространства. Тенденции в этнической миграции населения «Беларусь – остальной постсоветский мир» выявляют, что в этнической структуре прибывших мигрантов в Беларусь преобладали этнические русские и белорусы (таблица 2).

Таблица 2 – Основной этнический состав прибывшего в Республику Беларусь населения из Содружества Независимых Государств (СНГ) и стран Балтии за 1990–2002 гг.

Страны исхода	Количество, человек				В процентах			
	Всего	Из них			Всего	Из них		
		русские	украин- цы	белору- сы		русские	украин- цы	белору- сы
Россия	337 418	142 983	16 866	157 630	100,0	42,4	5,0	46,7
Украина	92 626	20 060	34 264	34 272	100,0	21,7	37,0	37,0
Казахстан	37 044	15 562	3 340	14 691	100,0	42,0	9,0	39,7
Молдова	6 799	1 639	811	2 443	100,0	24,1	11,9	35,9
Узбекистан	12 941	6 193	669	3 873	100,0	47,9	5,2	29,9
Кыргыз- стан	4 251	2 331	388	1 042	100,0	54,8	9,1	24,5

Окончание таблицы 2

Страны исхода	Количество, человек				В процентах			
	Всего	Из них			Всего	Из них		
		русские	украинцы	белорусы		русские	украинцы	белорусы
Таджикистан	6 389	3 315	351	1 431	100,0	51,9	5,5	22,4
Туркменистан	4 967	1 919	330	1 766	100,0	38,6	6,6	35,6
Грузия	8 610	2 895	524	3 005	100,0	33,6	6,1	34,9
Азербайджан	9 938	3 834	403	2 408	100,0	38,6	4,1	24,2
Армения	5 575	772	148	1 245	100,0	13,8	2,7	22,3
Литва	21 632	5 972	957	10 158	100,0	27,6	4,4	47,0
Латвия	28 136	8 321	1 271	15 492	100,0	29,6	4,5	55,1
Эстония	7 234	2 282	482	4 080	100,0	31,5	6,7	56,4
Всего	583 560	218 078	60 804	253 536	100,0	37,4	10,4	43,4
Примечание – Источник: [9, с. 146].								

В течение 1990–2002 гг. из новых независимых государств в Беларусь въехало (вернулось) 253,5 тыс. белорусов, а также приехало жить в нашу страну 218,1 тыс. русских и 60,8 тыс. украинцев. Наибольшую численность прибывших в Беларусь белорусов «поставила» Россия. На нее приходится наибольшая численность прибывших в Беларусь из стран СНГ и Балтии этнических русских – 65,5%. Высокой является доля эмигрантов-украинцев, прибывших в Беларусь из Украины, – 56,4%.

В Беларусь этнически русского населения из России и из других новых независимых государств приезжало больше, чем выезжало из Беларуси в Россию и в эти постсоветские страны. Прироста русского населения в Республике Беларусь не наблюдалось, наблюдался только рост прибывшего этнически русского (или считавшими себя русскими) населения. С началом процессов суверенизации численность русского этноса в Беларуси постоянно снижалась, с каждым последующим десятилетием росли масштабы этого снижения, которое составило в последнем десятилетии XX в. 290,4 тыс. человек, 356,7 тыс. человек – за первое десятилетие XXI в. Во втором десятилетии нынеш-

него столетия размеры уменьшения сократились, составив 78,1 тыс. человек [3].

Так, по материалам переписей населения Республики Беларусь (Всесоюзной переписи населения 1989 г. и первой национальной переписи населения Республики Беларусь 1999 г.), численность этнически русского населения в Республике Беларусь за период между переписями сократилась на 200,4 тыс. человек. Произошло сокращение удельного веса русских в этнической структуре населения Республики Беларусь с 13,2% в 1989 г. до 11,4% в 1999 г. [10, с. 38]. Сокращение численности этнически русского населения в Беларуси обусловлено прежде всего его низким естественным приростом, характерным для славянского населения Республики Беларусь (ростом уровня смертности и низкой рождаемости у этнически русского населения), а также (это самое главное) изменениями в национальной самоидентификации населения, проживающего в иных политических реалиях. Последнее обстоятельство связано с распространением смешанных этнических браков; в новых реалиях этот процесс самоидентификации ориентирован на титульную нацию, являясь индикатором их адаптации к этой новой реальности.

В этнической структуре прибывавших в Республику Беларусь в разрезе отдельных неславянских новых независимых государств наибольший удельный вес русских, белорусов и украинцев приходится на страны Балтии: Эстонии – 94,6%; Латвии – 89,2; Литвы – 79,0%. Удельный вес мигрантов-белорусов в этой выталкивающей миграции русскоязычного населения доминирующий: в Эстонии – 56,4%; Латвии – 55,1; Литве – 47,0%. Из среднеазиатского региона наиболее высокая выталкивающая миграция славянского этноса пришлось на Казахстан (90,7%), что связано с наиболее значительным удельным весом в ее национальной структуре русскоязычного населения. По другим странам среднеазиатского региона масштабы выталкивающей миграции русских, белорусов и украинцев в Беларусь следующие: Кыргызстан – 88,4%, Узбекистан – 83,0, Туркменистан – 80,8, Таджикистан – 79,8%. Из закавказских государств удельный вес прибывших русских, белорусов и украинцев за этот период в Республику Беларусь составил по Грузии 74,9% (в том числе белорусов – 34,9%), Азербайджану – 66,9% (в том числе белорусов – 24,2%), Армении – 38,8% (в том числе белорусов – 22,3%).

Эти показатели свидетельствуют о наличии одной тенденции – преобладании в миграционном движении (выталкивающая миграция) русскоязычного населения. Эти величины связаны с численностью русскоязычного населения в новом независимом государстве, отра-

жая одновременно социально-экономические и политические процессы, происходящие в странах исхода мигрантов. В Эстонии, где русскоязычное население составляло треть ее населения, националистические тенденции были направлены на выталкивание этой трети. В Армении, где русскоязычное население составляло около 5%, даже полная иммиграция русскоязычного населения при одновременно высоком уровне миграции и среди армян не могла дать в этнической структуре мигрантов большой численности белорусов.

Важнейшей является характеристика этнических процессов в приграничных регионах. Приграничными регионами Союзного государства Беларуси и России являются шесть областей – по три с каждой стороны. С белорусской – это Витебская, Гомельская и Могилевская, а с российской – Брянская, Псковская и Смоленская области. В приграничных с Российской Федерацией белорусских областях проживало 309 019 человек этнически русского населения, или 43,71% общей численности русского этноса в Беларуси. Численность русских за последнее 30-летие (1989–2019) в приграничных белорусских областях уменьшилась почти на 260 тыс. человек. Из них наибольшая численность (138 075 человек) и удельный вес (12,16%) русских в численности населения областей приходится на Витебскую область. Второй по численности русского этноса среди приграничных регионов в Республике Беларусь является Гомельская область, где национальная перепись населения 2019 г. зафиксировала численность русского этноса в 108 712 человек (7,83%). В Могилевской области, которая в этнической русской структуре Республики Беларусь опережает лишь Гродненскую область, русский этнос в численности ее населения составил 62 232 человека, или 6,07%. Среди не граничащих с Российской Федерацией белорусских регионов наибольшая численность русских приходится на столицу – г. Минск (148 079 человек), но в этнической структуре города их удельный вес составил 7,34%. Численность проживающих русских в Брестской области составляет 97 936 человек с долей в ее этнической структуре 7,26%, в Минской области – 86 408 человек, или 5,87%, в Гродненской области – 65 550 человек, или 5,41%.

За период 1989–2019 гг. из приграничных белорусских областей наибольшее уменьшение численности русского этноса приходится на Могилевскую область (почти на две трети – 62,51%). В Гомельской области численность русского этноса за это 30-летие сократилась почти вдвое (на 48,34%). Более высокая стабильность русского этноса характеризует Витебскую область, в которой его численность за прошедшее 30-летие уменьшилась почти на одну треть (на 35,45%).

Динамику изменения численности русского этноса в белорусских приграничных регионах отражает следующая географическая тенденция: наибольшее уменьшение приходится на южные районы, а наименьшее – на северные.

Важное место в тенденциях изменений национальной структуры принадлежит миграционным процессам. Однако в размерах миграционного обмена между Беларусью и Россией есть проблемы. Об этом свидетельствуют показатели миграционного сальдо между нашими странами, приводимые Федеральной службой государственной статистики России и Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь за последние годы. По данным текущего статистического учета Национального статистического комитета Республики Беларусь, величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI в. постоянно характеризуется положительным сальдо. Так, по этим данным за 2010–2019 гг. Беларусь в белорусско-российском миграционном обмене имеет положительное сальдо миграции, составившее 27 444 человека. Данные российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции выявляют другую тенденцию (положительное сальдо российской миграции), которые не совпадают на значительную величину. Российские данные за период 2010–2019 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 53 436 человек (таблица 3). Разница составляет более 80 тыс. человек.

Таблица 3 – Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена по данным текущего статистического учета за 2010–2019 гг., человек

Годы	Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь			Данные Федеральной службы государственной статистики России		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	17 878	11 156	6 722
2013	9 150	4 378	4 772	12 012	9 456	2 556
2014	9 131	4 669	4 462	14 486	8 709	5 777
2015	7 837	5 137	2 700	14 087	11 053	3 034
2016	6 611	5 912	699	10 899	10 655	244
2017	6 025	6 125	–100	17 059	7 760	9 299

Окончание таблицы 3

Годы	Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь			Данные Федеральной службы государственной статистики России		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2018	7 040	6 732	308	15 024	10 004	5 020
2019	10 440	8 148	2 292	14 879	10 445	4 434
2010–2019	83 728	55 784	27 944	131 400	84 759	46 641
Примечание – Источник: [11, с. 376–378; 12, с. 440–445].						

Вышеизложенный анализ масштабов миграции на основе материалов переписей населения 1989–2019 гг., а также сопоставление данных белорусской и российской статистики о миграции между Беларусью и Россией только за 2010–2019 гг. не дают оснований утверждать о белорусском положительном миграционном сальдо. В этой противоречивой информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Национального статистического комитета Республики Беларусь о численности прибывших из Российской Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Российскую Федерацию – показатели Федеральной службы государственной статистики России, те и другие базируются на данных органов внутренних дел своих стран, фиксирующих их реальное прибытие.

Если взять белорусские данные текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию, то они зафиксировали показатели в 55 784 человека, т. е. в 2,4 раза меньшие, чем по российским показателям прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства в Россию. Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (из Беларуси) и оформлением документов как прибывших в другую страну (в Россию), есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Федеральной службы государственной статистики России) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Национального статистического комитета Республики Беларусь). Это величина белорусской трудовой миграции, которая по аналитическим расчетам в различные периоды колебалась от миллиона в 2007–2008 гг. до 600 тыс. в 2013–2019 гг. белорусских граждан, занятых на российском рынке труда, а также отсутствие таможенных преград между Беларусью и Россией.

Миграционные процессы, являющиеся характерной чертой демографической истории белорусского народа и государства, в котором в период постсоветского миграционного исхода не было межнациональных конфликтов, и государство, которое в конце 1980-х – начале 1990-х гг. стало страной этнической иммиграции, породили процесс национальной институционализации диаспор в деле сохранения и укрепления национального самосознания, национальной самобытности и включению творческой и созидательной энергии многочисленных и разнообразных этносов в общественно-политическую жизнь белорусского народа.

В численности населения Республики Беларусь на протяжении послевоенного времени русский этнос является традиционно вторым (после белорусов). За годы суверенного развития последних 30 лет численность русского этноса в Беларуси сократилась с 1 342 099 человек в 1989 г. до 706 718 человек в 2019 г., или в 1,9 раза при общем уменьшении численности населения страны на 7,27%. Удельный вес русских в этнической структуре Беларуси за 1989–2019 гг. снизился с 13,22 до 7,51%. Аналогичные изменения происходили в этническом составе населения России. Так, за период 1989–2010 гг. уменьшение численности белорусов в населении России было более высоким, чем русских в Беларуси (с 1 206 222 человек в 1989 г. до 521 443 человек в 2010 г., или в 2,3 раза).

По итогам последней российской переписи населения в приграничных областях с Республикой Беларусь в их национальной структуре в 2011–2020 гг. продолжалось сокращение численности этнических белорусов, составившее 2,3 раза. Наибольшее сокращение белорусского этноса наблюдается в Брянской области – в 2,62 раза (с 5 510 человек в 2010 г. до 2 106 человек). Наименьшее сокращение белорусов отмечено в Псковской области – в 2,18 раза (с 6 772 до 3 101 человек). Наибольшая численность белорусов в этнической структуре зафиксирована в Смоленской области – 5 311 человек, где это уменьшение составило 2,26 раза. В Российской Федерации сокращение численности белорусов гораздо большее, чем в российских приграничных областях, – в 2,51 раза [3].

Это значительное сокращение численности населения в России, считающего себя белорусами, отражают итоги переписи России (при ответе на вопрос «Какой язык считаете родным?»). В России только пятая часть этнических белорусов (45 143 человека, или 21,7%) считают родным белорусский язык. Это самый низкий показатель среди титульных этносов в России бывших республик, входивших ранее в

Советский Союз. М. Булгаков назвал вопросы крови самыми сложными, что в научном плане отражают этнические аспекты. Эти тенденции характеризуют исторический процесс национальной самоидентификации близких по общей судьбе народов Беларуси и России, что подтверждается материалами переписи населения Республики Беларусь.

Глава 13. МИГРАЦИЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ «АНОМАЛЬНОСТЬ» БЕЛАРУСИ¹³

В «Демографическом обозрении» за 2022 г. опубликована статья с названием «Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализов изменений в этнолингвистическом составе населения». В этом «анализе» на основе данных о доли белорусского, русского и отдельных этнических языков, используемых населением на работе и в быту, сформулированы выводы об *аномальной* динамике данных переписи; о влиянии на эту аномальность политического заказа, т. е. намеренных искажений [1].

Хотя в разрезе отдельных территориально-административных единиц (областей и столицы) имеются определенные значимые различия лингвистических показателей по переписям 2009 и 2019 гг., но в целом по стране эти тенденции в плане использования языка на работе и в быту существенно не изменились. Об этом свидетельствуют приведенные в статье автора данные материалов переписей. Так, доля населения Республики Беларусь, считающего русский язык родным, за период 2009–2019 гг. выросла на 0,8 процентного пункта (с 41,5 до 42,3%). Выросла доля населения, считающего белорусский язык родным, за этот же период на 0,9 процентного пункта (с 53,2 до 54,1%). Первое и второе статистически не может считаться аномальной динамикой. Не относятся к аномальной динамике тенденции использования русского и белорусского языков в быту. Так, доля среди всего населения, использующего преимущественно русский язык в быту, за 2009–2019 гг. выросла на 1,2 процентного пункта (с 70,2 до 71,4%). Несколько большим (2,6 процентного пункта) выглядит рост доли населения, использующего белорусский язык в быту, за этот период

---

¹³ Злотников А. Г. Миграция и «лингвистическая аномальность» // Экономико-правовые перспективы развития общества, государства и потребительской кооперации : материалы IV междунар. науч.-практ. интернет-конф., Гомель, 31 марта 2023 г. Гомель, 2023. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

(с 23,4 до 26,0%). Этот разброс статистически допустимых показателей за межпереписной период в 1,4 процентного пункта не представляется аномальной динамикой. Из двух государственных языков в общении существенно доминирует русский язык.

Такие же тенденции присутствуют в отношении признания белорусским этносом русского и белорусского языка как родного. Так, доля белорусов, считающих родным русский язык, за 2009–2019 гг. выросла на 1,1 процентного пункта – с 37,0 до 38,1%. Прежде за межпереписной период 1999–2009 гг. этот рост был существенно значимым (22,7 процентного пункта). Несколько меньшим в 2009–2019 гг. отмечен рост доли численности белорусов, считающих родным языком белорусский (на 0,4 процентного пункта) – с 60,8 до 61,2%. Аналогично переписью отмечен рост использования в быту белорусским этносом русского языка (на 1,2 процентного пункта) – с 69,8% в 2009 г. до 71,0% в 2019 г. Использование в быту белорусским этносом белорусского языка увеличилось на 2,4 процентного пункта с 26,1 до 28,5%. Где же, по утверждению автора статьи, следует «целенаправленное административное воздействие на данные переписи с целью получения политического «удобного» итога»? Одновременно возникает другой вопрос в отношении удобного политического итога роста величины белорусского языка или преобладания русского языка.

«Аномальность» в понимании этого автора, как результат административного воздействия, отражает «идеологические установки и запросы государства, отдельных его институтов и даже отдельных переписчиков». В этом отношении официальные результаты переписи показали полное соответствие идеологическим запросам данного периода – периода «мягкой белорусизации». В чем она проявилась? По мнению А. С. Соколова, в значительном увеличении среди населения, а также среди белорусов доли белорусского языка как родного, весьма существенное, зафиксировано только в Брестской области и г. Минске, т. е. в регионах, где эта доля в 2009 г. была самой низкой (после Минска и в Витебской области, где этот показатель был также низким, чего автором не отмечено). Для белорусского языка как домашнего ситуация аналогична. Рост доли населения зафиксирован только в двух регионах – Могилевской области и г. Минске (этот рост отмечен в Гродненской области, но автор «аномальности» не замечает этого), где также в 2009 г. данный показатель был самым низким среди всех регионов. Несмотря на разброс в региональных разрезах в целом по стране аномальных изменений по переписи 2019 г. в сравнении с 2009 г. использования всем населением и белорусским этносом, как русского, так и белорусского языка, не выявлено. Во всех

перечисленных показателей в качестве родного языка в быту виден рост – с минимальным показателем 0,4 процентного пункта, а с максимальным – 2,6 процентного пункта [2], что вписывается в допустимые статистические отклонения.

Самим выводам автора статьи «Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 года в Белоруссии на основе анализов изменений в этнолингвистическом составе населения» характерна аномальность. С одной стороны, лингвистические результаты переписи населения Республики Беларусь 2019 г. об использовании белорусского языка в быту, а также названными в качестве родного, автор считает «искусственно завышенными», «искаженными» и «политически» мотивированными. С другой стороны, он констатирует, «что результаты переписи не показывают реальных *изменений* (выделено нами. – А. З.) в численности и распределения языков населения Белоруссии. Это противоречие между гипотезой «с одной стороны», а также констатацией «с другой стороны» характеризует аналитическую аномальность самого автора.

Методологическая несостоятельность его выводов об аномальности состоит в том, что, во-первых, этот «анализ» не учитывает качественных изменений в этнической структуре населения регионов. Этническая структура регионов им рассматривается идентично одинаковой – с неизменными духовными ценностями, будто сопоставляется одно и то же население 2009 и 2019 гг. Так, отсутствие этого учета подтверждается следующим: «В Гомельской области, где в 2009 г. среди польского населения в среднем на 14 женщин детородного возраста приходился 1 ребенок в возрасте 0–9 лет, а в 2019 г. – уже 5 детей *на тех же* (выделено нами. – А. З.) 14 женщин». Верным является следующее утверждение автора, что «смена этнической самоидентификации вообще не характерна», свидетельствует об отождествлении автором лингвистической аномальности акторов социальной структуры в 2009 и 2019 гг. как одних и тех же респондентов. По нашему мнению, это разные качественные социальные структуры, что связано с миграционными процессами. Миграционный оборот населения регионов еще не означает, что духовная составляющая прибывшего и выбывшего населения, в том числе и белорусского этноса является идентичной, что это одни и те же женщины.

Во-вторых, эта методологическая несостоятельность состоит в отсутствии системности, т. е. наличие односторонности анализа. Выводы автора основаны на данных седьмого раздела «Итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 года» – «Население отдельных национальностей по лингвистическим характеристикам». На этниче-

скую структуру регионов и лингвистические характеристики существенно влияют не учитываемые в рассматриваемом анализе материалы переписи о механическом движении – миграции населения (раздел 9 итогов переписи в зависимости от сроков проживания). Не вникая в масштабы процессов миграции, сложно осознать сущность других социальных процессов. Ошибочными являются другие положения, о чем свидетельствуют критикуемые нами выводы. Автор аномальности не считает, что отдельным этносам не характерна миграционная подвижность: «миграция в Белоруссию русских и белорусов из других стран СНГ происходила в 1990-е и 2000-е гг., а в 2010-х гг. ее масштабы были заметно ниже».

Миграционные потоки в направлении из других стран в Беларусь снизились по сравнению с 1990–2000 гг., но они были, а в последнем десятилетии увеличились. Так, за период 2010–2019 гг. в Беларусь прибыло 224 440 человек, в том числе из государств постсоветского пространства – 180 209, стран дальнего зарубежья – 44 231 человек. Наибольшая численность мигрантов прибыла из России – 83 728 человек. Из Украины прибыло 42 974 человека, среднеазиатских государств – 23 154, Казахстана – 10 493, стран Балтии – 8 910, стран Закавказья – 8 390, Молдовы – 2 560 человек. Нельзя не учитывать их влияние на использование языка.

По данным переписи населения Республики Беларусь 2019 г. за период после предыдущей переписи по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения, т. е. мигранты, их численность составила 4 317 432 человека, в том числе по регионам: Брестская область – 606 164 человека, Витебская область – 534 785, Гомельская область – 605 874, Гродненская область – 475 951, Минская область – 743 687, Могилевская область – 440 103, г. Минск – 910 868 человек. Прирост численности населения по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения составил 597 076 человек. Из них наибольшая численность отмечена в столичной агломерации (г. Минске) – 167 148 человек, Минской области – 127 783 человека. Затем идет Брестская область – 123 068 человек. Автор статьи об «аномальных» результатах переписи ее, т. е. эту аномальность, обнаружил среди белорусов, где «доля белорусского языка как родного, причем весьма существенная, зафиксирована только в Брестской области и г. Минске, т. е. в регионах, где эта доля в 2009 г. была самая низкая». Прирост численности населения за межпереписной период 2009–2019 гг. по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения по Гомельской области со-

ставил 82 339 человек, по Гродненской области – 48 843, по Могилевской области – 53 682 человека. В Витебской области переписью 2019 г. по сравнению с переписью 2009 г. зафиксировано уменьшение численности населения по непрерывности проживания по месту постоянного жительства не с рождения на 5 787 человек [3]. Среди более полумиллионного (534 785 человек) населения данной когорты этой области есть внешние и внутренние мигранты со стажем жительства менее 10 лет.

На лингвистические особенности территориально-административных единиц Республики Беларусь как страны, в которой государственным языком наряду с национальным является русский язык, оказала внешняя миграция. Из государств, ранее входивших в состав Советского Союза, по переписи 2019 г. наибольший прирост населения (33,5%) приходится на столичную агломерацию (г. Минск и Минскую область) – 239 629 человек, затем на южные области Беларуси: Гомельскую (17,2%) – 123 214 человек, Брестскую (14,7%) – 105 260 человек. По постсоветским государствам крупнейшими миграционными донорами Республики Беларусь по переписи 2019 г. являются Российская Федерация – 407 810 человек, Казахстан – 67 463, Украина – 144 254, страны Балтии – 37 069 человек. Из среднеазиатских постсоветских государств внешняя миграция составила 31 263 человека, значительным донором которой является Узбекистан (12 544 человека). Прирост закавказской внешней миграции составил 19 639 человек, почти половина которой приходится на Азербайджан – 9 170 человек.

Из стран вне бывшего Союза Советских Социалистических Республик (СССР) наибольший миграционный прирост населения на постоянное место жительства (более половины 50,7%) приходится на столичную агломерацию – 24 452 человека. Среди остальных регионов миграция из стран вне бывшего СССР приходится на западные области (29,5%): Гродненскую – 7 223 человека и Брестскую – 7 014 человек.

Кроме материалов переписи о существенном влиянии на изменения в этнолингвистической структуре населения подтверждают данные текущего миграционного движения о масштабах миграции регионов за межпереписные 2010–2019 гг. (таблицы 1 и 2). За этот период региональная структура населения Республики Беларусь только за счет миграции обновилась почти наполовину (на 4 551 774 человека), в том числе по тем регионам, которые автор оценил «искусственно завышенными», «искаженными» и «политически» мотивированными.

Таблица 1 – Итоговые показатели суммарного миграционного движения (по прибытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статистического учета, человек

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2010	11 482	10 313	10 903	9 189	40 829	21 814	7 146
2011	31 369	29 220	31 760	25 181	39 944	36 096	19 816
2012	29 526	31 372	30 646	25 822	37 657	36 208	21 073
2013	33 023	31 149	30 180	26 655	44 663	39 989	19 787
2014	36 923	34 825	32 789	29 590	44 419	46 034	23 236
2015	38 044	35 640	37 196	30 704	53 220	54 279	24 937
2016	37 886	33 017	32 478	28 164	49 469	47 623	23 798
2017	38 878	32 185	34 719	29 590	50 517	47 428	24 043
2018	37 261	31 561	35 693	29 436	55 048	47 497	24 926
2019	38 389	32 138	35 878	31 000	62 562	50 079	25 194
Итого	332 721	271 420	410 312	265 331	478 328	427 047	213 956
Примечание – Источник: [4–7].							

Таблица 2 – Итоговые показатели суммарного миграционного движения (по выбытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статистического учета, человек

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2010	13 018	9 953	10 191	10 029	23 443	23 630	11 109
2011	32 386	29 644	32 202	26 118	21 765	38 304	23 067
2012	30 605	31 899	30 397	26 674	26 829	34 683	21 897
2013	35 914	31 867	30 873	28 315	29 331	36 851	21 552
2014	37 590	34 188	33 247	30 560	33 713	39 312	23 484
2015	41 129	36 406	37 912	32 396	37 247	43 913	26 523
2016	39 774	34 436	34 540	29 999	39 665	40 609	25 472
2017	39 357	34 350	37 210	30 550	45 180	40 391	26 448
2018	39 149	33 394	37 521	29 949	44 794	40 744	26 509

Окончание таблицы 2

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2019	39 007	33 721	37 730	30 940	53 305	40 462	26 205
Итого	347 929	309 858	321 823	275 630	355 272	378 899	232 266
Примечание – Источник: [4–7].							

Это существенно отразилось на этнолингвистических процессах. В столице миграционный оборот населения составил 833 600 человек (в том числе по прибытию нового населения – 478 328 человек, выбытию прежнего населения – 355 272 человека). В Брестской области миграционный оборот населения составил 680 650 человек (в том числе по прибытию нового населения – 332 721 человек, выбытию прежнего населения – 347 929 человек), т. е. на Брестчине относительные (в расчете на одну тысячу населения) показатели миграционного движения зафиксированы более высокие, чем в г. Минске. Миграционный оборот населения Брестской области оказался выше с зарубежными странами, что существенно значимо для изменений в этнолингвистической структуре регионов (таблицы 3 и 4). Важной для изменений этнолингвистической структуры является смертность, т. е. выбытие населения.

Таблица 3 – **Итоговые показатели международной миграции (по прибытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статистического учета, человек**

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2010	2 848	2 502	3 357	2 108	2 764	2 192	1 398
2011	3 519	2 282	3 142	2 302	2 503	2 246	1 516
2012	3 126	2 397	3 187	2 278	3 128	2 311	1 613
2013	2 804	2 574	3 150	2 140	4 915	2 493	1 359
2014	4 168	3 650	3 756	2 791	4 710	3 019	2 847
2015	4 376	3 186	4 925	3 072	6 308	3 680	2 802
2016	3 711	3 199	3 066	2 237	5 096	2 257	1 472
2017	3 054	2 280	3 025	1 488	6 435	1 487	1 192
2018	2 932	2 688	3 381	2 095	8 769	2 874	1 862

Окончание таблицы 3

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2019	3 148	3 420	3 289	3 148	15 577	3 790	2 474
Итого	33 686	28 171	34 278	23 659	60 205	26 349	18 535
Примечание – Источник: [4–7].							

Таблица 4 – **Итоговые показатели международной миграции (по выбытию) населения регионов Республики Беларусь за 2010–2019 гг. по данным текущего статистического учета, человек**

Годы	Брестская область	Витебская область	Гомельская область	Гродненская область	г. Минск	Минская область	Могилевская область
2010	941	1 191	1 162	553	1 631	666	720
2011	931	1 359	1 211	695	1 812	734	868
2012	1 280	1 544	1 222	996	2 095	747	828
2013	1 046	1 216	1 087	848	2 300	561	734
2014	1 053	1 363	1 095	977	3 457	555	719
2015	1 167	1 690	1 276	1 282	2 386	791	1 263
2016	1 940	2 075	2 032	1 559	2 626	1 221	1 645
2017	1 697	2 343	3 231	1 602	3 263	1 241	1 710
2018	1 882	2 245	2 242	1 645	3 818	1 772	1 636
2019	2 454	2 733	2 870	2 269	6 803	1 832	2 016
Итого	14 391	17 759	17 428	12 426	30 191	10 120	12 139
Примечание – Источник: [4–7].							

Именно миграционные процессы в целом по стране, в которой Конституцией Республики Беларусь провозглашены два государственных (белорусский и русский) языка, что законодательно обеспечивает лингвистическую стабильность в Республике Беларусь, заключающуюся в пропорциональном росте (на 0,8 процентного пункта) того населения, которое считает русский язык родным, и соответствующего роста доли населения, считающего белорусский язык родным (на 0,9 процентного пункта). Также более высокий миграционный прирост населения столицы и Брестской области объективно способствовал выравниванию некоторой диспропорции, сло-

жившейся в этих регионах в 2009 г. Это не означает, что аномальность – это результат влияния демографических изменений.

Есть проблемы с полнотой полученной переписью информации, ряд людей оказались не учтенными переписью. Возникает вопрос по поводу утверждения руководства Национального статистического комитета Республики Беларусь, что в переписи «приняло участие 95% населения страны», соответственно, 5% в ней не участвовало. Бездоказательно утверждать о лингвистических изменениях идеологическими установками и запросами государства, отдельных его институтов и даже позицией отдельных переписчиков нельзя. Особенностью переписи 2019 г. было использование передовых методик и технологий, отвечающих духу цифровой экономики. 22% населения страны прошли перепись по интернету, 28% – на стационарных мобильных участках, 48% – по месту жительства, 2% отказались от участия. На 2 023 989 прошедших перепись по интернету никакие действия государственных институтов и отдельных переписчиков не могли оказать влияния. Это обнаружила только идеологическая позиция интерпретаторов материалов переписи.

Глава 14. СМЕРТНОСТЬ В БЕЛАРУСИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19¹⁴

В своей истории человечество не раз сталкивалось с разными вирусами. Первые наиболее известные данные о массовом смертельном вирусе относятся к древнему Египту в XIV в. до н. э. Свирипевшая тогда, похожая на «чуму», эпидемия по некоторым данным уничтожила более половины населения древности. В начале новой эры (в середине VI в.) масштабная эпидемия, названная «чумой Юстиниана», унесла свыше 100 млн жизней населения Средиземноморья. В середине XIV в. (1347–1356) в Европе вновь была эпидемия бубонной чумы – «черная смерть», от которой пострадало около трети жителей континента. Более половины из них – это население крупных городов. В то время родилось знаменитое выражение «увидеть Париж и умереть».

---

¹⁴ Злотников А. Г. Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демограф. исслед. 2021. Т. 1, № 2. С. 28–46 ; *Его же*. Пандемия COVID-19 в Беларуси: демографическое отражение // Наука и инновации. 2021. № 1. С. 70–75. – *Исследование выполнено по гранту БРФФИ-РГНФ Г20Р-054 «Оценка и алгоритм использования резервов воспроизводства и миграции населения для сохранения демографического роста в Союзном государстве России и Беларуси».*

Столетие назад (1918–1920) почти 100 млн человек умерло от разновидности гриппа – «испанки». На протяжении последней трети XX в. и начале XXI в. мир опять столкнулся с вирусными угрозами, такими как СПИД, различными видами гриппа (атипичная пневмония (SARS) – 2003 г., птичий грипп – 2009, свиной грипп – 2016 г.), лихорадка Эболы – 2014–2016 гг., коронавирус (COVID-19), ставший новой глобальной, планетарной масштабной угрозой для человечества. Прежде всего беспокоят крайние последствия коронавируса – летальный исход.

Распространено мнение, что власти многих стран, в том числе и в Беларуси, скрывали действительную картину пандемии COVID-19. С этим бывший (1997–2001) Министр здравоохранения Республики Беларусь И. Б. Зеленкевич категорически не согласен и считает, что данным Министерством здравоохранения Республики Беларусь следует доверять, потому что знает, как организована система постановки диагноза. Сомневающимся в этом он отвечает: «Я радуюсь, когда хорошо. В любом случае, шила в мешке не утаишь. Подтасовка никому не нужна, это приводит к неправильным управленческим решениям, при принятии которых опираются на данные» [1].

Сложные демографические процессы не всегда бывают линейными и сводимыми только к простым связям и взаимодействиям. Смертность является итоговой детерминантой, отражая в их количественном измерении качественные процессы. Между ними имеется определенное причинное следствие. Проблема смертности открывает летопись демографии как науки. Первым системным исследованием по демографии в целом и смертности, в частности, явилась работа Джона Граунта, сокращенное название которой «Наблюдение о смертности в Лондоне» (1662). Более чем за три столетия до этого очевидец мора бубонной чумы писатель-гуманист Дж. Боккаччо спустя пять лет после ее появления в Европе в 1348 г. в своем «Декамероне» писал о ее размахе: «На переполненных кладбищах при церквях рыли преогромные ямы и туда опускали целыми сотнями трупы, которые только успевали подносить к храмам. Клали их в ряд, словно тюки с товаром в корабельном трюме, потом посыпали землей, потом клали еще один ряд, так до тех пор, пока яма не заполнялась доверху». О ее масштабах он отмечал: «В стенах города Флоренции умерло, как уверяют, сто с лишним тысяч человек, а между тем до этого мора никто и предполагать не мог, что город насчитывает столько жителей» [2, с. 16–17].

Общенаучные подходы к проблеме смертности присутствуют в идеях Эпикура, Дж. Граунта, Ф. Кенэ, Л. Эйлера, М. В. Ломоносова,

А. Н. Радищева, А. Смита, Т. Мальтуса, И. И. Мечникова, Э. Дюркгейма и других мыслителей. Сугубо демографические аспекты анализа проблем смертности нашли отражение в трудах Ж. Буржуа-Пиша, Л. Бертильона, Ж. Бертильона, Ю. А. Корчак-Чепурковского, А. Ландри, С. А. Новосельского, В. В. Паевского, В. Н. Покровского, М. В. Птухи, Б. Я. Смулевича, А. Сови, а также А. Я. Боярского, Д. И. Валентея, Б. Ц. Урланиса. Из современных авторов значимый вклад в исследование проблем смертности внесли Е. М. Андреев, А. Г. Вишнеvский, М. Б. Денисенко, Р. М. Дмитриева, А. Е. Иванова, Э. М. Либанова, А. Н. Немцов, В. Г. Семенова, Е. М. Щербакова, В. М. Школьников и др.

Их исследования связаны с разнообразными аспектами смертности – естественным движением населения, региональным анализом смертности, отдельных половозрастных групп, анализом причин смертности, ожидаемой продолжительности жизни, а также междисциплинарным подходом, множественностью зависимостей, национальной безопасностью и др. Не менее важным в деле анализа проблем смертности являются общедемографические подходы, из которых интерес представляет методологический подход Л. Л. Рыбаковского о КРЕД – коэффициенте результативности естественного движения [3], а также его идея о демографических детерминантах, характеризующих факторы, причины и условия, которые «в ряде случаев фактор и причина, фактор и условия выступают синонимами». В демографических процессах факторы предстают явлениями двоякого рода – как условия и структурные факторы [4, с. 143–144].

В деле анализа последствий пандемии COVID-19 значимой является информация А. В. Топилина, что в России первые результаты исследования влияния пандемии COVID-19 на миграционную мобильность населения выполнены учеными Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского статистического центра Российской академии наук под руководством ее директора члена-корреспондента Российской академии наук С. В. Рязанцева, в которых освещены проблемы глобальной миграции в условиях пандемии COVID-19, региональные и этнодемографические аспекты миграции в различных странах, социально-демографические последствия пандемии для лиц старшего возраста, молодежи, студентов [5]. В целом, как констатировал Е. В. де Роберти, что высказанные «идеи, и великие, и малые, – продукт не одного, и не многих даже, а всех без исключения умов, результат длительной совместной работы не только современников, но всех соприкасающихся во времени и пространстве человеческих союзов» [6, с. 473].

Научные публикации современных белорусских демографов и социологов по проблемам смертности были направлены на освещение роли смертности в тенденциях естественного движения населения [7–8], анализа уровня и тенденций продолжительности жизни [9], а также причин смертности [10], влияния факторов (алкоголизации) на преждевременную смертность [11]. Проблемам научных исследований и технологиям в понимании природы, предупреждению и лечению коронавируса посвящен один из номеров журнала Национальной академии наук Беларуси «Наука и инновации» (2020, № 7). Демографические аспекты в этом журнале отражены автором в статье «Пандемия COVID-19 в Беларуси: демографическое отражение» [12].

В процессе подготовки публикации использовался ряд методов, из которых ведущим является аналитический метод, в основе которого положено использование методологии Big Data. В содержательном аспекте аналитическая роль методологии Big Data означает отражение многообразия данных, позволяющих на основе роста количественной информации дать качественное объяснение изучаемых процессов и явлений, – количество в качестве. В ее содержание положено несколько, по крайней мере, семь «V». Вначале это был набор трех признаков «VVV»: volume (масса, величина, объем), velocity (скорость), variety (многообразие, разнообразие, многосторонность). Затем содержание ее признаков было расширено: veracity (достоверность, точность, правдивость), viability (жизнеспособность), value (ценность) и variability (переменчивость, изменчивость, непостоянство). Методология Big Data позволяет правильно отразить суть и многогранность демографических явлений, в том числе и смертности. Также отметим, что смертность мы рассматриваем, как летальный исход, связанный с окончательным прекращением жизнедеятельности человеческого организма.

Статистической базой являются данные национальной и международной статистики, а также белорусских сайтов (Министерства здравоохранения Республики Беларусь) о текущей информации о распространении в стране коронавируса. Подробнее об особенностях и проблемах использования данных национальной статистики изложено в отдельных подразделах «Результаты и обсуждение», что определило выбор методологии Big Data.

Какие демографические факторы вызывают пандемию COVID-19 и ее самые негативные последствия? Первый среди этих факторов – урбанизация, скученность населения. Чем выше уровень урбанизации, тем более остро протекают демографические процессы. Массовые заболевания коронавирусом появились в крупнейших агломера-

циях одной из самых многонаселенных стран мира – Китае (Ухане). В Беларуси наибольшие масштабы (более 60%) в начальной стадии распространения коронавируса пришлось на столичную агломерацию.

В Российской Федерации наибольшее количество выявленных заболеваний коронавирусом пришлось на крупнейшие агломерации (Москву с одноименной областью и Санкт-Петербург с Ленинградской областью). В России носителями коронавируса стали мигранты (образовательная, трудовая, маятниковая, челночная, туристическая и другие виды миграции). Италия, Испания, Португалия, Франция, как крупнейшие страны туристической миграции, стали странами с высоким уровнем заболевания коронавирусом. Беларуси, как стране, не пользующейся столь высоким туристическим имиджем, в период интенсивного распространения коронавируса больше «повезло» в плане отсутствия наплыва туристических и иных мигрантов. Их исходными («нулевыми») носителями стали в основном белорусские граждане, возвратившиеся из регионов с высоким уровнем заражения коронавирусом.

Миграция как ведущий фактор пандемии коронавируса

Начало распространения заболевания коронавирусом в Беларуси связано с миграцией. Это второй и ведущий по масштабам распространения пандемии демографический фактор. В частности, первым носителем этого заболевания в Беларуси оказался образовательный мигрант – студент одного из минских учреждений высшего образования из Ирана, прилетевший из Баку. Во втором по величине численности населения городов Беларуси (Гомеле) первый случай коронавируса был зафиксирован у 20-летнего спортсмена по акробатике, возвратившегося из Португалии после пересадок в аэропортах Порту – Франкфурт – Варшава – Минск. В Витебске, четвертом по величине численности населения городе, первый случай коронавируса также связан со спортивной миграцией. В Гродно первый случай коронавируса официально зафиксирован у жительницы областного центра, возвратившейся на маршрутке из Вильнюса, что характерно для таких видов, как фронтьерская, транзитная, маятниковая и челночная миграция.

В истории цивилизации постоянным спутником миграции были заразные заболевания. Венецианские купцы, привозя в Европу восточные сладости и пряности, в трюмах кораблей завезли крыс с блохами, носителями оспы, чумы и холеры, заболеваниями, от которых в

Средние века пострадало более половины населения Европы. Венецианские правители боролись с пандемией, установив карантин для прибывших кораблей на две недели, срок который для профилактики коронавируса многими странами принят и в современном мире. Европейцы с выработанным у них иммунитетом к этим болезням стали разносчиками заболеваний и смертей на американском континенте, против которых (сальмонеллезы и оспы) среди местного населения не было иммунитета. С возвратными мигрантами с американского континента на европейский пришел сифилис.

Таким образом, миграция, особенно международная, наряду с несомненно позитивными социальными и экономическими функциями, несет с собой угрозу конкретному социуму, что характерно для пандемии COVID-19. Поэтому большинство стран, в том числе и все государства, граничащие с Республикой Беларусь, ввели ограничения на приграничные перемещения, так как распространение вируса в мире связано с различными видами международной миграции.

Внутри страны распространение коронавируса связано с особенностями внутренней миграции. Это общая тенденция распространения эпидемии по территории страны. В Италии очаг эпидемии пришелся на ее экономический центр – Ломбардию, на которую пришлось 37% выявленных случаев и куда приезжают трудовые мигранты со всей страны. В Центральном федеральном округе России 60% таких случаев приходится на Москву. Это связано с тем, что почти три четверти пассажиропотока приходится на направления, проходящие через Москву. Это позволяет коронавирусу распространяться через основные транспортные узлы. Высокую миграционную связь этого округа с урбанизированной агломерацией Москвы с распространением коронавируса характеризуют следующие данные. Наиболее высокая заболеваемость среди областей Центрального федерального округа приходится на Тульскую область, дающую наибольшую величину своего трудового потенциала в качестве трудовых мигрантов Москвы. Второй по величине трудовых мигрантов в Москве является Калужская область. Это область по численности заболевших коронавирусом находится на третьем месте в Центральном федеральном округе [13].

Внутренняя миграция, косвенно отражая величину контактов всех типов между населением в разных регионах, обуславливает масштабы распространения коронавируса. Даже отдаленность региона от центра притяжения населения не препятствует миграции по направлению от центра к периферии. Чем больше людей из региона приез-

жает или переезжает в столицу, тем больше в нем вероятность заболеваний.

Информация как точка опоры

Еще Архимед сказал: «Дайте мне точку опоры и я переверну мир». В современном мире такой точкой опоры является информация. На обыденном уровне распространено мнение о неполноте официальной информации о реальном состоянии с пандемией COVID-19. Одна из причин, не отвечающая современным реалиям не только Беларуси, но и большинства стран мира, – медицинская статистика о смертности, ставшая малодоступной пользователям.

Вторая группа причин – методологическая и методическая. Методологическая группа отражает тот факт, что при наличии нескольких тяжелых заболеваний возникают сложности в деле выявления, какое из них внесло больший вклад в смерть. Методическая причина отражает наличие двух видов свидетельств о смерти: записей актов гражданского состояния (ЗАГС) и врачебных свидетельств. Если в ЗАГСе фиксируется только одна причина, отраженная в демографических изданиях, то во врачебных свидетельствах о смерти их указываются несколько. Во-первых, это непосредственная причина смерти – заболевание или состояние, непосредственно приведшее к смерти. Во-вторых, отмечается патологическое состояние (заболевание), вызвавшее или обусловившее непосредственную причину смерти. В-третьих, фиксируется, основная причина смерти, первоначальное заболевание или состояние.

Третья группа причин – социальные, экономические, политические и психологические. Если говорить об экономических причинах, следует отметить, что фиксация о количестве умерших от коронавируса во многих странах связана со страховой медициной, требующей оправдания расходов. Немаловажными факторами являются ведомственные и личные интересы, в частности, финансовые интересы системы здравоохранения и медиков, получивших возможность повышения в несколько раз оплаты труда за работу во вредных условиях. Есть интересы родственников умерших от коронавирусных заболеваний. Так, в России летальный исход от коронавируса увеличивал в несколько раз размер пособия на погребение. К политическим и психологическим причинам относится желание властей продемонстрировать, что, с одной стороны, ситуацию они держат под контролем, с другой стороны, стремятся успокоить общество, не увеличивая в нем панические настроения.

В Республике Беларусь на основе многообразия врачебных записей свидетельств о смертности медики полагают, что официальные данные о летальности от коронавируса занижены. Их аргументы базируются, во-первых, на отсутствии в средствах массовой информации последнего времени ряда важнейших данных о масштабах общей смертности, во-вторых, на отклонении информации Министерства здравоохранения Республики Беларусь о выявленных коронавирусных заболеваниях, с одной стороны, и летальных исходов от коронавирусной инфекции, с другой стороны.

Содержание и объем статистической информации о демографических процессах зависят от сложившихся тенденций в этой сфере. Если показатели положительные (наблюдается рост рождаемости или снижение смертности), то это становится достоянием гласности. В прошлой допандемийной ситуации краткие показатели по смертности Национальный статистический комитет Республики Беларусь до 2020 г. обобщал по кварталам. Более подробную статистику естественного движения населения, в том числе смертности, Национальный статистический комитет Республики Беларусь предоставлял за полугодие. Полная демографическая информация, в том числе о смертности, включающей ее причины, становится известной из итоговых годовых данных. Месячная, квартальная и полугодовая статистика смертности, рождаемости в Беларуси стали недоступными. Так, по 2016 г., когда в Беларуси была положительная демографическая динамика, Национальный статистический комитет Республики Беларусь ежемесячно предоставлял информацию о процессах естественного движения населения. В 2017 г., когда в Беларуси резко снизилась рождаемость, информация о естественном движении населения уже стала доступной частично – в разрезе кварталов. Прежде Национальный статистический комитет Республики Беларусь регулярно 26-го числа каждого следующего месяца по завершению квартала публиковал в бюллетенях сведения о числе родившихся, умерших, количестве браков и разводов по сведениям органов ЗАГС. В настоящее время они уже отсутствуют.

В 2020 г., когда в стране по сравнению с соответствующим кварталом 2019 г. сложились позитивные показатели в состоянии смертности, уже 10 апреля Министерством здравоохранения Республики Беларусь, Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь была обнародована информация о естественном движении населения за первый квартал. По итогам второго и третьего кварталов информация о процессах естественного движения населения пользо-

вателям перестала быть доступной, это у специалистов вызывает предположение о негативном состоянии в этой сфере, а у населения вызывает предположение о том, что власти пытаются что-то скрыть. Кроме того, после 24 апреля 2020 г. исчезли данные Министерства здравоохранения Республики Беларусь о региональном распространении заболеваний коронавирусом в Беларуси. Это способствует распространению обыденных представлений о неполноте информации о реальном состоянии в стране с коронавирусом.

В Беларуси в отличие от России и Украины наблюдается большой недостаток информации о региональном распространении пандемии коронавируса, что преследует благую цель борьбы с паническими настроениями. В частности, последние официальные эпидемиологические данные по статистике регионального распространения выявленных и подтвержденных заболеваний коронавирусом в Беларуси, также количества умерших (погибших) в интернете имелись только по состоянию на 24 апреля 2020 г., когда прирост выявленных заболеваний в стране за сутки резко стал больше 750 случаев – почти на две сотни больше, чем двое суток ранее. Тогда в региональном распространении заболеваний коронавирусом в Беларуси на долю Минска выпало 46,6% случаев, а вместе с одноименной областью – 60,3%. Вторым регионом в Беларуси по коронавирусным заболеваниям оказалась Витебская область с их удельным весом 22,1%, что значительно выше суммы таких выявленных заболеваний в остальных четырех (Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской) областях страны. Ковидное плато первой волны пандемии в Беларуси остановилось на рубеже свыше 900 случаев выявленных коронавирусных заболеваний. Количество выявленных заболеваний более 700 случаев фиксировалась в течение семи дней. Более 800 выявленных случаев заболеваний были зафиксированы на протяжении 20 дней. Количество выявленных заболеваний более 900 случаев держалось на протяжении 28 дней. В середине июня их величина пошла на спад, снизившись в первых числах июля до уровня менее 300 случаев.

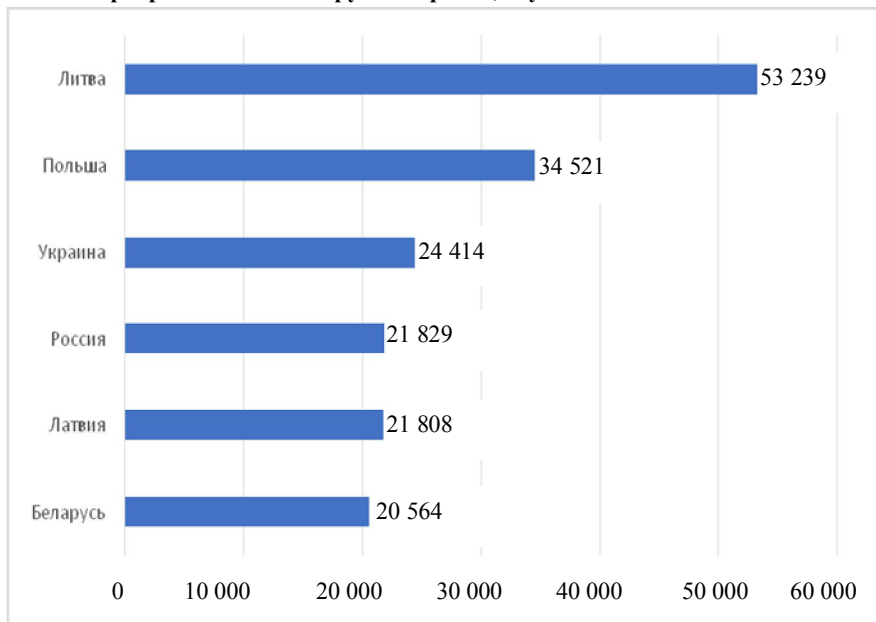
Наименьшее количество случаев отмечено 9 августа – 112 человек. На начало августа 2020 г. пришлись президентские выборы в Беларуси, затем начался новый всплеск выявленных заболеваний коронавирусом: 26 августа – 247 человек, в сентябре – 371 человек. Осенью, несмотря на серьезные меры по борьбе с коронавирусной пандемией, Беларусь, как и все страны мира, столкнулась со второй волной, гребень которой оказался более, чем в два раза выше весеннего уровня заболеваемости коронавирусом. В октябре был преодолен наивысший показатель весны – лета (983 случая), 10 ноября уже

было зафиксировано более тысячи случаев, а к концу ноября был установлен первый «антирекорд» – 1 691. В последний месяц 2020 г. ежедневный показатель выявленных заболеваний коронавирусом в Беларуси уже превысил 1 800 случаев. 12 декабря был установлен «антирекорд» – 1 975 случаев, а за две последние декады 2020 г. средний суточный показатель выявленных заболеваний коронавирусом превысил 1 900 случаев.

Пандемия COVID-19 в Беларуси на фоне международных тенденций

Во многих странах первая и вторая волна пандемии коронавируса в относительных величинах оказалась более высокой, чем в Беларуси, однако даже это не может служить слабым утешением. В расчете на миллион населения показатели заболеваемости коронавирусом в 2020 г. в Беларуси составили 20 564 случая, в то время как в граничащих с Беларусью странами он оказался выше: в Литве – 53 239 случаев, в Польше – 34 521, в Украине – 24 414, в России – 21 829, в Латвии – 21 808 случая (рисунок).

Количество выявленных в 2020 г. заболеваний коронавирусом в приграничных с Беларусью странах, случаев на 1 млн населения

Среди европейских государств меньше, чем в Беларуси, уровень заболеваемости коронавирусом зафиксирован в семи странах – Греции, Ирландии, Исландии, на Кипре, Фарерах, а также в Норвегии и Финляндии. В последних странах на миллион населения он самый низкий среди европейских государств: в Норвегии – 9 107 случаев, в Финляндии – 6 512, или в 2,3–3,2 раза меньше, чем в Беларуси. Высокие уровни заболеваемости коронавирусом на миллион жителей страны зафиксированы в Соединенных Штатах Америки – 61 588 случаев, в Европе (кроме Литвы), в Испании – 41 415 случая, в «карликовом» государстве Андорре – 104 090. Последнее не отражает вышеперечисленные факторы, так как княжество расположено между Испанией и Францией, т. е., во-первых, со странами с высоким уровнем заболеваемости коронавирусом, во-вторых, являющихся в демографическом отражении – в миграционном плане наряду с указанными странами центром европейского туризма.

Беларусь является одним из лидеров на европейском постсоветском пространстве по количеству проведенных испытаний на наличие SARS-CoV-2 – 3 988 420 теста. Ими в 2020 г. было охвачено более трети населения, установлено 194 284 случаев заражения, или 4,87%. В результате в Беларуси по итогам 2020 г. смертность от коронавируса ниже, чем в Европе – 1 424 погибших, или 0,73% от числа заболевших, что в 4–5 раз ниже, чем во многих европейских странах. Так, процент летальных исходов от коронавируса составил в Болгарии 3,75, в Боснии и Герцеговине – 3,65, в Италии – 3,52, в Греции – 3,49, в Бельгии – 3,03, в Северной Македонии – 3,01. Наивысший показатель их летальности отмечен в Мексике – 8,83%. В Китае – стране, с которой связывают появление коронавируса, этот показатель составил 5,25%. Столетие назад, в период эпидемии «испанки», ее масштабы на землях Беларуси также оказались одними из меньших в Европе.

Это результат особенности белорусского иммунитета, о чем свидетельствует следующая ситуация. В последней декаде январского чемпионата мира по гандболу 2021 г. в Египте некоторые команды пострадали от желудочной инфекции. Главный тренер белорусской сборной Ю. Шевцов отметил: «Со словенцами мы питались в одной столовой, нам готовили еду на одной кухне. Однако у них пострадали многие, а у нас – никто...» (Прессбол. 2021. 29 янв.).

Явные и латентные связи пандемии коронавируса и смертности

Об особенностях региональных масштабов распространения пандемии коронавируса в Беларуси можно судить по Витебской области, сравнивая величину численности ее населения в численности населения страны, которая составляет 12,4%, а Брестской, Гомельской, Гродненской и Могилевской областей – суммарно 51,7%. Ситуация в Витебской области отражает доминирование в распространении пандемии коронавируса самых массовых демографических процессов – миграционных процессов. В этой области с ее высокой степенью напряженности на рынке труда, отмеченной в 9 районах (Бешенковичском, Глубокском, Городокском, Миорском, Поставском, Россонском, Сенненском, Толочинском и Шарковщинском) соотносятся высокие размеры трудовой миграции на рынке труда Российской Федерации [14].

Карантин, введенный Российской Федерацией, заставил витебских трудовых мигрантов разными путями возвращаться на родину, что стало важным фактором распространения эпидемии в области, имеющей среди приграничных белорусских областей самую протяженную границу с Россией (со Смоленской и Псковской областями) на северо-востоке.

Большинство государств наложили временный запрет на массовые передвижения через границы своих стран как преграду распространению коронавируса. Кроме проблемы здоровья, коронавирусные процессы, приведшие к перекрытию границ, вызвали ряд социально-экономических проблем для трудовых мигрантов. Для Беларуси, численность трудовых мигрантов которой на рынке труда России составляет более 800 тыс., это важнейший фактор пандемии коронавируса. Часть тех, кто имел в России личные средства передвижения, смогли без особых сложностей пересекать российско-белорусскую границу и вернуться на Родину. Этим воспользовались витебские трудовые мигранты российского рынка труда, переждать в Беларуси карантин им дешевле. Здесь они попали в непростую ситуацию невозможности трудоустройства из-за отсутствия в Беларуси достойных свободных мест приложения труда. Возврат в Россию грозил там двухнедельным карантином и другими сложностями.

Белорусско-российская граница оставалась полуоткрытой, многие белорусские трудовые мигранты, лишившись источников занятости, но не имеющие средств передвижения (поезда, автобусы, маршрутки и попутки типа BlaBlaCar были отменены), в связи с прекращением

трудовой деятельности ряда производств регионов Центрального федерального округа временно оставались на территории соседней страны. Оставшиеся на территории России белорусские трудовые мигранты оказались без работы и источников существования, так как временные работники (не граждане России), они не получали в России даже небольших декларируемых пособий. Примером являются нефтяники – «вахтовики», которые более чем на три месяца оставались на тюменских промыслах из-за отмены авиарейсов, а сменяющие их команды из Речицы остались сидеть дома без работы и заработка.

В демографическом плане в обычных условиях смертность ранее прежде всего связана с возрастной структурой населения страны. Чем больше возраст людей, тем более высокая вероятность летального исхода, что подтверждается данными медицинской статистики по Беларуси за последний 30-летний период (таблица 1).

Таблица 1 – **Возрастные коэффициенты смертности (число умерших на 1 000 человек соответствующей возрастной группы), %**

Годы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Всего	10,8	13,1	13,5	14,7	14,4	12,6	12,6	12,6	12,7	12,7
<i>В том числе в возрасте (лет)</i>										
До 5	2,8	2,9	2,5	1,9	1,1	0,8	0,8	0,7	0,6	0,5
5–9	0,4	0,4	0,2	0,3	0,2	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
10–14	0,3	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1	0,2	0,1
15–19	0,9	1,0	0,8	0,7	0,7	0,3	0,3	0,4	0,3	0,4
20–24	1,4	1,6	1,7	1,4	1,2	0,7	0,5	0,6	0,5	0,5
25–29	1,6	2,1	2,2	2,2	1,7	1,1	0,8	0,9	0,8	0,7
30–34	2,1	2,7	3,0	3,3	2,8	1,7	1,4	1,3	1,4	1,4
35–39	2,9	3,9	4,0	4,3	3,9	2,6	2,2	2,3	2,2	2,2
40–44	4,2	5,8	5,5	6,0	5,5	3,7	3,6	3,5	3,6	3,7
45–49	7,0	8,7	8,2	8,7	7,7	5,5	5,3	5,2	5,3	5,5
50–54	9,6	13,6	11,7	12,7	11,1	7,9	7,7	7,5	7,7	8,1
55–59	13,6	17,5	18,1	18,1	16,2	12,0	11,7	11,4	11,7	11,9
60–64	18,9	24,3	24,3	27,3	23,6	18,3	17,7	17,8	17,7	18,2
65–69	26,5	32,6	33,9	34,4	31,7	25,0	25,1	24,8	25,1	24,6

Окончание таблицы 1

Годы	1990	1995	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
70 лет и старше	84,7	88,5	80,5	81,3	79,6	78,8	78,4	79,7	78,4	76,3
Примечание – Источники: [15–16].										

Так, показатели смертности (в расчете на 1 000 человек населения) тесно соотносятся с возрастной структурой. Присутствует тенденция роста смертности по мере старения населения. Уже на рубеже возраста 50 лет более 10 человек из тысячи населения данной возрастной группы умерли. В возрасте 60 лет эта участь грозит 30 жителям страны из тысячи человек этой возрастной когорты. В возрастной группе населения старше 70 лет эта статистика увеличивается до показателя в 80 человек. Чем более высокий процент в населении страны людей старшего возраста, тем более высокие показатели летальности. В связи с тем, что в послевоенное время самая высокая рождаемость в Беларуси пришлось на период с 1948 г., то в 2020 г. и последующих годах ожидаются самые высокие показатели когорты населения старше 70 лет, родившихся в конце сороковых годов, как следствие, рост смертности.

С демографических позиций важно определить долю причин смертности в ее общей структуре. Анализ динамики смертности за последние три десятилетия выявляет ее высокий уровень последнего пятилетия прошедшего и первого десятилетия нынешнего столетия (таблица 2).

Таблица 2 – Динамика масштабов смертности населения Республики Беларусь за период 1990–2019 гг., человек

Годы	Умерло
1990	109 582
1991	114 650
1992	116 674
1993	128 544
1994	130 003
1995	133 775
1996	133 422

Окончание таблицы 2

Годы	Умерло
1997	136 653
1998	137 296
1999	142 027
2000	134 867
2001	140 299
2002	146 655
2003	143 200
2004	140 064
2005	141 857
2006	138 426
2007	132 993
2008	133 879
2009	135 097
2010	137 132
2011	135 090
2012	126 531
2013	125 326
2014	121 542
2015	120 026
2016	119 379
2017	119 311
2018	120 053
2019	120 470

Примечание – Источники: [15–16].

Этот высокий уровень и рост был обусловлен социально-экономическим и социально-политическим кризисом периода развала единого демографического пространства, а также высокой долей в структуре населения лиц, родившихся в довоенные годы, – с высоким уровнем рождаемости. Второе десятилетие нынешнего столетия характеризовалось резким снижением масштабов смертности. Это снижение отражает изменения в возрастной структуре населения, демографическая суть которых заключается в том, что в 70-летний возраст

вступило малочисленное население, т. е. родившееся в период Великой Отечественной войны – период низкого уровня рождаемости.

Небольшие колебания в масштабах смертности 2014–2019 гг. не являются столь существенными. В последние три года в Беларуси наблюдается небольшой рост смертности – более тысячи случаев. Это существенный момент для характеристики смертности от коронавируса. Если бы не было этого небольшого роста смертности в Беларуси допандемийного периода, то это могло быть «зачислено» в результате пандемии коронавируса. В обществе существует высокий запрос на различную информацию по проблемам коронавирусных заболеваний.

Средняя ежедневная смертность в 2016–2017 гг. составляла 326 человек, в 2018 г. – 329, в 2019 г. – 331 человек, или 1 человек за каждые 4–5 мин. Такое же число умерших в Беларуси (331 человек) с признаками коронавируса, отягощенное рядом хронических заболеваний, охватило период с 31 марта по 18 июня, т. е. за 78 дней, что менее квартала. Автор утверждает, что без пандемии в ближайшей перспективе нас ожидал бы и ожидает рост масштабов смертности, так как возраста более 70 лет в третьем десятилетии достигнет большая численность населения (значительно более 1 млн), чем за предшествующий период.

Это в обычных одинаковых условиях. Эпидемии вносят коррективы в сложившуюся динамику смертности, продолжительность жизни, уровень которой еще в допандемийный период среди мужского населения начал снижаться. Это с демографических позиций особенно беспокоит, так как за последние два десятилетия в Беларуси зафиксировано уменьшение удельного веса мужского населения. По данным зарубежной медицинской статистики, хотя мужчины и женщины примерно одинаково часто заражаются коронавирусом, но мужчины почти в три раза чаще попадают в отделение интенсивной терапии с тяжелым течением коронавируса. Риск умереть от коронавируса у мужчин почти в 1,4 раза превышает риск у женщин [17].

В эти кризисные времена присутствовали сложности получения пользователями данных от государственных органов в Беларуси информации о состоянии общей смертности. Являясь составной частью международного статистического сообщества, белорусские статистики эту информацию предоставляют в соответствующую демографическую структуру Организации Объединенных Наций (ООН), которая позволяет увидеть реальную ситуацию состояния смертности в Беларуси на фоне пандемии коронавируса (таблица 3).

Таблица 3 – **Общие показатели месячной смертности в Республике Беларусь в 2016–2020 гг. ***, человек

Месяцы	2016	2017	2018	2019	2020
Январь	11 322	11 978	10 659	11 904	10 725
Февраль	9 764	10 188	9 391	10 115	9 622
Март	10 260	10 205	12 080	10 206	10 690
I квартал	31 346	32 371	32 130	32 225	31 037
Апрель	9 817	9 793	10 825	10 343	10 886
Май	10 453	10 142	9 940	10 657	11 966
Июнь	9 629	9 304	9 036	9 263	13 016
II квартал	29 899	29 239	29 801	30 263	35 868
1-е полугодие	61 245	61 610	61 931	62 488	66 905
Июль	9 377	9 272	9 525	9 989	
Август	9 134	9 134	9 215	9 065	
Сентябрь	9 073	9 233	9 249	9 113	
III квартал	27 584	27 639	27 989	28 167	
Октябрь	10 364	10 629	10 256	10 519	
Ноябрь	9 969	9 309	9 545	9 374	
Декабрь	10 207	9 916	10 326	10 365	
IV квартал	30 540	29 854	30 127	30 258	
2-е полугодие	58 124	57 493	58 116	58 425	73 095 **
Всего	119 369	119 103	120 047	120 913	140 000 **
<p>* Данные об общей смертности по Республике Беларусь составлены и суммированы на основе материалов ООН, в отличие от показателей таблицы 2, основанных на материалах Национального статистического комитета Республики Беларусь, в некоторых периодах они не всегда совпадают (2016 г. – на 10 человек, 2017 г. – на 208, 2018 г. – на 6, 2019 г. – на 443, за I квартал 2020 г. – на 2 человека). На общие тенденции они существенно не влияют.</p> <p>** Расчетные данные автора.</p>					
Примечание – Источник: [18].					

Анализ этой информации выявляет, что самые высокие масштабы смертности выпадают на первые (зимние и весенние) кварталы, наименьшие – на третьи (летние). Уровень смертности в первом квартале 2020 г. по сравнению с соответствующими периодами последних пя-

ти лет оказался самым низким. Так, общее число умерших по сравнению с первым кварталом 2019 г. в этом периоде снизилось на 3,7%.

Важной характеристикой смертности является ее сезонная особенность, тенденцию которой в 2020 г. из-за прекращения публикаций Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь проследить не удастся. Однако данные ООН выявляют, что самые высокие масштабы смертности выпадают на поздние осенние, зимние и ранние весенние месяцы, а наименьшие – на летние месяцы. На сезонные периоды с высокими показателями смертности приходится церковные праздники, роль которых на состоянии смертности отмечал еще в середине XVIII в. М. В. Ломоносов. В своем письме «О размножении и сохранении российского народа» фактором повышенной смертности он отмечал посты, приходящиеся на период, «когда все скверности, накопленные от человеков и от других животных, бывших во всю зиму заключенными от морозов, вдруг освобождаются и наполняют воздух, мешаются с водою и нам ... во все строение жизненных членов человеческого тела вливаются, рожают болезни в здоровых, умножают оные в больных и смерть; неоспоримое есть дело, что неравное течение жизни и крутопеременное питание тела не только вредно человеку, но и смертоносно, так что строгих постников, притом усердных и ревностных праздничколюбцев, самоубийцами почесть можно» [19].

Хотя фактор сезонности смертей сейчас и в эпоху М. В. Ломоносова обусловлен различными обстоятельствами, но он очевиден. Так, на фоне общей смертности за сорокалетие во всех июньских месяцах за период с 1980 г. зафиксировано уменьшение смертности по сравнению с показателями майских месяцев. В июне 2020 г. она выросла на 1 050 случаев. В июне 2020 г. за сорокалетний период зафиксирована огромная величина смертности июньских месяцев – на 1 700 случаев больше, чем в июне 1999 г., когда она до этого была самой высокой.

Сравнимые показатели ООН по смертности в Беларуси отражают негативную ситуацию в этой сфере в первом полугодии в целом, в особенности – во втором квартале 2020 г. Так, в пятилетии 2016–2020 гг. увеличение общей смертности в первом полугодии 2017 г. по сравнению с таким периодом 2016 г. составило 1,1% (665 случаев), соответственно, 2018 г. к 2017 г. – 0,5% (321 случай), 2019 г. к 2018 г. – 0,9% (587 случаев). В первом полугодии 2020 г. прирост общей смертности по отношению к уровню первого полугодия 2019 г. составил 7,1%, или 4 417 случаев. В 2016–2019 гг. во втором квартале по сравнению

с первым кварталом зафиксировано снижение общей смертности в среднем на 7,5%. В 2020 г. общая смертность во втором квартале выросла на 15,6%, или на 4 821 случай а в сравнении с общими показателями вторых кварталов 2016–2019 гг. – более чем на 20%. Помесячное увеличение общей смертности в 2020 г. к 2019 г. составило в апреле 5,2% (543 случая), в мае – 12,3 (1 389 случаев), в июне – 49,5% (3 753 случая).

За первый квартал 2020 г., когда в Беларуси еще не было выявлено ни одного заболевания коронавирусом умерших от пневмонии было 254 случая, то в следующем квартале смертей (от пневмонии), связанных с коронавирусом (по формулировке Министерства здравоохранения Республики Беларусь «с рядом хронических заболеваний с выявленной коронавирусной инфекцией»), скончалось 398 человек, а за третий квартал 2020 г. – 441 человек [20]. Поквартальный прирост избыточных смертей по отношению к первому кварталу по причине пневмонии составил 57,0%, во втором квартале – 73,6%. Коронавирус как современный фактор пневмонии оказал существенное влияние на рост смертности по этой причине.

Предыдущие большие показатели общей смертности в восьми месяцах приходились на зимний период конца 1990-х – начала 2000-х гг. В 2001–2005 гг. общая смертность в Беларуси превышала 140-тысячный рубеж. Если исходить, во-первых, из тенденции общей смертности за второй квартал текущего года, во-вторых, из сложившейся возрастной структуры населения страны, в-третьих, из более высоких показателей выявленных коронавирусных заболеваний с октября по декабрь 2020 г., то в целом уровень общей смертности в Республике Беларусь может превзойти или приблизиться к самому высокому показателю, приходившемуся на 2002 г., когда произошло 146 655 смертельных случаев, численность населения страны была больше на 489 тыс. человек.

Такая ситуация позволяет сделать вывод, что по итогам 2020 г. смертность в естественном движении населения Беларуси по оптимистическому (если в данном случае применима такая характеристика) сценарию может составить около 140 тыс., а по самому пессимистическому – оказаться на уровне 2002 г. (или даже превысить его), когда их число превысило 146 тыс. человек. Если в 2019 г. средняя ежедневная смертность по стране составила 331 человек, то по итогам 2020 г. она будет в пределах четырех сотен. Несмотря на отсутствие в статистике Министерства здравоохранения Республики Беларусь и Национального статистического комитета Республики Беларусь ин-

формации о масштабах смертности в целом за 2020 г., этот вывод на основе методологии Big Data, означающей использование многообразия (variety) данных, расчета показателей розничного товарооборота на душу населения в 2020 г. Этот косвенный расчет позволяет выявить, что за 2020 г. численность населения Беларуси сократилась более чем на 45 тыс. человек, т. е. такой величины сокращения численности населения страны ни в одном году периода 2000–2019 гг. не было зафиксировано. В этом сокращении есть доля смертности. В таблице 4 представлена возрастная структура среднегодовой численности населения Беларуси за 2019 г.

Таблица 4 – **Возрастная структура среднегодовой численности населения Беларуси за 2019 г.**

Возраст, лет	Численность, человек
0–4	542 175
5–9	570 434
10–14	492 102
15–19	448 911
20–24	482 098
25–29	655 607
30–34	776 326
35–39	750 077
40–44	661 937
45–49	638 500
50–54	631 964
55–59	718 395
60–64	659 500
65–69	510 092
70–74	332 096
75–79	240 137
80–84	221 796
Более 85	153 790
Примечание – Источник: [21].	

Ежемесячная информация ООН об общей смертности дает возможность выявить роль коронавируса в высокой смертности в Беларуси за второй квартал 2020 г. На наш взгляд, важными факторами оказались, во-первых, коронавирусная пандемия, во-вторых, увеличение численности пожилого населения, в-третьих, латентные последствия коронавируса, негативно повлиявшие на работу системы здравоохранения с пациентами с другими заболеваниями. Население испытывало трудности попасть на прием к участковым врачам поликлиник. В отличие от предыдущих лет республиканские статистические органы серьезно обеспокоены этой ситуацией. Недоступной становится информация о процессах естественного движения населения. Оказывается медвежья услуга органам государственного управления, которые в этой связи не могут опираться на выводы ученых, не имеющих полной и достоверной информационной базы в этой сфере.

По многолетним данным смертность с диагнозом пневмония, по которой сейчас в основном проходит статистика по коронавирусу, составляет более трети от всех смертей по причине болезней органов дыхания (в первых кварталах 2019 и 2020 гг. – 38,4 и 44,0% соответственно). За 30-летний период в 1991–2016 гг. динамика масштабов смертности, связанных с болезнями органов дыхания, населения в Беларуси характеризуется тенденцией снижения (более чем в 4 раза). С 2017 г. смертность по причинам, связанным с болезнями органов дыхания, выросла более чем на 28% (таблица 5).

Таблица 5 – Динамика масштабов смертности, связанных с болезнями органов дыхания населения, за 1990–2019 гг., человек

Годы	Умерло
1990	7 518
1991	6 807
1992	6 224
1993	7 103
1994	6 756
1995	6 776
1996	6 693
1997	7 024
1998	6 870

Окончание таблицы 5

Годы	Умерло
1999	7 244
2000	6 686
2001	6 515
2002	6 352
2003	4 951
2004	5 056
2005	5 286
2006	5 126
2007	4 682
2008	4 028
2009	4 117
2010	3 540
2011	3 117
2012	2 271
2013	2 138
2014	1 865
2015	1 871
2016	1 807
2017	1 893
2018	2 224
2019	2 375
Примечание – Источники: [15–16].	

Следуя методологическим рекомендациям лауреата Нобелевской премии по экономике А. Сены (сравнивать тенденции трехлетних периодов), отметим, что рост смертей, связанных с болезнями органов дыхания в 2017–2019 гг. (еще в допандемийном периоде) по отношению к 2014–2016 гг., составил 16,0%. На тенденцию роста уровня летальности по причинам болезней органов дыхания в 2020 г. повлиял коронавирус.

Если говорить о смертности от коронавируса разных возрастных структур на Западе, необходимо обратить внимание на массовые смерти в домах престарелых. На наш взгляд, это отражает особенности менталитета западноевропейского населения. Там в менталитете их населения преобладает индивидуалистический тип поведения, что сказывается на скоплении пожилых людей в домах престарелых. В Беларуси с национальным коллективистским демографическим менталитетом большинство населения престарелого возраста живет в семьях. Эти ментальные особенности в отношении коронавирусной ситуации в Беларуси с массовой летальностью существенно отличаются от западной тенденции. Динамика возрастной структуры населения Беларуси характеризуется тенденцией роста в ближайшей перспективе доли старших возрастных когорт, что объективно ведет к росту уровня смертности. Независимо от составляющей, связанной с коронавирусом, это может вызвать рост летальных исходов. Это надо осознавать и к этому следует готовиться даже без составляющей, связанной с коронавирусом.

Готовиться в социально-бытовом, медицинском, научном плане. Готовиться потому, что Беларусь в начале 2000-х гг. в медицинском аспекте упустила свой шанс оказаться спустя 20 лет в авангарде борьбы с новым вирусом. Так, один из ректоров Гомельского государственного медицинского университета, специалист в области вирусологии, хотел создать в учреждении высшего образования кафедру по юго-восточным вирусам, но его инициативу не поддержали. Шанс был упущен.

Заключение

Таким образом, миграция коронавируса и ее последствия в мире в целом и в Беларуси взаимосвязаны с рядом демографических факторов. Во-первых, это процесс урбанизации и рост агломераций, создающих «благоприятную» среду для распространения вирусных заболеваний. Во-вторых, доминирующим фактором являются многообразные миграционные процессы. В их межгосударственном распространении носителем коронавируса выступают многие виды международной миграции. Во внутристрановом масштабе их величина связана с внутренней миграцией, с трудовой миграцией от периферии к центру. В-третьих, коронавирус влияет на структуру причин смертности, увеличивая рост от болезней органов дыхания. В-четвертых, на динамику смертности оказывают влияние тенденции в изменении возрастной структуры населения, которые в ближайшей перспективе

наряду с составляющей, связанной с коронавирусом, могут вызвать рост летальных исходов в Беларуси. В-пятых, ситуация с коронавирусом повлияла на национальную этическую демографию – достойные похороны, свидетельствующие, что ушедшие из жизни остаются жить в памяти живущих. В-шестых, акцент на борьбу с коронавирусом негативно сказался на работе системы здравоохранения в целом. Возникли проблемы с проведением других плановых операций, население столкнулось с трудностями доступа и посещения поликлиник. В-седьмых, чтобы не способствовать слухам, недопустимой является ситуация с нынешней закрытостью текущих основных демографических показателей в целом по стране и регионам. Для ученых их отсутствие может привести к ошибочным выводам, неправильным управленческим решениям, при принятии которых управленцы опираются на выводы и рекомендации ученых. Это требует необходимости их учета при разработке Программы национальной демографической безопасности Республики Беларусь на 2021–2025 годы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии на основе опубликованных за последние годы статей по социолого-демографической проблематике был сформулирован ряд концепций. Это концепции экстранальных и интрональных факторов, объективных и субъективных составляющих демографических процессов, социально-экономической и социальной обусловленности демографических процессов, соответствия (связи) социально-трудовых отношений и демографических процессов. Раскрыты факторы депопуляционной демографической спирали Беларуси последних лет, порожденные неудачной финансовой реформой пенсионного законодательства, основанного на замене трудового стажа на страховой стаж.

В прикладном плане дана характеристика трансформации и изменения миграционной ориентации поколения граждан Беларуси, выросшего в новых политических и социально-экономических условиях. В ней выявлены разноплановые (и противоречивые) последствия белорусской миграции в социально-экономических процессах страны и Союзного государства России и Беларуси. В частности, это обоснование преобладания в миграционных процессах Беларуси отрицательного сальдо.

Наряду с сугубо демографической тематикой (репродуктивное поведение, миграция, трудовая миграция, продолжительность жизни) изложен анализ проблем прикладной, экономической, региональной и этнической социологии, социологических аспектов ряда концепций лауреатов нобелевской премии по экономике. В ней отражены проблемы современной белорусской демографической науки и демографической политики.

Существенными проблемами белорусской демографической науки стало исчезновение с начала третьего десятилетия нынешнего столетия статистической демографической информации о процессах естественного и механического движения населения, за исключением общей численности населения и распределении ее по пятилетним возрастным когортам. Исчезла статистическая информация по рождаемости и смертности, миграции, численности пенсионеров в стране, продолжительности жизни, оттоку кадров из IT-отрасли. С 2020 г. перестал издаваться важнейший для научного сообщества ежегодный статистический сборник «Демографический ежегодник Республики Беларусь» (ранее – «Население Республики Беларусь»). Прекращена публикация ежемесячных и квартальных демографических бюллетеней.

Единственным исключением является публикация Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г., на материалах которой представлен анализ демографических проблем развития и их негативных перспектив Беларуси. В сравнении с публикацией Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь итогов переписи населения 2009 г. опубликованные материалы переписи 2019 г. менее обширны. В частности, в современном мире с его возрастающими национальными проблемами важной является характеристика этнической структуры населения. Национальная структура населения Беларуси по итогам переписи 2019 г. представлена неполно – только 20 этносами, численность которых превышает тысячу человек. Опубликованные итоги переписи населения 2009 г. давали характеристику всех – более 130 этносов, проживающих в Беларуси.

Соккрытие белорусской статистикой демографической информации способствовало появлению в интернете домыслов от его пользователей о размерах нынешних репродуктивных процессов. В частности, имеются ввиду некорректные рассуждения о якобы 10%-ной тенденции снижения в Беларуси уровня рождаемости.

Наши расчеты на основе частично опубликованных статистическими органами данных о тенденциях изменений пятилетних возрастных когорт и доли родившихся в возрастной структуре 0–4 года, составивших в последнем десятилетии коэффициент 0,1665, дают представление о размерах рождаемости. При значительном уменьшении численности населения в возрасте 0–4 года на начало 2020 г. – 520 478 человек, 2021 г. – 482 898, 2022 г. – 444 851, 2023 г. – 416 021 человек (Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. Минск, 2023. С. 46), составившем за этот период 20,1%, в данной пропорции снижается число родившихся младенцев в указанной структуре. Распространение этого (наиболее высокого) коэффициента последнего десятилетия с 3%-ной статистической погрешностью дает расчетную численность родившегося белорусского населения в 2020 г. – 86 666 младенцев, в 2021 г. – 80 409, в 2022 г. – 74 073, в 2023 г. – 69 273 человека.

Особенно значительным является падение рождаемости в последние три года. Согласно расчетным данным автора, среднегодовой уровень рождаемости в 2021 г. составил около 80 тыс., а в 2022 г. упал ниже 75 тыс., в 2023 г. – ниже 70 тыс. человек. Анализ гендерной рождаемости как объективного фактора репродуктивных процессов показывает, что демографическая база (количество родившихся

девочек) перспективной потенциальной рождаемости в Республике Беларусь угрожает еще более высокому обострению демографической ситуации. Так, если годовая численность женщин активного репродуктивного возраста (родившихся в 1996–2006 гг.) оказалась менее 45 тыс. человек, то в результате действия мер Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности Республики Беларусь» (2002) эта база к 2016 г. выросла, достигнув численности более 57 тыс. С 2017 г. она начала резко сужаться: сначала в 2017 г. – более чем на 7 тыс., в 2018 г. – более чем на 4 тыс., в 2019 г. – еще более чем на 3 тыс. девочек. Всего за пять лет репродуктивный потенциал Республики Беларусь сократился почти на 20 тыс. потенциальных матерей. По расчетам автора, численность родившихся девочек (потенциальных матерей) в 2020 г. составляет приблизительно 40 770 человек, в 2021 г. – 37 248, в 2022 г. – 36 068 человек. Отсюда очевидна наша обеспокоенность репродуктивными перспективами депопуляционной демографической спирали в Беларуси.

В сокращении численности населения Беларуси наряду со снижением показателей репродуктивных процессов значительная доля принадлежит росту смертности. В связи с сокрытием их показателей воспользуемся опубликованными данными об изменениях в возрастной структуре о численности населения только старше трудоспособного возраста: в 2020 г. – 2 315 589 человек, в 2021 г. – 2 269 167, в 2022 г. – 2 195 177, в 2023 г. – 2 163 728 человек (Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023. С. 46). Сокращение на более чем 150 тыс. населения этого возраста за последние три года связано с ростом смертности, для которого характерен наиболее высокий удельный вес смертности.

После перерасчета Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь численности населения межпереписного периода 2009–2019 гг. в социальных сетях стали бурно обсуждаться измененные цифры Национального статистического комитета Республики Беларусь. Мы не критикуем эти перерасчеты и корректировку показателей об общей численности населения, так как перерасчет в связи с появлением новой информации является распространенной стандартной международной практикой. В Беларуси перерасчет численности от итогов переписи осуществляется не впервые. Так, в результате получения новой, более достоверной информации данные об общей численности населения корректировались за межпереписные 1990–1998, 2000–2008 гг. на основе итогов переписей населения 1989, 1999, 2009 гг. Также пересчитывались показатели об общей численности населения на 1 января как итоговые данные переписи

населения 2019 г., так и текущие показатели естественного (разницы между числом родившихся и умерших) и текущего механического (разницы между численностью прибывшего и выбывшего населения) движения.

В отдельные годы измененные данные расходились на 46 тыс. человек, что вызвало ряд вопросов и домыслов у пользователей социальных сетей. По информации Onliner, начальник управления демографической статистики и статистики здравоохранения И. Е. Бичан объяснила, что такое расхождение появилось из-за проблем миграционного учета. Для автора монографии главной констатацией руководителя демографического подразделения Национального статистического комитета Республики Беларусь является вывод, что «разница объясняется, как правило, недоучетом миграции, ведь граница с Россией у нас открыта, невозможно отследить всех выезжающих и приезжающих» (URL: <https://people.onliner.by/2021/05/13/v-belstate-rasskazali>).

Если при этом, соответственно, корректируются данные по расчету относительных показателей, рассчитываемых на душу населения, то в отношении миграции, которая вместо положительного сальдо имеет отрицательный итог, такая корректировка не делается. Навсегда остаются показатели о якобы положительном сальдо миграции. Этим самым начальник управления демографической статистики Национального статистического комитета Республики Беларусь подтверждает справедливость нашего анализа и выводов, представленных еще в 2006 г. в монографии «Демографическое измерение современной Беларуси» об отрицательном сальдо миграции Беларуси в межпереписных периодах 1990–1998 гг., 1999–2008 гг. и нынешнем 2010–2019 гг., отраженной в данной монографии.

Это опровергает ранее распространенные выводы белорусской статистики о якобы положительном миграционном сальдо Беларуси и подтверждает нашу позицию, изложенную в данной монографии. Представленные в монографии выводы по социолого-демографическим проблемам открывают перспективы для их более подробных исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Глава 1

1. **Борисов, В. А.** Демографическая дезорганизация России: 1897–2007. Избранные демографические труды / В. А. Борисов ; ред.-сост. А. И. Антонов. – М. : NOTA BENE, 2007. – 752 с.

2. **Мизес, Л.** Человеческая деятельность: трактат по экономической теории / Л. Мизес. – М. : Экономика, 2000. – 878 с.

3. **Мюрдаль, Г.** Современные проблемы «третьего мира» [пер. с англ.] / Г. Мюрдаль ; общ. ред. Р. А. Ульяновского. – М. : Прогресс, 1972. – 767 с.

4. **Клупт, М. А.** Теория демографического развития / М. А. Клупт // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 139–149.

5. **Боярский, А. Я.** Население и методы его изучения / А. Я. Боярский. – М. : Статистика, 1975. – 264 с.

6. **Шульц, Т.** Ценность детей / Т. Шульц // THESIS. – 1994. – Вып. 6. – С. 37–49.

7. **Беккер, Г. С.** Человеческое поведение: экономический подход. Избранные произведения по экономической теории / Г. С. Беккер. – М. : ВШЭ, 2003. – 672 с.

8. **Народонаселение.** Энциклопедический словарь / редкол.: Г. Г. Меликян (гл. ред.) [и др.]. – М. : Большая рос. энцикл., 1994. – 639 с.

9. **Паевский, В. В.** Демографические работы Леонарда Эйлера [Электронный ресурс] / В. В. Паевский // Демоскоп Weekly. – 2013. – № 559–560. – Режим доступа: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0559/-nauka01/php>. – Дата доступа: 24.06.2024.

10. **Злотников, А. Г.** Системность социологического знания / А. Г. Злотников // Социология. – 2005. – № 3. – С. 18–25.

11. **Злотников, А. Г.** Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики / А. Г. Злотников // Социология. – 2014. – № 2. – С. 70–84.

12. **Шахотько, Л. П.** Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько. – Минск : Бел. навука, 2009. – 439 с.

Глава 2

1. **Деружинский, В.** Мифы о Беларуси / В. Деружинский. – Минск : Харвест, 2016. – 336 с.

2. **Ігнатоўскі, У. М.** Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі ; уступ. арт. А. П. Грыцкевіча ; камент. і заўвагі Э. Н. Гнеўкі. – 5-е выд. – Мінск : Беларусь, 1990. – 190 с.

3. **Рыбаковский, Л. Л.** История и теория миграции : в 3 кн. / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон. информ., 2019. – Кн. 3 : Теория трех стадий миграционного процесса. – 218 с.

4. **Ключевский, В. О.** Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. – М. : Мысль, 1987–1990. – Т. 1 : Курс русской истории. Ч. 1 / предисл. В. Л. Янина, В. А. Александрова ; послесл. и комент. составили В. А. Александров, В. Г. Зимица. – 1987. – 430 с.

5. **Сідар, С. І.** Геаграфія ў пытаннях і адказах / С. І. Сідар. – Мінск : Народ. асвета, 1998. – 111 с.

6. **Багдановіч, М.** Збор твораў : у 2 т. / М. Багдановіч. – Мінск : Навука і тэхніка, 1968. – Т. 2. – С. 340.

7. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Мінск : Право и экономика, 2014. – 388 с. – (Серия «Гуманитарные науки»).

8. **Пилипенко, М. Ф.** Возникновение Беларуси: новая концепция / М. Ф. Пилипенко. – Мінск : Беларусь, 1991. – 143 с.

9. **Энцыклапедыя гісторыі Беларусі** : у 6 т. / Беларус. энцыкл. ; рэдкал.: Б. І. Сачанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 1994. – Т. 2 : Беліцк – Гімн. – 537 с.

Глава 3

1. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мінск : [б. и.], 2019. – 429 с.

2. **Мужчины** и женщины Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Мінск, 2018. – 166 с.

3. **Тихонова, Л.** Трудовая миграция и миграционная политика Республики Беларусь в рамках интеграции в Евразийский экономический союз / Л. Тихонова, Е. Краинец // Журн. междунар. права и междунар. отношений. – 2015. – № 2. – С. 65–71.

4. **Лукашенко, А. Г.** Программа завтрашнего дня / А. Г. Лукашенко // Республика. – 2010. – 6 снеж. – С. 4.

Глава 4

1. **Дулина, Н. В.** Экономика и культура : возможно ли раскодирование экономики? / Н. В. Дулина, Д. В. Моисеева // Logos et Praxis. – 2021. – Т. 20, № 1. –

С. 118–125. – Рец. на кн.: «Потому что так решили мы»: поведенческая экономика Беларуси и ее раскодирование / К. В. Рудый [и др.]. – Минск : Звезда, 2017. – 368 с.

2. **Финансовая** диета: реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый [и др.]. – Минск : Звезда, 2016. – 464 с.

3. **Смирнова, Р. А.** Сон разума рождает чудовищ // Р. А. Смирнова, В. Э. Смирнов // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 169–179.

4. **Scientific** Background on the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 2017. Richard H. Thaler: Integration Economics with Psychology [Electronic resource] / The Committee for the Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel // The Nobel Prize. – Mode of access: <https://www.nobelprize.org/uploads/2018/06/advanced-economicsciences2017.pdf>. – Date of access: 12.12.2017.

5. **Талер, Р.** Новая поведенческая экономика: почему люди нарушают правила традиционной экономики и как на этом заработать / Р. Талер ; пер. с англ. А. Прохоровой. – М. : Эксмо, 2017. – 368 с.

6. **Злотников, А. Г.** Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 59–68.

7. **Злотников, А. Г.** Пенсионная система и обеспечение демографической безопасности Республики Беларусь / А. Г. Злотников // Потребит. кооп. – 2017. – № 4. – С. 47–54.

8. **Переход** к рынку. Концепция и программы / С. С. Шаталин [и др.]. – М. : Архангельское, 1990. – 240 с.

9. **Маршалл, А.** Принципы политической экономии : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1983–1984. – Т. 1. – 1983. – 418 с.

10. **Белорусское** общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.]. – Минск : Бел. наука, 2017. – 394 с.

11. **Галковский, С.** Жители Светлогорска жалуются на атмосферу / С. Галковский // СБ. Беларусь сегодня. – 2018. – 30 янв. – С. 5.

Глава 5

1. **Клупт, М. А.** Теория демографического развития: институциональная перспектива / М. А. Клупт // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 139–149.

2. **Вишневский, А. Г.** Это ключ от другого замка / А. Г. Вишневский // Обществ. науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 150–155.

3. **Мертон, Р.** Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон ; пер. с англ. Е. Н. Егоровой [и др.]. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.

4. **Злотников, А. Г.** Экстернальные и интернальные факторы современных демографических процессов / А. Г. Злотников // Современные проблемы развития белорусского общества в условиях глобализации : сб. ст. / НАН Беларуси, Ин-т социологии ; редкол.: Г. М. Евелькин (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 183–186.

5. **Злотников, А. Г.** Экстернальность и интрональность демографических процессов / А. Г. Злотников // Демографическое развитие: вызовы глобализации (Седьмые Валентеевские чтения) : междунар. конф., Москва, 15–17 нояб. 2012 г. / под ред. В. А. Ионцева [и др.]. – М., 2012. – С. 74–86.

6. **Гуцаленко, Л. А.** Субъектология / Л. А. Гуцаленко // Социология. – 2011. – № 2. – С. 10–14.

7. **Злотников, А. Г.** Системность социологического знания / А. Г. Злотников // Социология. – 2005. – № 3. – С. 18–25.

8. **Сови, А.** Общая теория населения : в 2 т. / А. Сови ; пер. с фр. Ф. Р. Окуновой. – М. : Прогресс, 1977. – Т. 2 : Жизнь населений. – 519 с.

9. **Луман, Н.** Дифференциация / Н. Луман ; пер. с нем. Б. Скуратова. – М. : Логос, 2006. – 317 с.

10. **Бабосов, Е. М.** Взаимосвязь фундаментальных и прикладных исследований в сфере гуманитарного знания как условие формирования перспективных направлений / Е. М. Бабосов // Доклады НАН Беларуси. – 2014. – Т. 58, № 1. – С. 109–113.

11. **Юк, З. М.** Труд женщин и семья / З. М. Юк. – Минск : Беларусь, 1975. – 238 с.

12. **Васильева, Ю.** Своих в обиду не дают / Ю. Васильева, О. Пасяк // СБ. Беларусь сегодня. – 2012. – 13 дек. – С. 4.

13. **Новик, Е. К.** О Болонском процессе и действительных проблемах образования / Е. К. Новик // Социология. – 2013. – № 3. – С. 83–97.

14. **Бубнов, Ю. М.** Социологический метод индикации этнического радикализма / Ю. М. Бубнов // Социология. – 2011. – № 1. – С. 81–93.

15. **Довнар-Запольский, М. В.** История Белоруссии / М. В. Довнар-Запольский. – 2-е изд. – Минск : Беларусь, 2005. – 679 с.

16. **Шахотько, Л. П.** Модель демографического развития Республики Беларусь / Л. П. Шахотько. – Минск : Бел. навука, 2009. – 437 с.

17. **Романюк, А. И.** Демографическое будущее развитых обществ: между детерминизмом и свободой выбора / А. И. Романюк // Социол. исслед. – 1999. – № 3. – С. 70–79.

Глава 6

1. **Доклад** о демографической ситуации и содействии занятости населения [Электронный ресурс] // Президент Республики Беларусь : офиц. сайт. – Режим доступа: <https://president.gov.by>. – Дата доступа: 03.08.2017.

2. **Злотников, А. Г.** Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики / А. Г. Злотников // Социология. – 2014. – № 2. – С. 70–84.

3. **Финансовая** диета: реформы государственных финансов Беларуси / К. В. Рудый [и др.] ; под науч. ред. К. В. Рудого. – Минск : Звезда, 2016. – 464 с.

4. **Злотников, А. Г.** «Финансовая диета» как механизм депопуляционного развития Беларуси / А. Г. Злотников // Актуальні проблеми сьогодення у сфері фінансів, обліку та аудиту : тези доповідей інтернет-конференції, 24–25 травня 2016 р. – Хмельницький, 2016. – С. 433–439.

5. **Маршалл, А.** Принципы политической экономии : в 3 т. / А. Маршалл. – М. : Прогресс, 1983–1984. – Т. 1. – 1983. – 418 с.

6. **Пенсионное** обеспечение: сегодня и завтра [Электронный ресурс] // БелТА. – Режим доступа: <https://belta.by>. – Дата доступа: 30.03.2017.

7. **Злотников, А. Г.** Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? / А. Г. Злотников // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 91–97.

Глава 7

1. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. – 388 с.

2. **Злотников, А. Г.** Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси / А. Г. Злотников // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 59–68.

3. **Численность** населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2022. – 30 с.

4. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

5. **Лукашенко, А. Г.** Три столпа уверенного курса нашей страны: благополучие народа, миролюбивая внешняя политика, национальная безопасность : выступление Президента А. Г. Лукашенко при обращении с ежегодным Посланием к белорусскому народу и Парламенту // СБ. Беларусь сегодня. – 2019. – 20 апр. – С. 2.

6. **Раков, А. А.** Население БССР / А. А. Раков. – Минск : Наука и техника, 1969. – 224 с.

7. **Шахотько, Л. П.** Рождаемость в Белоруссии (социально-экономические вопросы) / Л. П. Шахотько. – Минск : Наука и техника, 1975. – 168 с.

8. **Шахотько, Л. П.** Воспроизводство населения Белорусской ССР / Л. П. Шахотько ; под ред. А. А. Ракова. – Минск : Наука и техника, 1985. – 128 с.

9. **Основные** организационные и методологические положения переписи населения Республики Беларусь 2019 года / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 1. – 199 с.

10. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 года : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2. – 487 с.

11. **Регионы** Республики Беларусь. Социально-экономические показатели. 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2020. – Т.1. – 776 с.

12. **О демографической** безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-З : в ред. от 9 сент. 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

13. **Государственная** программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28 // Министерство труда и социальной защиты Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mintrud.gov.by/ru/gos_programma_zdorovje2021_2025/3jul. – Дата доступа: 24.06.2024.

14. **Государственная** программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 марта 2016 г., № 200 // Национальная академия наук Беларуси. – Режим доступа: https://nasb.gov.by/rus/activities/research/2016/zdorovje_2016-2020.pdf. – Дата доступа: 25.06.2024.

Глава 8

1. **Злотников, А. Г.** Экстранальность и интрональность современной белорусской демографической политики / А. Г. Злотников // Социология. – 2014. – № 2. – С. 70–84.

2. **Злотников, А. Г.** Сальдо миграции Беларуси: положительное или отрицательное? / А. Г. Злотников // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 1. – С. 91–97.

3. **Злотников, А. Г.** Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси / А. Г. Злотников // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2017. – № 3. – С. 59–68.

4. **Злотников, А. Г.** Истоки нового витка депопуляции в Беларуси / А. Г. Злотников // Журн. Бел. гос. ун-та. Социология. – 2022. – № 2. – С. 36–48.

5. **Послание** Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. 19 апреля 2019 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P019p0001>. – Дата доступа: 25.12.2023.

6. **Послание** Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь. 31 марта 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P023p0001>. – Дата доступа: 25.12.2023.

7. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

8. **О демографической** безопасности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2002 г. № 80-З : в ред. от 9 сент. 2018 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

9. **Численность** населения на 1 января 2023 г. и среднегодовая численность населения за 2022 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2023. – 30 с.

10. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 года : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2 – 487 с.

11. **Государственная** программа «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 янв. 2021 г., № 28 // Министерство труда и социальной защиты населения Республики Беларусь. – Режим доступа: https://mintrud.gov.by/ru/gos_programma_zdorovje2021_2025/3_jul. – Дата доступа: 25.06.2024.

12. **Государственная** программа «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 14 дек. 2021 г., № 719 // Министерство экономики Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.economy.gov.by/ru/gos-progr-2021-25-ru>. – Дата доступа: 24.06.2024.

13. **Перепись** населения Российской Федерации 2021 г. Численность и национальный состав населения России [Электронный ресурс] // BDEX. – Режим доступа: https://bdex.ru/naselenie_russia/. – Дата доступа: 30.06.2024.

Глава 9

1. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2016. – 444 с.
2. **EU Member States issued a record number of 2.6 million first residence permits in 2015** [Electronic resource] // European Comission. – Mode of access: <http://www.ec.europa.eu/evrostat/documents/2995521/7715617/3-27102016-BP-EN.pdf/ca706fa0-14fc-4b71-a2e2-46b2b933f8f8>. – Date of access: 10.07.2016.
3. **Демографический** ежегодник России. 2015 : стат. сб. / Госкомстат России. – М. : Росстат, 2015. – 263 с.
4. **Злотников, А. Г.** Миграция в Беларуси: тенденции и проблемы оценки / А. Г. Злотников // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 9. – С. 33–37.
5. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции : монография / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. – 388 с.
6. **Злотников, А. Г.** Демографическое измерение современной Беларуси : монография / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2006. – 210 с.
7. **Население** Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : ИВЦ Белстата, 2009. – 463 с.
8. **Красовская, Н. И.** Современная демографическая политика Республики Беларусь: тенденции и приоритеты / Н. И. Красовская // Экон. бюл. НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2016. – № 9. – С. 4–13.

Глава 10

1. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2015 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2015. – 449 с.
2. **Злотников, А. Г.** Демографическое измерение современной Беларуси / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2006. – 212 с.
3. **Демографический** ежегодник России, 2014 : стат. сб. / Госкомстат России. – М. : Росстат, 2014. – 263 с.

Глава 11

1. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

2. **Злотников, А. Г.** Демографические идеи и концепции / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2014. – 388 с.

3. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 г. : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2. – 487 с.

4. **Численность** населения на 1 января 2022 г. и среднегодовая численность населения за 2021 г. по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2022. – 30 с.

5. **СБ.** Беларусь сегодня. – 2022. – № 19 (29 янв.). – С. 7.

Глава 12

1. **Коростелева, Л. Ю.** Миграция в теории трех стадий / Л. Ю. Коростелева // Социол. наука и социол. практика. – 2019. – № 3 (27). – С. 168–172. – Рец. на кн.: Рыбаковский, Л. Л. История и теория миграции населения / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2019. – Кн. 3: Теория трех стадий миграционного процесса. – 218 с.

2. **Перепись** населения, 2009 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2011. – Т. 3: Национальный состав населения Республики Беларусь. – 433 с.

3. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 г. : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2. – 487 с.

4. **Рязанцев, С. В.** «Наши» за границей. Русские россияне, русскоговорящие, соотечественники: расселение, интеграция и возвратная миграция в Россию / С. В. Рязанцев, А. А. Гребенюк. – М. : ИСПИ РАН, 2014. – 238 с.

5. **Снайдер, Т.** Реконструкция наций : [пер. с англ.] / Т. Снайдер. – М. : Вроцлав : Летний сад ; Коллегия Вост. Европы, 2013. – 409 с.

6. **Казаков, А. В.** Эмиграция знати с русских княжеств в Великое княжество Литовское (40-е гг. XV в. – 30-е гг. XVI в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А. В. Казаков ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2011. – 21 с.

7. **Ломоносов, М. В.** О размножении и сохранении российского народа / М. В. Ломоносов // Избранные философские произведения. – М., 1950. – С. 598–614.

8. **Жучкевич, В. А.** Краткий топонимический словарь Белоруссии / В. А. Жучкевич. – Минск : БГУ, 1974. – 448 с.

9. **Злотников, А. Г.** Демографическое измерение современной Беларуси : монография / А. Г. Злотников. – Минск : Право и экономика, 2006. – 210 с.

10. **Национальный** состав населения Республики Беларусь и распространенность языков : стат. сб. / М-во статистики и анализа Респ. Беларусь. – Минск : Информстат Минстата Респ. Беларусь, 2001. – 451 с. – (Итоги переписи населения Республики Беларусь 1999 г. ; Т. 1).

11. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

12. **Демографический** ежегодник России, 2021 : стат. сб. / Госкомстат России. – М : Росстат, 2021. – 256 с.

13. **Агеева, Р. А.** Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы : слов.-справ. / Р. А. Агеева. – М. : Академия, 2000. – 422 с.

14. **Национальный** состав населения СССР: по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. / Госкомстат СССР. – М. : Финансы и статистика, 1991. – 45 с.

15. **Перепись** населения Российской Федерации 2021 г. Численность и национальный состав населения России [Электронный ресурс] // BDEX. – Режим доступа: <https://bdex.ru/naselenie russia/>. – Дата доступа: 12.02.2024.

Глава 13

1. **Соколов, А. С.** Оценка достоверности результатов переписи населения 2019 г. в Белоруссии на основе анализов изменений в этнолингвистическом составе населения / А. С. Соколов // Демограф. обозрение. – 2022. – № 9 (4). – С. 61–103.

2. **Итоги** переписи населения Республики Беларусь 2019 г. : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : Альтиора Форте, 2021. – Т. 2. – 487 с.

3. **Миграционная** характеристика населения Республики Беларусь по данным переписи населения 2019 г. : стат. бюл. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2021. – 31 с.

4. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2012 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2012. – 499 с.

5. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2016 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2016. – 442 с.

6. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

7. **Регионы** Республики Беларусь 2020 г. : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2020. – Т. 1. – 776 с.

Глава 14

1. **О коронавирусе** в Беларуси [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2020. – № 863–864. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0863/gazeta06.php>. – Дата доступа: 25.06.2020.

2. **Боккаччо, Дж.** Декамерон / Дж. Боккаччо. – М. : ФИРМА АРТ, 1992. – 464 с.

3. **Рыбаковский, Л. Л.** Региональная дифференциация результативности демографических процессов / Л. Л. Рыбаковский, Н. И. Кожевникова // Соц.-трудовые исслед. – 2020. – № 3 (40). – С. 8–17.

4. **Рыбаковский, Л. Л.** История и теория миграции / Л. Л. Рыбаковский. – М. : Экон-Информ, 2017. – Кн. 2: Миграция населения: явление, понятие, детерминанты. – 234 с.

5. **Топилин, А. В.** О системном подходе к изучению международных миграционных процессов / А. В. Топилин // ДЕМИС. Демограф. исслед. – 2020. – № 1 (1). – С. 9–17.

6. **Роберти, Е. В.** Новая постановка основных вопросов социологии. Избранные труды / Е. В. Роберти ; отв. ред. А. О. Бороноев. – СПб. : Алетейя, 2008. – 495 с.

7. **Боброва, А. Г.** Современные тенденции смертности населения в Беларуси / А. Г. Боброва // Экон. бюл. Науч.-исследоват. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2012. – № 3. – С. 24–33.

8. **Станишевская, Л. С.** Демографическая ситуация в Республике Беларусь и эффективность мероприятий по ее улучшению / Л. С. Станишевская // Экон. бюл. Науч.-исследоват. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2018. – № 9. – С. 16–23.

9. **Кулак, А. Г.** Оценка динамики ожидаемой продолжительности жизни населения / А. Г. Кулак // Вестн. Бел. гос. экон. ун-та. – 2012. – № 5. – С. 49–57.

10. **Привалова, Н. Н.** Демографические проблемы и пути их решения: ожидаемая продолжительность жизни населения Беларуси / Н. Н. Привалова // Экон. бюл. Науч.-исследоват. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2021. – № 1. – С. 21–30.

11. **Боброва, А. Г.** Методика оценки экономических потерь, вызванных преждевременной смертностью населения Республики Беларусь / А. Г. Боброва // Экон. бюл. Науч.-исследоват. экон. ин-та М-ва экономики Респ. Беларусь. – 2013. – № 10. – С. 43–49.

12. **Злотников, А. Г.** Пандемия COVID-19 в Беларуси: демографическое отражение / А. Г. Злотников // Наука и инновации. – 2021. – № 1. – С. 71–78.

13. **«Новая газета»** о роли миграции в распространении коронавируса [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2020. – № 859–860. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0859/gazeta12.php>. – Дата доступа: 25.06.2020.

14. **О задачах** социально-экономического развития Республики Беларусь на 2020 г. : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 27 дек. 2019 г., № 921 [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: <http://www.etalonline.by>. – Дата доступа: 12.02.2020.

15. **Демографический** ежегодник Республики Беларусь, 2019 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2019. – 429 с.

16. **Статистический** ежегодник Республики Беларусь, 2020 : стат. сб. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2020. – 436 с.

17. **Мужской** пол как фактор риска при COVID-19 [Электронный ресурс] // Демоскоп Weekly. – 2020. – № 883–884. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2020/0883/mir01.php#17>. – Дата доступа: 03.01.2021.

18. **Data** United Nations about death on month in Belarus [Electronic resource] // UNdata. – Mode of access: <https://data.un.org/Search.aspx?q=death+by+month+in+Belarus&d=POP&f=tableCode%3a55%3bcountryCode%3a112>. – Date of access: 24.10.2020.

19. **Ломоносов, М. В.** Избранные философские произведения / М. В. Ломоносов. – М. : Госполитиздат, 1950. – 757 с.

20. **Статистика** – упрямый аргумент. О чем говорят цифры // СБ. Беларусь сегодня. – 2020. – 10 апр. – С. 7.

21. **Половозрастная** структура среднегодовой численности населения по Республике Беларусь за 2019 г. / Нац. стат. ком. Респ. Беларусь. – Минск : [б. и.], 2020. – 19 с.

Научное издание

Злотников Анатолий Геннадьевич

СОЦИОЛОГО- ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Монография

Редакторы: Е. И. Савченко, Ю. Г. Старовойтова
Компьютерная верстка Н. М. Евтухова

Подписано в печать 03.09.24. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.
Усл. печ. л. 13,72. Уч.-изд. л. 14,00. Тираж 64 экз.
Заказ №

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Белорусский торгово-экономический
университет потребительской кооперации».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/138 от 06.08.2024.
Просп. Октября, 50, 246029, Гомель.
<http://www.i-bteu.by>